

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1971

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Ответственный секретарь Э. Х. ИБРАГИМОВ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. Н. КОНОНОВ

ИСТОРИЯ ПРИОБРЕТЕНИЯ, ПЕРЕВОДОВ, ИЗДАНИЙ И ИЗУЧЕНИЯ СОЧИНЕНИЯ АБУ-Л-ГАЗИ „РОДОСЛОВНАЯ ТЮРОК“

Рукопись сочинения хивинского хана и историка Абу-л-Гази-Бахадур-хана (1603—1664) «Шаджара-и түрки — Родословная тюрок» была приобретена Филиппом Иоганном Страленбергом (1676—1747)¹, имя которого вошло в историю тюркологии в связи с опубликованием тюркских рунических надписей², первой классификацией урало-алтайских языков³, а также и введением в научный обиход упомянутой рукописи.

По словам самого Страленберга, в целях собирания материалов для своих научных занятий он поддерживал «дружеские отношения как с проживающими в г. Тобольске и его окрестностях бухарскими татарами, так и с другими татарами-мусульманами как ради изучения языка, так и ради тех путешествий, которые некоторые из них совершали в Великую Татарию. Особенно часто встречался я с их ахунум, очень любезным человеком по имени Азбакевич⁴. Однажды он показал мне, кроме всех других документов, которые у него имелись, две рукописи. Одна из них касалась Персии, а другая Татарии, причем эту последнюю он назвал «Чингиз Китап», т. е. «Книга Чингиза». Обе рукописи были получены из Туркестана. Из объяснений в отношении отдельных частей этих рукописей, данных им на русском языке, я понял, что в них, особенно в последней, содержится много материалов для описания Великой Татарии. Поэтому я выпросил у него эту рукопись, чтобы более подробно просмотреть ее с помощью другого моего знакомого татарина»⁵.

По достоинству оценив труд Абу-л-Гази, Страленберг поручил сделать его перевод знакомому татарину и двум пленным шведам, которые, «зная достаточно хорошо русский язык, засели втроем за работу в деревне, в которой жил этот татарин»; последний «слово в слово переводил каждое предложение на русский язык, а пленные офицеры переводили на

¹ М. Г. Новлянская. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.—Л., 1966, 95 стр. — До получения дворянского звания Страленберг носил фамилию Табберт.

² С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 5.

³ Ф. И. Страленберг. Северная и Восточная части Европы и Азии. Стокгольм, 1730 (на немецк. языке).

⁴ *Abulghasi Bahadür Chani. Historia Mongolorum et Tatarorum*, Casani, MDCCC XXV, стр. III: Asbeckowicz. (В дальнейшем это сочинение цитируется: Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа). — В списке книг и рукописей, принадлежавших Д. Г. Мессершмидту (ЛО ААН, ср. 98, оп. 1, № 4, л. 133 об): Asbackevitz. — Возможно, что фамилия Азбакевич — русское производное от имени Озбек.

⁵ М. Г. Новлянская. Указ. раб., стр. 78.

немецкой»⁶. Перевести этот текст полностью не удалось, так как татарин не понимал многих арабских, персидских и монгольских слов, которыми изобилует сочинение. Поэтому в немецком переводе оказались неясные места. И все-таки каждый (Страленберг и два шведа, принимавшие участие в переводе) «получил свой экземпляр перевода, а сделанные с них в дальнейшем копии попали потом еще и в другие руки»⁷.

Одним из двух шведов, записавших по-немецки русский перевод сочинения Абу-л-Гази со слов переводчика-татарина, был, по-видимому, Р. Schönström — П. Шёнстрём⁸, который позднее передал свою копию в библиотеку университета в г. Упсала (Швеция)⁹. Вторым, вероятно, был Bentinck — Бентинк (см. стр. 5)?

25 июня 1720 г. Д. Г. Мессершмидт отправил из Тобольска в Петербург в Медицинскую канцелярию (в ведении которой состояла его экспедиция) на имя архиатера и президента «Медицинского факультета» Иоганна Деодата Блюментроста (брата лейб-медика царя Л. Л. Блюментроста, впоследствии первого президента Академии наук) большую посылку, в которой среди различных материалов была и рукопись, полученная Мессершмидтом от Страленберга¹⁰ под названием: «Curiosa Sibiriae. Historico-Politica et Chronologica seu Abúl-Hási Bugudúr-Chan. Historia Genealogico-Politica. De Vita et Rebús gestis Magni Mongolorum Monarche Czingis-Chan. Turcico idiomate inscripta. *Chasa in Citap Schas-sare Turkey¹¹. Cum Almanách seu Calendario Tattarorum Sibiriensium Muhamedano. In MSS^{tis} Turcicis, ad Illustrem Facultatem Medicá d. 25 Juny, A. 1720. transmissa» (ЛО ААН, ф. 98, оп. I, № 22, л. 331) — «Курьезитеты Сибири. История, политика и хронология Абу-л-Гази Бахадур-хана. История, генеалогия, политика. О жизни и делах великого монгольского монарха Чингиз-хана. Написана на тюркском языке. Это — подлинно книга «Шаджара/-и/ тюрки». С альманахом и календарем сибирских татар-мусульман. Тюркская рукопись, пересланная в славный Медицинский факультет 25 июня 1720 г.»¹²

В указанном конволюте помещено лишь приведенное выше заглавие этого труда, а самой рукописи нет. Далее следуют два листа (лл. 332, 333), в верхней части которых повторяется заглавие, написанное мелким почерком, занимающим одну шестую часть листа. Это инвентарная запись. Сама же рукопись хранилась, вероятно, в архиве Медицинской канцелярии, а затем в библиотеке Академии наук. С этой рукописи по распоряжению Г. Я. Кера была снята копия, находящаяся в Москве, с которой Х. Д. Френ и Ибр. Хальфин в 1825 г. подготовили типографское издание книги (см. стр. 10).

В списке книг и рукописей Мессершмидта, составленном им в 1725 году, указаны следующие, к сожалению не сохранившиеся, материалы, имевшие самое непосредственное отношение к истории рукописи и пере-

⁶ М. Г. Новлянская. Указ. раб., стр. 79.

⁷ Там же. — См. еще: А. Stindberg. Notice sur la manuscrit de la première traduction de la chronique d'Abulghâsi—Behâder. Stockholm, 1889, стр. 5—8.

⁸ У Х. Д. Френа. Указ. соч., стр. III — предположительно, со знаком вопроса: Schoenstroem, т. е. та же фамилия в латинской транскрипции.

⁹ А. Стриндберг. Указ. соч., стр. 11.

¹⁰ М. Г. Новлянская. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970, стр. 9, 18—19, 22.

¹¹ Арабск. *наза ини китаб Шаджара (-и) тюрки 'это — подлинно книга «Родословная тюркская». — Данное сочинение в других рукописях известно под названием «Шаджара-и-түрк — Родословная тюрк» или «Шаджара-и түрк ва могол — Родословная тюрк и монголов».

¹² Ср.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре I, т. 1. СПб., 1862, стр. 359.

воду на немецкий язык сочинения Абу-л-Гази: 1. «Manuscriptum turcicum seu Linguae turcicae elementa per Achun Asbackevitz, Tobol'sk, in rot/em/ Leder¹³; 2. Abul-gassi-Bagadur-Chan, Chasa in Kitap Schassare Turkey. Ex turcico in german/icum/ per Capit/anum/ Phil/ippum/ Joan/nem/ Tabbert (Manuscript); 3. Phil/ipp/ Joan/nes/ Tabbert, Annotationes in Abul-gassi-Bagadur-Chan. Chasa in Kitap etc cum annotationum illustrationibus, germanice (Manuscript)¹⁴.

Сочинение Абу-л-Гази впервые было издано¹⁵ в 1726 г. в Лейдене в переводе на французский язык¹⁶. Переводчик и автор примечаний, скрывавшийся под псевдонимом Д***, которого Страленберг назвал «добрым другом» (см. ниже), в предисловии указывает, что появление этой книги целиком обязано пленным шведам. «Некоторые из них, — пишет он, — люди просвещенные, купив татарскую рукопись этой «Истории» у одного бухарского купца, привезшего ее в Тобольск¹⁷, перевели ее за свой счет сначала на русский язык, а затем с русского языка на различные другие языки. Однако во все эти переводы вкралось бесконечное количество ошибок как по неведению первых переводчиков, так и по недосмотру вторых. Пришлось употребить свыше года для того, чтобы разобраться в этой «Истории» и привести ее в такое состояние, чтобы она стала доступной читателям¹⁸. Существенную помощь, по словам переводчика, ему оказала копия с рукописи труда Абу-л-Гази, которую он получил «от одного из тех людей, которые сделали за свой счет ее перевод»¹⁹.

Приведенные выше слова автора французского перевода подтверждаются Страленбергом: «Благосклонный читатель возможно уже знаком с тем, что я изложил в моем Предварительном сообщении, [изданном] в 1726 г.²⁰, в котором речь идет об одном татарском манускрипте и о том, как при моем посредстве этот манускрипт с татарского на немецкий, а с последнего на французский был переведен моим добрым другом и был издан в 1726 г. в Лейдене под названием «Histoire généalogique des Tatars»²¹.

Переводчиком сочинения Абу-л-Гази на французский язык, скрывавшимся под псевдонимом Д***, был, по-видимому, пленный шведский офицер Bentinck — Бентинк²², который во время пребывания в Тобольске принимал участие в переводе этого сочинения на немецкий язык. Вероятно, поэтому Страленберг и называет его добрым другом.

¹³ ЛО ААН, ф. 98, оп. 1, № 4, л. 133 об. — См. еще: М. Г. Новлянская. Ф. И. Страленберг, стр. 33, прим. 5. — *D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720—1727. Teil 4, Berlin 1968, стр. 111, № 31.*

¹⁴ *D. G. Messerschmidt. Forschungsreise, Teil 4, стр. 113, №№ 18, 19.*

¹⁵ Издатель: Варени де Мондасс, см.: Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. III.

¹⁶ *Histoire généalogique des Tatars traduite du manuscrit tartare d'Abulgasi-Bayadur-Chan et enrichie d'un grand nombre des remarques authentiques et tres curieuses sur le veritable estat present de l'Asie septentrionale avec les cartes geographiques necessaire. Par D***. A. Leyde, 1726.*

¹⁷ Ср. со словами Страленберга, стр. 3—4.

¹⁸ Цит. по: М. Г. Новлянская. Ф. И. Страленберг, стр. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Verbericht eines zum Druck verfertigten Werkes von der Grossen Tatarey und dem Königreiche Sibirien, mit einem Angang von Gross-Russland. Stockholm, Anno, 1726.*

²¹ Ф. И. Страленберг. Северная и Восточная части Европы и Азии, стр. 113.

²² Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. III; И. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках СПб. — Отд. отт. из ЖМНП, 1850, № 12, стр. 17; А. Стриндберг. Указ. соч., стр. 13; П. Пекарский (История АИ, т. II, стр. 44, прим. 3), упоминая французский перевод «Родословной тюрок», после буквы «Д» в скобках поставил: Bentinck — вероятно опечатка вместо Bentinck. — М. Г. Новлянская. Ф. И. Страленберг, стр. 17—18, прим. 4. — Ср.: *D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727. Teil 1, Berlin, 1962, стр. 14.*

С французского издания был сделан перевод на русский язык, исполненный В. К. Тредиаковским: «Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописных татарских книги сочинения Абулгачи (I — А. К.) — Баядур-хана и дополненная великим числом примечаний достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северных Азии с потребными географическими ландкартами, а с французского на российский в Академии наук, ч. I—II (СПб., 1768)»²³.

Позднее (1780) французский перевод послужил оригиналом для перевода на английский язык.

Страленберг сам, по-видимому, собирался издать это сочинение в переводе на немецкий язык с соответствующими примечаниями. Однако появление французского перевода заставило его отказаться от этого намерения. Страленберг ограничился тем, что к «Введению» к своему труду «Северная и Восточная части Европы и Азии» (стр. 112—127) добавил специальный раздел, посвященный сочинению Абу-л-Гази²⁴. Здесь сведения Абу-л-Гази о тюркских племенах (стр. 116—121) сопоставляются с сообщениями Упсальского архиепископа Иоанна Магнуса (1488—1544); на стр. 114 приведены краткие данные из биографии Абу-л-Гази.

Готовясь издать немецкий перевод «Родословной тюрков», Страленберг составил примечания к тексту на немецком языке, которые в архиве Д. Мессершмидта значились под латинским названием: *Annotationes in Abul-gassi-Bagadur-Chan, «Chasa in Kitap» etc. cum annotationum illustrationibus, germanice* (см. ниже).

В бывшем Московском Главном архиве МИД (ЦГАДА, Москва) хранятся «Замечания на историю татар, сочиненную Абулгази Багадур-ханом»; из предисловия «видно, что... автор сих замечаний до 1723 г. был в Тобольске. Вероятно сия книга переведена с немецкого или другого какого-либо языка. Писана вчерне, в полстраницы, на 120-ти лл. № 274/510»²⁵.

Упоминаемые И. Ф. Токмаковым три факта: время (до 1723 г.), место (г. Тобольск), оригинал написан на немецком или каком-либо другом иностранном языке — позволяют предположить, что «Замечания на историю татар, сочиненную Абулгази Багадур-ханом» — это русский перевод немецких *Annotationes*, составленных Страленбергом.

Но кем, для кого, с какой целью сделан перевод? Можно предположить, что переводчиком примечаний Страленберга являлся В. Н. Татищев, единственный, пожалуй, в ту пору ученый, интересовавшийся историей тюрков в связи с историей России.

В. Н. Татищев по поручению Петра I в 1724 г. отправился в Швецию. В Стокгольме он встретился со Страленбергом, которого в 1720 г. видел в Тобольске²⁶. В связи с этой встречей Страленберг в письме от 12 марта 1725 г. к лингвисту Иоганну Фришу, ректору²⁷ Берлинской гимназии, писал: «Здесь в Стокгольме находится русский горный советник Татищев, очень интересный и образованный русский. Он охотно согласился взять

²³ Год издания установлен по данным П. Пекарского (История АН, т. II, стр. 44—45, прим. 1; 219).

²⁴ «Von des Abulgasi Bagadur-Chans Tatarischen Historie und desselben Ubereinstimmung mit denen Europäischen Scribenten — «О татарской истории Абу-л-Гази Багадур-хана и ее соответствии с таковой европейских писателей».

²⁵ И. Ф. Токмаков. Сборник и указатель документов и рукописей, относящихся к Казанской губернии и хранящихся в Московском Главном Архиве МИД и его библиотеке. — Труды IV Археологического съезда, т. II. Отд. IX, стр. 292.

²⁶ М. Г. Новлянская. Ф. И. Страленберг, стр. 77.

²⁷ Там же, вице-ректор... Я. Л. Фриш.

в Петербург для перевода имеющийся у меня труд Абулгази и обещал проверить его текст»²⁸.

Какой текст? Текст перевода или оригинала? Для перевода с оригинала на русский язык или для перевода с немецкого на русский? Все эти вопросы пока остаются без ответа.

В Архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (шифр: 26.5.470) хранится рукопись: «Абулгази-хан. Татарская история. Отрывок. Текст перевода с поправками В. Н. Татищева»²⁹.

В дальнейшем сочинение Абу-л-Гази изучалось весьма энергично; этот памятник на протяжении всего XIX столетия привлекал к себе внимание ряда ученых.

Немецкий перевод сочинения Абу-л-Гази «тщанием доктора медицины Дан. Готл. Мессершмидта (! — А. К.) в 1721 г. был переписан, а в 1778 г. вместе с экземпляром самой татарской рукописи... подарен библиотеке Гёттингенского университета». Профессор Гёттингенского университета Гаттерер опубликовал его в 1780 г. сначала в *Historisches Journal* (т. XII, XV, XVI), затем в *Allgemeine Historie der Reisen zu Wasser und zu Lande* (т. VII); в том же году это сочинение было издано отдельной книгой³⁰. «Однако надо признать, — писал Х. Д. Френ, — что и сам Мессершмидт, муж, впрочем, достойный похвалы за многие добродетели, не был осведомлен в языках и истории азиатских народов и (что следует признать самым главным в этом деле) не знал татарского языка, так что он ни в коем случае не мог самостоятельно переводить Абу-л-Гази, но только с чужой помощью; и скорее вообще следует предположить, что перевод, носящий его имя, изготовлен трудом тех же переводчиков, татарина и русского, и в то же время, и по той же рукописи, именно Страленберговский³¹, откуда французская версия происходит, так что, если мы правильно оцениваем дело, эту немецкую версию, хотя ее и следует предпочесть французской, потому что она восходит к татарскому тексту при единственном посреднике — русском языке, коим и сам Мессершмидт хорошо владел, — всего лишь сестрой французской следует считать. При таких обстоятельствах мессершмидтовский перевод подвержен таким же ошибкам, что и французский. И конечно, он наделен столькими явными пороками, что должна быть поколеблена его достоверность и в остальном. Итак, каждому понятно, что им одним нельзя пользоваться, не заглядывая в самый текст и не сверяясь с ним»³².

Академику Т.-З. Байеру принадлежит первый опыт перевода на латинский язык отрывка из «Родословной тюрков»: «*Speciment Libri Schagjire Turki latine conversi a Theophilo Sigefrido Bayere*³³ — Образец [из] книги [Абу-л-Гази] Шаджара [-и] түрки [Родословная тюркская]. Латинский перевод Теофила-Зигфрида Байера».

По мнению Френа, «Байер, хотя и осведомленнейший во всех свободных науках, легче, чем обычно считают, касался магометанских языков,

²⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 8.

²⁹ Исторический очерк и обзор фондов РОБАН. М.—Л., 1956, стр. 439, № 40.

³⁰ *Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der Mungalisch-Mogulischen oder Mogulischen Chanen. Aus einer türkischen Handschrift in Deutsche Übersetzt von D. Dan. Gottlieb Messerschmidt, Göttingen, 1780, 340 стр.; см.: Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. IV.*

³¹ У Мессершмидта, кроме экземпляра рукописи, пересланной в СПб. (1720), был еще один список «татарского» оригинала, принадлежащий ахуну Азбакевичу, а также перевод этого сочинения и примечания к нему, сделанные Ф. Н. Таббергом (Страленбергом).

³² Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. IV—V. — Цитируется по рукописи перевода старшего научного сотрудника ЛО ИВ АН СССР Н. Ш. Шифмана.

³³ *Nova Eruditorum*, t. 1. Leipzig, 1732, стр. 356—366.

а татарский только с порога приветствовал, так что в этом своем переводе, насколько по тому образцу можно судить, руководствовался немецким страленберговским, экземпляр коего, не знаю, каким способом, достался»³⁴.

Г. Я. Кер, одновременно с Байером, сделал полный перевод сочинения Абу-л-Гази на немецкий язык, который, как и многое другое из его трудов, остался в рукописи (АВ ЛО ИВ, ф. № 26, № 1, л. 331): «Das Ghiwischen Regenten Abu-l-Ghasi Bahâdur-Chans Monghâlisch-Tatarisch-Türkischen Geschlecht-Registers und Chronici wahrhaffte Uebersetzung aus dem Tatarischen Original-Text»³⁵.

Переводу Кера резко отрицательную оценку дал строгий, но справедливый Френ, по мнению которого, Кер «этого (тюркского. — А. К.) языка достаточно не знал и чересчур самоуверенно сражался в положении, когда его литературная амуниция (*букв.* гарнизон) не соответствовала... потребности... и создал перевод, который по справедливости можно назвать чудовищным по форме...»³⁶

Приговор Френа подтверждается состоянием подлинника рукописи перевода.

Рукопись перевода Кера буквально испещрена зачеркиваниями и исправлениями, вынесенными на поля и оборотные стороны листов, а также систематическими отсылками (на полях) к «Histoire généalogique des Tatars» (см. стр. 3); на л. 23 об. отметка: ср.: Histoire de Timur-Bec, connu sous le nom du Grand Tamerlan. A Delf 1723». Все это, безусловно, свидетельствует о тщательном редактировании перевода Кера. Не исключено, что редакторская правка принадлежит академику И. Э. Фишеру, на которого в 1733 г. «было возложено исправление немецкого перевода сочинения Абулгази-хана. Этот перевод был сделан непосредственно с татарского оригинала известным ориенталистом Кером очень близко к подлиннику, причем были верно переданы не совсем приличные для европейского уха выражения, за что Кера и винули как чудака»³⁷.

В архиве Кера (ЦГАДА, ф. 181, № 1459) хранится рукописная книга в кожаном переплете — копия «Родословной тюрков», снятая для Кера в 1733—1734 гг. со списка, привезенного из Тобольска (см. выше) и принадлежавшего библиотеке Академии наук, о чем на титульном листе и в конце текста (л. 395) имеются соответствующие записи. В конце копии (л. 395) на персидском языке сделана следующая запись: «Этот экземпляр «Шаджара [-и] тюрк» от начала и до конца изучил Муртаза Тевкили³⁸ и [установил, что его содержание] согласно с древними историями, особенно оно совпадает с историей ходжи Рашид [ад-дина]: в вилайетах Дома Османова и в землях Ирана [это сочинение] редко встречается».

Список начинается словами: «Ĥâza al-kitaĥ šadĥarat tūrki — эта книга — Родословие тюркское»; почерк — хороший (профессиональный) насталик. На полях — многочисленные заметки, содержащие пояснения к отдельным словам и терминам, исторические примечания, частые ссылки на Hist[oire] géneal[ogique] des Tatars. Кому принадлежат эти заметки? По-видимому, И. Э. Фишеру, хотя он не знал тюркских языков.

Здесь же, в ЦГАДА (ф. 191, № 91), хранится рукопись перевода на немецкий язык значительной части названного сочинения Абу-л-Гази:

³⁴ Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. V.

³⁵ B. Dorn. Das Asiatische Museum. СПб., 1846, стр. 121, № 61.

³⁶ Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. V.

³⁷ П. Пекарский. История АН, т. 1, стр. 617.

³⁸ Муртаза Тевкелев.

Historia genealogico-Politico Tatarorum (3-я часть, 123 л.) и историко-географические заметки «Collectanea de Historia et Geographia Tatarorum» (ф. 191, № 92).

В АВ ЛО ИВ хранится еще один немецкий перевод этого сочинения, принадлежавший, по-видимому, Страленбергу: Abulghasi, nach der von Strahlenberg besorgten deutschen Uebersetzung unter dem Titel: Kitap oder Ein Buch des ganzen Geschlecht-Registers der Tartaren aus der Tartarischen Sprache übersetzt. I vol.³⁹

Следует обратить внимание на тот факт, что сочинение Абу-л-Гази здесь названо: «Kitap — Книга», т. е. почти так, как называл ее первый ее владелец Азбакевич: «Чингиз Китап — Книга Чингиза» (см. стр. 3). Это является убедительным доводом, подтверждающим принадлежность данного списка перевода Страленбергу, а также и тот факт, что перевод был сделан с рукописи Азбакевича.

Т.-З. Байер первый установил и привел в своем латинском переводе (см. выше) правильное авторское название сочинения: «Schagjire Turkî = Шаджара [-и] түрки — Родословная тюркская».

В. Н. Татищев в своих исторических изысканиях широко пользовался сочинением Абу-л-Гази, о чем свидетельствуют его многочисленные ссылки на этот труд⁴⁰, а также его просьба, направленная в Академию наук, «прислать ему рукописную копию труда Абу-л-Гази, а вместе с ней напечатанную часть ее»⁴¹, которую почему-то не смогли выслать⁴².

«Но труд Абу-л-Гази, — пишут издатели «Истории» В. Н. Татищева, — на татарском языке был найден, кажется, в 1738 г. на месте⁴³; по поручению Татищева его переводили в Самаре, но до конца 1738 г. этот перевод не был еще окончен»⁴⁴. Это глухое сообщение ничего существенного не дает для подтверждения факта наличия в распоряжении В. Н. Татищева оригинала сочинения Абу-л-Гази, равно как и не содержит сведений о дальнейшей судьбе оригинала.

Два приведенных ниже письма В. Н. Татищева свидетельствуют о том, что в его распоряжении был только русский перевод сочинения Абу-л-Гази.

В письме от 25 сентября 1746 г., направленном президенту Академии наук графу К. Г. Разумовскому из села Болдино, где В. Н. Татищев жил в ожидании суда, он писал:

«Ныне я получил от Академии историю татарскую Абулгази-хана, которая весьма и русской истории нужна, и жалел, что она у нас так долго не напечатана; но ныне, читая оную, нашел, что она неправильно с татарского переведена: многие имена за недостатком букв перепорчены, а во многом переводчик русский погрешил; в ней же примечания, сочиненные шведом⁴⁵, частью от незнания, частью от пристрастия, не правы и нам лживыми оскорблением наполнены... Мне же хотя времени от dokonчания истории настоящей весьма недостаточно, однакож оную читая, исправляю и мои примечания делаю, и dokonчив совсем, в Академию пришло; а между тем надобно при Академии оную с татарского свести и исправить; к тому если зачатая в Китае переведить dokonчена и прислана, она к изъяснению сея весьма нужна. А для удовольствия вашего сиятельства и академии при сем татарскую историю посылаю...»⁴⁶

³⁹ Б. А. Дорн. Указ. соч., стр. 121, № 63.

⁴⁰ В. Н. Татищев. История Российская; см. по указателю, т. I, стр. 463; т. II, стр. 330.

⁴¹ Речь, по-видимому, идет о французском переводе 1726 г.; см. стр. 5.

⁴² В. Н. Татищев. Указ. соч., т. I, стр. 20.

⁴³ В Самаре (?) или Оренбурге (?)

⁴⁴ В. Н. Татищев. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁵ По-видимому, Страленбергом.

⁴⁶ Материалы для истории имп. Академии наук, т. VIII. СПб., 1895, стр. 248.

В письме от 30 сентября 1746 г., адресованном И.-Д. Шумахеру, библиотекарю и советнику Академии наук, В. Н. Татищев пишет: «...по-неже я присланную от вас книгу Абулгази-хана прилежно читая, при том все описки и переводчика погрешности исправляя, не мог при том оставить, чтоб многое, а паче в толкованиях Траленберга (Страленберга. — А. К.) погрешности не исправить, которое сначала казалось, что меня от настоящего труда не долго удержит, но в действе не мало труда показалось: я ее, четвертую часть прочитав, исправил, и примечаний уже моего мелкого письма собралось 2 тетради, в которых много того находится, о чем немногие знают, а ко известию сее истории весьма нужно...»⁴⁷

По всей вероятности речь идет о каком-то не дошедшем до нашего времени переводе сочинения Абу-л-Гази.

Первое издание текста рукописи «Родословной тюрков» Абу-л-Гази⁴⁸ было осуществлено Х. Д. Френом с помощью Ибрагима Хальфина⁴⁹.

По предположению В. С. Иконникова, «изданием сочинения Абу-л-Гази Румянцев думал заменить в (тюркских. — А. К.) школах чтение религиозных магометанских книг — историческими»⁵⁰.

«Основанием текста послужил список с рукописи, находившийся в Москве в Архиве МИД (ЦГАДА. — А. К.)⁵¹, и писанный для Кера⁵² с оригинала, когда-то находившегося в библиотеке Академии⁵³. С этим списком сверена рукопись, полученная из Уфы»⁵⁴.

Уфимский список, датированный 1772 г., восходящий, как и основной список, к одному прототипу⁵⁵, переписал Ниметулла бен Максуд, имам Уфимского округа Куккуйян. Этот список попал в руки издателей тогда, «когда книга должна была сойти с печатного станка»⁵⁶, а потому Ибрагим Хальфин все разночтения по Уфимскому списку вынес в приложение (стр. 187—193).

Из сказанного следует, что в 20-х годах прошлого столетия Френ и Хальфин уже не могли воспользоваться рукописью сочинения Абу-л-Гази, пересланной в 1720 г. Мессершмидтом из Тобольска в Петербург.

Х. Д. Френ с грустью писал, что «две⁵⁷ рукописи Абу-л-Гази, которые прежде хранились в библиотеке имп. АН в Спб, из коих одна Мессершмидтом в 1720 г. из Тобольска в Спб к Блюментросту... была переслана, уже давно разыскиваются похищенные жестокой, неведомой рукой»⁵⁸.

Последнее упоминание о наличии рукописи этого сочинения в Библиотеке Академии наук относится к 1779 г. Среди рукописных книг БАН

⁴⁷ Материалы для истории имп. Академии наук, т. VIII, стр. 257—258.

⁴⁸ Abulghasi Bahadür Chani. Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tataricae edita auctoritate et munificentia J. C. N. de Romanzoff. Casani, MDCCCXXV. — Об откликах на это издание и его оценках см.: И. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках СПб.—Отд. отд. из ЖМНП, 1850, № 12, стр. 17—34.

⁴⁹ Письма Ибр. Хальфина к Х. Д. Френу (первое от 22 декабря 1819 г., последнее от 1 апреля 1825 г.) по поводу подготовки текста этого сочинения к изданию и печатанию в типографии Казанского ун-та хранятся в ЛО ААН, ф. 778, оп. 2, № 339, л. 17.

⁵⁰ В. С. Иконников. Опыт русской исторнографии, т. 1, кн. 1. Киев, 1891, стр. 159, сноска 3.

⁵¹ Доставлен в Петербург Я. О. Ярцовым.

⁵² «...которая рукою Кера с рукописи имп. Академии в Спб (а она сама — список с тобольского манускрипта) в 1733 г. переписана». — Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. VII. Утверждение — «рукою Кера» — едва ли соответствует действительности, так как список написан рукою профессионала-переписчика.

⁵³ Присланного в 1720 г. Мессершмидтом из Тобольска, см. стр. 4.

⁵⁴ И. Березин. Указ. соч., стр. 17—18.

⁵⁵ Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. IX.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Вторая из них, по-видимому, принадлежала Мессершмидту (см. выше).

⁵⁸ Абу-л-Гази, предисловие Х. Д. Френа, стр. VII.

названа: «Газа ин китаръ (вместо: китапъ) Шазаре Турки или Родословная история татарских ханов, сочиненная Абуль-Гази-Багадур-ханом»⁵⁹.

В письме от 25 октября 1820 г. И. Хальфин сообщил Х. Д. Френу, что он принимает предложение «Его сиятельства графа (Н. П. Румянцева. — А. К.) перевести «Историю» Абулгази на российский язык». В письме от 9 февраля 1821 г. И. Хальфин пишет, что им в адрес Френа отправлен «перевод Абулгазия» (вероятно образец перевода); дальнейшая судьба этого перевода неизвестна.

По первоначальному плану Х. Д. Френа, издание сочинения Абу-л-Гази должно было состоять из трех томов: 1-й том — оригинальный «татарский» текст; 2-й том — «новый и верный перевод»; 3-й том — «филологические, исторические и географические примечания с нужными географическими картами»⁶⁰. Однако издан был только 1-й том.

Критическое издание текста «Родословной тюрков» и перевод его на французский язык осуществил Петр Иванович Демезон⁶¹.

Издание П. И. Демезона основывалось на рукописи сочинения Абу-л-Гази, которую знаменитый русский лексикограф и литератор В. И. Даль (1801—1872) приобрел во время своей службы в Оренбурге (1833—1841)⁶² и передал в 1842 г. в дар Азиатскому музею Академии наук⁶³. Эта рукопись была сопоставлена П. И. Демезоном с берлинским, гёттингенским и казанским изданиями этого сочинения⁶⁴.

Из доклада, прочитанного Б. А. Дорном 29 декабря 1839 г. на общем собрании Академии наук⁶⁵, известно, что драгоман МИД Я. О. Ярцов перевел на русский язык сочинение Абу-л-Гази с казанского издания; к сожалению, перевод остался ненапечатанным и, по-видимому, затерялся⁶⁶.

Сочинение Абу-л-Гази с издания Демезона на казанско-татарский язык перевел Габдулла Галлам Файзхапов⁶⁷.

По тексту, изданному в Казани в 1825 г., известный арабист, переводчик Корана, Г. С. Саблуков (1804—1880) сделал перевод, опубликованный в двух изданиях: «Библиотека восточных историков», издание И. Н. Березина, СПб., 1854, т. III (не полностью); отдельное издание в Казани в 1906 г.⁶⁸

По изданию П. И. Демезона были опубликованы: 1. «Отрывки из сочинения Абу-л-Гази. Перепечатано из издания барона Демезона под наблюдением П. М. Мелиоранского. Пособие для студентов факультета

⁵⁹ Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской имп. Академии наук, изданной на французском языке Иоганном Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, а на российский язык переведенной Василием Костыговым. СПб., 1779, стр. 87.

⁶⁰ Х. Д. Френ. Предварительное донесение о важном обогащении в нынешнем году арабскими, персидскими и татарскими рукописями Азиатского музея СПб. имп. АН. — Прибавления к № 93 «СПб. Ведомостей», 1819, стр. 13.

⁶¹ Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâsi Behâdour Khan publié, traduit et annotée par le Baron Desmaisons, t. I. Texte, St.-Ptb., 1871; t. II, Traduction, St.-Ptb., 1874. — Грамматический очерк этого сочинения по тексту П. И. Демезона составил: С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Имя и глагол. Грамматические категории. Ташкент, 1969.

⁶² М. Бессараб. Владимир Даль. М., 1968, стр. 92—148; 258.

⁶³ Л. В. Дмитриева, А. М. Мугинов, С. Н. Муратов. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. I. М., 1965, № 81. О других рукописях см. там же, №№ 82, 83, 84, 85, 86.

⁶⁴ Desmaisons. Указ. соч., т. I, стр. 1.

⁶⁵ В. Dorn. Über die hohe Wichtigkeit und die namhaften Fortschritte der asiatischen Studien, in Russland, Rede gehalten am 29 Dec. 1839. — Recueil des Actes des séances publiques, de l'Académie des Sciences de St.-Ptb., 1840.

⁶⁶ Там же, стр. 88, прим. 43.

⁶⁷ Islâm Ansiklopedisi, 30 cüz. Istanbul, 1946, стр. 82.

⁶⁸ Подробнее см.: А. И. Кононов. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази, хана хивинского. М.—Л., 1958, стр. 23—24.

восточных языков», Казань, 1898; 2. «Выписка из сочинения Абу-л-Гази Багадур-хана о завоевании сыном Чингиз-хана Джучи-ханом древних городов Саганата, Узгента, Аснаша и Дженда» (оригинальный текст, изд. барона Демезона, СПб., 1871, стр. 104—106) — ПТКЛА, год VI, Ташкент, 1901, стр. 102—103.

Второе — по времени открытия и опубликования и первое по времени составления — сочинение Абу-л-Гази «Родословная туркмен» в русском переводе было введено в научный обиход А. Г. Туманским (1861—1920): «Абуль-Гази-Багадур-Хан. Родословная туркмен» (Асхабад, 1897).

Сводный текст (по семи рукописям) и новый перевод этого сочинения подготовил и опубликовал А. Н. Кононов (М.—Л., 1958).

Из сказанного с полной очевидностью следует, что научное издание, перевод и изучение «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, равно как «Родословной туркмен» того же автора, является безусловной заслугой нашей отечественной тюркологии.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ЧТО БЫЛО ПЕРВИЧНЫМ r^2 ИЛИ z ?

В данной статье мы хотим еще раз вернуться к давнему спору между тюркологами и алтаистами по поводу первичности или вторичности тюркского z . Звуку z тюркских языков, как известно, соответствует в чувашском языке r , ср.: например, тур. *tuz*, тат. *боз*, чув. *пар* 'лед', тур. *kız*, тат. *кыз*, чув. *хер* 'дочь', 'девушка' и т. д. Возник спор о том, что в данном случае является первичным r или z , т. е. развилось ли татарское *кыз* 'девушка' из первоначального *кыр* или конечное z существовало с самого начала, и звук r в чувашском языке представляет более позднее явление.

В настоящее время в тюркологии существуют три точки зрения, которые мы постараемся изложить более подробно.

Г. Рамстедт¹ предполагал наличие в алтайском праязыке двух типов r и l :

r и r'
 l и l'

Обычные r и l в монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках отражаются как r и l . Палатальное r отражается в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках как r , в корейском как r или l , а в тюркских языках, за исключением чувашского, как z . Только в чувашском языке оно отражается как r . Палатализованное l в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках отражается как l , в корейском языке как l или r . В тюркских языках оно опять отражается по-разному. В чувашском языке ему соответствует обычное l , а в других тюркских языках — s . Поскольку отражение r и l не представляет никаких трудностей, более целесообразно привести некоторые примеры Рамстедта, отражающие r' и l' .

Палатализованное r : тюркск. *az* 'мало', монг. *arai* 'едва', тюркск. *qaz* 'копать', чув. *хыр* 'копать', тюркск. *jaz* 'весна', чув. *çур* 'весна', монг. *narai* 'солнце'², тюркск. *jaz* 'писать', чув. *çыр* 'писать', монг. *ziru* 'писать'³.

Палатализованное l : тюркск. *tas* 'камень', чув. *чул*, монг. *cila-gun* 'камень', тур. *kösek* 'молодое животное', монг. *gölige* 'почка'⁴.

¹ G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissen-Sprachwissenschaft. Helsinki, 1957. Suomalaisugrilaisen Seuran Toimituksia, 104, стр. 103.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 112.

⁴ Там же, стр. 108.

Для того чтобы доказать возможность превращения палатализованного r в z и палатализованного l в s , Рамстедт пытается сослаться на случаи подобного звукового превращения в других языках. В латинском языке, замечает Рамстедт, было два типа l , веллярное l в положении перед гласными a , o , u , перед согласными и на конце слова и палатализованное l в положении перед гласными e , i и в геминированном ll , например: *stabulum: stabilis, facul, facultas, facilis*. Латинское *clamat* 'зовет' отражается в современном итальянском как *chiama* (*kjama*), в испанском как *llama*, в португальском как *chamma* (*samma*). Переход r в z регулярно встречается в польском и чешском языках. Примеры перехода $l > r$, по-видимому, обнаруживаются в умбрском языке, например: *karelu* = лат. *calato*. Примеры перехода $r > z$ наблюдаются в романских языках, например: лат. *cathedra*, франц. *chaire*, диал. *chaise*. Повсюду такой переход основывается на палатализации, вызванной положением перед гласными переднего ряда, в особенности перед i ⁵.

Гипотеза Рамстедта нашла большое количество сторонников. Ее разделяет преобладающее число тюркологов, монголистов и алтаистов широкого профиля.

Несколько измененный вариант этой гипотезы был предложен Н. Н. Поппе, который, как и Рамстедт, считает первичным r , а не z , приводя при этом следующие доказательства: 1) древние заимствования из тюркских языков в венгерском языке содержат r , 2) переход r в z известен многим языкам; например, в чешском палатализованное r превратилось в r , которое в польском звучит почти как $ж$; 3) примечательно то, что более позднему племенному названию *on oguz* 'Десять огузов' в более древних письменных источниках соответствует *on oγur* (*ou oγouroi*). Важно также то обстоятельство, что в тюркских языках z встречается в тех же позициях, что и r . Возникает только вопрос, каково было первоначальное качество этого r . Рамстедт предполагал, что оно было палатализованным r . Это подтверждается тем, что в монгольском языке такое r выступает по соседству с i . Гласный i может ему предшествовать, или следовать за ним. Не исключена возможность, замечает Н. Н. Поппе, что это было нечто похожее на чешское r ⁶.

Н. Н. Поппе также разделяет гипотезу Г. Рамстедта о первичности l и вторичности s . Однако, в отличие от Рамстедта, он предполагает, что это l было не палатализованным l , а скорее напоминало глухое спирантное λ в остякском языке⁷.

Сущность другой гипотезы состоит в том, что первоначальным в тюркских языках является z , а не r . Сторонников этой гипотезы немного. Наиболее отчетливо эта точка зрения выражена в работе В. А. Богородицкого, который предполагает, что в чувашском языке произошла конвергенция (совпадение) трех старых фонем p , z и ∂ ⁸. В чувашском и монгольских языках имел место переход z в p (ротацизм), ср. тат. *γgiz* 'бык', тур. *öküz*, чув. *вакар*⁹.

⁵ G. J. Ramstedt. Указ. соч., стр. 105.

⁶ N. N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Wiesbaden, 1960, стр. 80.

⁷ Там же, стр. 76.

⁸ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 107.

⁹ Там же, стр. 110.

Что касается фонемы *ш* в тюркских языках, то, по мнению В. А. Богородицкого, она имеет двойное происхождение, если учитывать данные чувашского и монгольского языков¹⁰.

Того же взгляда придерживается и немецкий тюрколог Иоганн Бенцинг. По мнению Бенцинга, переход z в r и s (z) в l в чувашском произошел относительно поздно, после X столетия нашей эры¹¹. У Бенцинга есть некоторые интересные доказательства, подтверждающие превращение z в r в чувашском языке:

Обнаружение слов, которые после проникновения в чувашский язык вместе с последним осуществили превращение z в r , явилось окончательным доказательством в пользу того, что в чувашском, а также в болгарском, имел место переход z в r , а не r в z : ср. чув. *пир* 'холст' из *böz* = уйг. *böz*, греческ. $\beta\upsilon\sigma\sigma\omicron\varsigma$, арабск. *bazz*, чувашское женское имя *Шенвер* из перс. *sah-nawāz* 'улыбающаяся царю'. Обращает на себя внимание также чув. *hyr* (~ *hyra*) 'сосна' и удм. *kuz*, морд. *kuz* и финск. *kuusi* 'ель'.

Бенцинг допускает, что чувашское l произошло из z ¹². Того же взгляда придерживался и венгерский лингвист З. Гомбоц¹³.

По мнению А. М. Щербака, ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке довольно поздние явления, представляющие собой результат своеобразного фонетического развития аллофонов пратюркских фонем *с* и *ш*, выступавших в позиции после общетюркских (так называемых первичных) долгих гласных в односложном слове и после любых гласных в конце второго или третьего слога в многосложном слове. Подобные позиционно-комбинаторные условия вызвали ослабление глухих шумных согласных, их последующее озвончение (в определенных диалектных границах) и сонантизацию.

Таким образом, в основе возникновения чувашского ротацизма и ламбдаизма лежит не наличие особого рода согласных в тюркском языке, а особенности дополнительной дистрибуции аллофонов *с* и *ш*¹⁴.

А. М. Щербак приводит несколько примеров, где гласный, предшествующий чувашскому *р* и *л*, в туркменском языке действительно является долгим: турк. *gāb* 'гусь', чув. *хур* 'гусь', турк. *gīd* 'девушка', чув. *хер* 'девушка', турк. *jāsh* 'слеза', чув. *сул* 'слеза' и т. д.¹⁵

Далее он утверждает, что практически почти каждый чувашский *р* и почти каждый чувашский *л*, который в огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках соответствует z (δ) и *ш*, указывают на долготу предшествующего гласного или двусложность предшествующей части слова¹⁶.

Следы ротацизма и ламбдаизма в незначительных размерах обнаруживаются во всех тюркских языках, например, азерб. *göz* 'глаз', *gör* 'видь', узб. *səz* 'чувствуй, ощущай', *sərgak* 'чуткий', башк. *кашĭк* 'столовая ложка', *калак* 'чайная ложка'. В западных говорах ёмудского диалекта,

¹⁰ В. А. Богородицкий. Указ. соч., стр. 109.

¹¹ Johannes Benzing. Das Tschuwaschische. Philologiae turcicae fundamenta. Wiesbaden, 1959, стр. 697.

¹² Johannes Benzing. Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische. Philologiae turcicae fundamenta, стр. 694.

¹³ Там же.

¹⁴ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 85--86.

¹⁵ Там же, стр. 86.

¹⁶ Там же.

по сведению К. Шамурадова, параллельно употребляются два фонетических варианта отрицательной формы неопределенно-будущего времени. *jimэз* и *jimэр* 'не съест', *бilmэз* и *бilmэр* 'не будет знать' и т. д.¹⁷

В монгольских языках ротацизм и ламбдаизм встречаются в конце первого слога с общетюркским долгим гласным и в конце непервых слогов после любых гласных, преимущественно в интервокальном положении. Следовательно, те условия, которые предопределили в тюркских языках ослабление *s* и его озвончение, а также переход *z* в *p*, на монгольской почве получили еще более интенсивное выражение¹⁸.

Вернемся к аргументации сторонников гипотезы о первичности *r* и вторичности *z*.

Г. Рамстедт, предполагавший наличие в общетюркском праязыке двух типов *r* и *l*, ср. его формулу *r* и *r'*, *l* и *l'*, не учел одного очень важного обстоятельства. В алтайском праязыке должна была существовать гармония гласных. Достаточно хорошо известно, что в тюркских языках *l* может выступать только при том условии, если в корне или основе слова наличествуют гласные переднего ряда, ср. тат. *кил* 'иди' (*киль*), *бил* 'талия' (*биль*), *жил* 'ветер' (*жилль*). Однако в основах с заднерядным вокализмом выступает всегда велярное *l*. Ср. тат. *кул* 'рука', *кызыл* 'красный', *сал* 'плот' и т. д. То же самое приходится сказать и о палатализованном *r*. Слова *yer* 'земля', *ter* 'пот' турок произносит с несколько палатализованным *r*, но он никогда не произнесет этого *r* в основах с заднерядным вокализмом, например, в таких словах, как *kar* 'снег', *tar* 'нить', 'волос', *dar* 'узкий, тесный', *nur* 'свет' и т. д.

Каким же образом можно себе представить наличие палатализованного *r* в таких архетипных словах, как **qyr'* 'девушка', **qar'* 'гусь' и т. д. или наличие палатализованного *l* в архетипных словах типа **tal'* 'вне', ср. чув. *тул* 'вне'?

Палатализованные *r* и *l* в этих условиях вообще невозможны. Невязки здесь совершенно очевидны. Условия, постулируемые Г. Рамстедтом, не могли привести к образованию *z* и *ш* из *r* и *l* у основ с заднерядным вокализмом. Дальнейшая аргументация Рамстедта также не выдерживает критики. Как уже указывалось выше, для того чтобы доказать возможность перехода *r* в *z*, Рамстедт ссылается на французский язык, где литературному *chaire* 'стул' соответствует в диалектах *chaise*. Вот что по этому поводу пишет известный исследователь истории французского языка М. Регула: «В XVI в., а также в начале XVII в. парижанки произносили *r* как *z*. Маро осмеивает это жеманное произношение в «Epistre du biau fys de Pazy». Остатки этого ложного сигматизма сохраняются еще в словах *besicles*, *chaise*, *nasiller*, *Ozoir*. Кроме того, бытуют еще также в Шампани, в Блэз и Берри, в районе Ко и на Джерсе»¹⁹.

Таким образом, здесь имело место жеманное произношение *z* вместо *r*, а не звуковой переход *r* в *z*. В языках польском и чешском действительно наблюдается переход палатализованного *r* перед гласными переднего ряда в *z* или *r*, но не в чистое *z*, ср. польск. *rzeka*, русск. *река*, польск. *morze*, русск. *море*, чешск. *moré* и т. д.

Если по Рамстедту причиной возникновения палатализованного *r* были гласные переднего ряда, то как, например, объяснить переход *r* в *z*

¹⁷ А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 87.

¹⁸ Там же, стр. 88.

¹⁹ М. Regula. Historische Grammatik der Französischen, Bd. I, Lautlehre. Heidelberg, 1955, стр. 117.

в тех случаях, когда r' находилось в абсолютном исходе слова, не говоря уже о том, что у основ с гласными заднего ряда r' было невозможно.

Переход палатализованного l в z и затем в s возможен, ср. лат. *plorare* 'плакать', исп. *llorar*, диал. *zorar*, португ. *chorar* (*шорар*), но здесь опять-таки возникает тот же вопрос, каким образом палатализованное l могло существовать у основ с заднерядным вокализмом, ср. тат. *кыш* 'зима' из предполагаемого Рамstedтом **qyl'*.

В истории различных языков r и l часто приобретают одинаковые артикуляции; например, появление r слогового влечет за собой появление l слогового, церебральное r влечет за собой церебральное l , глухое l в языке мордвы-мокши сопровождается глухим r . Почему же в гипотезе Н. Н. Поппе r^2 и l^2 имеют разные артикуляции?

А. М. Щербак, как уже говорилось выше, предполагает, что r и l в чувашском языке представляют собой результат своеобразного развития аллофонов пратюркских фонем s и $ш$. Эти аллофоны могли превратиться в r и l при двух условиях: 1) если они находились в односложном слове и им предшествовал долгий гласный и 2) если им предшествовал любой гласный и сами они находились в конце второго или третьего слога многосложного слова.

К чему же сводится механизм этого превращения? Какая причина заставляет первичные s и $ш$ превращаться в r и l ?

А. М. Щербак объясняет эту причину следующим образом: «Обнаруживается также связь между первичной долготой и появлением звука $z(\delta)$, развившегося в чувашском языке в r . В огузских, кыпчакских и карлукско-уйгурских языках $z(\delta)$ появился вследствие ослабления s , вызванного наличием первичной долготы у предшествующего ему гласного, например, чув. *хур* 'гусь', кирг. *каз*, турк. *гад*, якут. *хас*, чув. *пар* 'лед', кирг. *муз*, туркм. *бүд*, якут. *бус* (*мус*), чув. *сур* 'весна', кирг. *яз*, турк. *јад*, якут. *сас*»²⁰. Аналогичная связь устанавливается между первичной долготой и появлением в чувашском языке вторичного l , например: чув. *чул* 'камень', турк. *даш*, якут. *дас*²¹.

Допустим теперь, что в тюркском праязыке существовали слова **qas* 'гусь' и **rus* 'лед' с долгими корневыми гласными. Сочетание двух глухих согласных и долгого гласного явно создает участок большого артикуляционного напряжения. Этот участок может быть ослаблен путем превращения одного из глухих согласных, скажем, конечного s в z , вследствие чего могли получиться *qaz* и *ruz*. Появление z ослабило участок напряжения. Но причем здесь ротацизм? Ведь r могло возникнуть лишь в том случае, если s до этого превращался в z . Непосредственно, т. е. без промежуточной стадии— z , s никак не могло превратиться в r . Отсюда вытекает весьма важный вывод: ротацизм чувашского z непосредственно не зависел от долготы предшествующего гласного, поскольку участок напряжения до этого был ослаблен появлением z и долгота предшествующего гласного, как причина, перестала действовать. С момента появления z единственной причиной ротацизма могла быть только способность z превращаться в r . Ротацизм в чувашском языке мог возникнуть в ту эпоху, когда в нем уже не было долгих гласных. А. М. Щербак фактически принял точку зрения сторонников гипотезы о первичности z и вторичности r .

²⁰ А. М. Щербак. Указ. соч., стр. 55.

²¹ Там же.

Превращение z в r в чувашском языке наблюдается и в многосложных словах типа *вакар* 'бык', ср. тат. *үгез*, тур. *öküz*, чув. *ватар* 'тридцать', тат. *үгыз*, тур. *oluz*, чув. *салтар* 'звезда', тат. *йолдыз*, тур. *yıldız*. По мнению А. М. Щербака, причиной ротацизма здесь также был долгий гласный. В данном случае может быть действенным то же возражение. Участок артикуляционного напряжения мог быть уже ослаблен превращением s в z , и долгота гласного уже не была причиной превращения z в r .

Рассмотрим далее механизм образования l в чувашском языке, которое, по мнению А. М. Щербака, должно появиться из первоначального $ш$. Допустим вместе со Щербаком, что в праязыке существовали архетипы, звучавшие как **θaш* 'год' и **tāш* 'камень'. Участок напряжения мог быть ослаблен превращением $ш$ в $л$. Однако и в данном случае $ш$ не могло непосредственно превратиться в $л$, минуя стадию $ж$, например *θаж*, *таж*. Такая промежуточная ступень, как и ступень $ж$, непременно должна была сохраниться в каких-то других тюркских языках. Однако фактически она не сохраняется. Звук $ж$ для тюркских языков вообще не типичен. Это свидетельствует о наличии какой-то ошибки в гипотезе А. М. Щербака о происхождении l ². Отсюда следует другой важный вывод: чувашское $л$, чередующееся с $ш$ других тюркских языков, не является результатом ослабления $ш$ после первичного долгого гласного. Причиной его появления могла быть только какая-то особая артикуляция $л$.

Нам представляется более целесообразным расчленив проблему происхождения вторичных r и $л$ в чувашском языке. Совершенно очевидно, что вторичное r в чувашском языке, т. е. r , чередующееся с z других тюркских языков, произошло из z . Палатализованное r , как уже говорилось выше, было невозможно у основ с заднерядным вокализмом. Г. Рамстедт и его сторонники в данном случае допустили грубую ошибку. При этом приходится учитывать и некоторые слова, заимствованные чувашским языком из других языков, где первичным было s или z . Эти слова в качестве доказательства были использованы, как уже говорилось, И. Бенцингом.

Следует заметить, что ротацизм z является довольно распространенным явлением. Интервокальное z превращалось в r в истории латинского языка, имеются примеры ротацизма z в древнегреческих диалектах, в определенных условиях ротацизм z имел место также в истории германских языков. В монгольских и некоторых древних незасвидетельствованных тюркских языках ротацизм z мог быть самостоятельным явлением. Наиболее вероятной причиной ротацизма z в чувашском языке, по нашему мнению, является довольно ярко выраженная тенденция к ослаблению смычки согласных. В соответствии с этой тенденцией древний задненёбный q в чувашском языке превратился в x , ср. чув. *хура* 'черный', тат. *кара*, чув. *хурах* 'вор', тат. *карак*. Древний s в чувашском языке превращался в $ś$ (палатализованное s). Подпав под действие тенденции к ослаблению щели затвора, начальный z скорее мог превратиться в r , так как, несмотря на артикуляционную сложность, степень раскрытия раствора у r больше, чем у z . Кроме того, в истории чувашского языка со всей очевидностью прослеживается фонетический закон превращения интервокального z , может быть $δ$ в r , ср. чув. *еҫлерем* 'я работал' и тат. *эшләдем*, чув. *ура* 'нога' из архетипного *адаq* 'нога'. Не исключена возможность, что этот закон мог захватить первоначальное интервокальное z , ср. чув. *варам* 'длинный' и тат. *озын*, чув. *херле* 'красный' и тат. *кызыл* и т. д.

Совершенно особой является проблема соответствия чувашского *л* спиранту *ш* других тюркских языков. Если есть случаи, когда чувашско-му *л* соответствует *л* в других тюркских языках, ср. чуваш. *кил* 'иди', тат. *кил*, чуваш. *хул* 'рука от кисти до плеча', тат. *кул* 'рука' наряду с такими соответствиями как чуваш. *хел* 'зима', тат. *кыш* и чуваш. *хевел* 'солнце' и тат. *кояш*, то причиной различия могла быть только различная артикуляция *л* в тюркском праязыке.

В этом отношении большой интерес представляет вариант гипотезы Г. Рамстедта, предложенный Н. Н. Поппе. Допуская вместе с Рамстедтом наличие в алтайском праязыке палатализованного *р*, Поппе предполагает, что l^2 звучало примерно как остяцкое глухое *л*. Подобное *л* в ряде тюркских языков могло превратиться в *ш*. Выше уже говорилось о том, что *р* и *л* обладают способностью приобретать общие специфические артикуляции. Нельзя ли предположить, что в тюркском праязыке помимо обычных *р* и *л* существовали также *р* глухое и *л* глухое, как в современном языке мордвы-мокши? В таком случае формула Н. Н. Поппе может быть перестроена следующим образом:

<i>р</i>	<i>р'</i>
<i>л</i>	<i>л'</i>

Апострофом мы обозначаем в данном случае глухость *р* и *л*.

Глухое *л* в чувашском языке превратилось в обычное *л*, а в других тюркских языках оно преобразовалось в *ш*. Нарушение артикуляционной парности привело к тому, что *р* глухое во всех тюркских языках стало произноситься как обычное *р*, утратив специфическую артикуляцию. В пользу такого предположения говорит удивительная симметричность и параллелизм изменения глухого *р* и глухого *л* в чувашском языке. Если *л* глухое стало обычным *л*, то *р* глухое превратилось в обычное *р*. Нам представляется, что такое предположение вернее отражает истину.

А. П. ДУЛЬЗОН

КЕТСКО-ТЮРКСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ОБЛАСТИ СКЛОНЕНИЯ

Даже при поверхностном сравнении падежных аффиксов тюркских и енисейских языков обнаруживается их очевидное сходство (ср. приложенную таблицу)¹. Однако, несмотря на это сходство, тождественность их нуждается в строго научном доказательстве путем установления рядов звуковых соответствий праязыковых форм сопоставляемых языков², с обязательным учетом не только позиции звука, но и его функции. Сопоставляя подсистему, в данном случае склонение, следует иметь в виду, что синхронно сосуществующие формы диахронически могут быть разноплановыми, и поэтому одинаковые звуки этой подсистемы могут входить в разные ряды чередований, так как исторически они не являются идентичными.

Рассмотрим в первую очередь падежи, имеющиеся во всех современных тюркских языках (род., дат., исх., местн., вин.). Можно предположить, что эти падежи существовали уже в период тюркской общности в Центральной Азии, т. е. около трех тысяч лет тому назад.

Допустим, что система склонения тюркских языков возникла из системы типа енисейской. Енисейская система строилась на классных категориях одушевленности (с различием пола) и неодушевленности³. Так как ни в одном из тюркских языков эти категории не выделяются, то мы должны рассматривать устранение классного оформления первой инновацией прототюркского, которая могла получить важное значение при переделке исходной системы.

Родительный падеж кетского языка оканчивается на *da, ta, di, t⁴*. У этих аффиксов «d» — классный показатель, а гласные дифференцируют слово по полу (a — муж., i — жен.). Есть основания предполагать, что в кетском языке этот падеж некогда имел окончание *-daŋ, -diŋ*. Подтверждением этого может служить следующее: 1) симметрия системы — род. *daŋ, дат. *daŋa*, исх. *daŋal*, местн. *daŋt*; 2) в сымском диалекте форма на *daŋ — diŋ* часто имеет значение посессива (адессива); 3) в кот-

¹ При ее составлении использована таблица К. Менгеса в его книге «The turkic languages and peoples». Wiesbaden, 1968, стр. 113. Подробно падежные аффиксы тюркских языков указывают Э. В. Севортян и Ф. Г. Исхаков, см.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 45 и сл. и 78 и сл. Падежные аффиксы кетского языка см. в кн.: А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968.

² А. П. Дульзон. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. — «Вопросы лингвистики», вып. 2. Томск. 1969.

³ Ср.: А. П. Дульзон. Группа енисейских языков. — «Филологические науки», 5, 1970.

⁴ Ср.: А. П. Дульзон. Кетский язык, стр. 69 и сл.; М. А. Castrens. Versuch einer jennissei-ostjakischen u. kottischen Sprachlehre. St.-Peterburg, 1859, стр. 25.

тском языке в род. п. местоимений фактически имеется «η», например: им. ai 'я', род. aiη 'меня', 'мой', aiηa 'мне'; 4) данные сопоставления отдаленно родственных языков, в частности тюркских и самодийских⁵.

При изменении классной системы гласные аффикса, потерявшие смысл, могли исчезнуть, подобно тому как это случилось в самодийских языках, которые имеют в родительном падеже окончание $t \sim n$, или же они могли сохраниться в функции соединительных гласных, как это наблюдается в тюркских языках в аффиксах $пуη — niη, дуη — diη, туη — tiη$ и других вариантах, обусловленных гармонией гласных⁶.

Начальный согласный этих вариантов входит в ряд $n \sim d \sim t$, в котором по частотности преобладает звук «п». Звуки «d, t» встречаются тоже как начальные компоненты аффикса местного падежа, но они входят здесь в другой ряд чередования, а именно $d \sim t \sim r \sim \check{c}$, в котором «п» не встречается; его можно возвести к $\emptyset \sim t$. Отсюда следует, что в ряду $n \sim d \sim t$ «t» не является исходным звуком.

Чтобы выяснить, какой же из оставшихся звуков («п» или «d») является исходным, рассмотрим еще один случай.

Как правило, звук «п» в составе корня сохраняется во всех тюркских языках, например: чув. $тап$ 'ум', пол. $туп$ 'ум, мысль', др.-тюркск., башк., тат. $туп$ 'дух, душа, жизнь', кирг. $туп$ 'дыхание'. В то же время звук «п» как грамматический показатель чередуется у личных местоимений с нулем или «η»; ср. чул. $тап$ 'я', $сап$ 'ты' — $та-га$, турк. $тап-а$, кет. $бап-а$, узб. $теп-га$ 'мне', $са-га$ 'тебе'. Это же чередование мы наблюдаем в аффиксах родительного падежа, например: турк. — $уη, iη$; азерб. $уп, iп$; тур. $уп, iп$; чув. $ап, еп$. Отсюда следует, что «п» как аффикс род. п. не идентичен с «п» корневым. Поскольку этот аффикс является общетюркским, его исходную форму можно определить только с позиций более глубокого временного плана, например, сравнивая с самодийскими формами: селькуп. $тап, мат$ 'я', энецк. $modi$ 'я'. Отсюда можно сделать вывод, что исходным звуком в ряду $n \sim d \sim t$ является «d». В протоенисейском языке это «d» представляет собой классный показатель, вводящий лицо, обозначенное первой частью местоимения ($та < ба$), в соответствующий класс. Именительный падеж местоимений в рассматриваемых языках имел классный показатель «d»; этот же показатель при неодушевленном имени указывал в родительном падеже на принадлежность. Таким образом, мы возводим тюрк. $пуη, niη$ к $даη, diη$. Отсутствие компонента «п» в аффиксе родительного падежа в огузских языках можно объяснить тем, что при их отделении носителями языка еще осознавалось прежнее его значение; при перестройке языка в неклассный тип этот показатель, возможно тогда еще в форме «d», был устранин, как в коттском.

Следует заметить также, что в кетском языке аффикс принадлежности 1-го л. — «h» ($аба, ава, аби, аwi$ 'мой'), 2-го л. — «q/γ» ($иqэ, иγэ, иγi$ 'твой'); этим могут объясняться встречающиеся в некоторых тюркских языках формы родительного падежа указанных местоимений с долгим гласным, например, чул. $те:η$ 'мой' (из * $mewiη$), $се:η$ 'твой' (из * $seyiη$). Конечное $n \sim η$ в аффиксе родительного падежа восходит к «η».

С родительным падежом енисейских языков совпадает аффикс винительного падежа тюркских языков, однако в последних в винительном падеже конечный «η» в аффиксе отсутствует.

⁵ Ср.: А. П. Дульзон. Общность падежных аффиксов самодийских языков с енисейскими. — «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Поникар-Ола, 1970, стр. 32 и сл.

⁶ Обзор мнений о происхождении тюркских падежных аффиксов см.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956, стр. 95 и сл.

Винительный на -уу древнетюркского языка, встречающийся в усеченном виде (у, і) в некоторых других тюркских языках, восходит к винительному падежу инкорпорированного личного местоимения (ba-q, *bi-q 'меня', qu-q, *qi-q 'тебя' и т. д.). Аффикс винительного падежа инкорпорированного существительного (ab, ib, ub, ob, eb) из всех алтайских языков сохранили только тунгусо-маньчжурские⁷.

С родительным падежом енисейских языков можно сопоставить так называемый частичный падеж якутского языка на -da, -ta, -па и т. д.⁸

Примечательно, что тюркские падежные окончания, которые возводятся к протосис. daŋ, начинаются только с «п» в узб., тат., уйг., кум., турк., азерб., тур., чув. и якут. (орудном); это «п» трактуется как корневое; вероятно, эту особенность можно использовать при датировке.

Отход от протонисейской классной системы наметился уже внутри енисейских языков. Показателем этого процесса является наличие в коттском языке лишь одного местного падежа на -ka (?a < qa), тогда как в кетском языке имеется два падежа — местно-внутренний (-qa) и местно-внешний или местно-личный (-daŋta). Местный падеж коттского языка, как и сымского диалекта кетского, полностью совпадает по форме и употреблению с соответствующим падежом якутского языка; ср., например: якут. at dalga tugar 'лошадь в загоне стоит', сым. kus se:s-ke dufup 'лошадь в речке стоит'. В отличие от этого в имбатском диалекте кетского языка возможны два выражения вопроса «где»: либо ke?t ses-ke du:p 'человек в речке стоит', либо ke?t ses-diŋt du:p 'человек у речки стоит'.

В последнем выражении мы имеем форму местно-внешнего или местно-личного падежа на -diŋt, -daŋt, образованного от старого родительного падежа (-daŋ, diŋ) с аффиксом -t, -ti, -ta, со значением 'тут, там', ср. кет. abaŋ-ti 'у меня тут', budaŋ-ta 'у него там'. Местно-внешнее значение в тюркских языках может быть передано родительным падежом, например: чув. laša-paŋ 'у лошади'. Аналогично в селькупском: köpdə-paŋ 'у лошади'.

Реликт, отражающий подобное состояние языка, мы находим в тувинском, где в качестве обстоятельства места могут употребляться два падежа, дательный и местный⁹: мен quzyl-ga ċirtap turganmen 'я жил в Кызыле' (местно-внутреннее осмысление, так как сообщаемое относится к прошедшему времени — теперь я живу в другом месте); мен quzyl-da ċirtap tur мен 'я живу в Кызыле' (местно-внешнее осмысление; тут, рядом с другими). В имб. диалекте употребление этих падежей связано с категорией одушевленности и неодушевленности. Местный падеж на -qa невозможен для одушевленных предметов (в человеке, в женщине), так как местное отношение его к другому предмету осмысливается как его принадлежность или близость. Естественно, что при разрушении этой классной системы сохранение старых различий, без дифференциации значения, оказалось избыточным и должно было исчезнуть. Так оно и произошло: в большинстве тюркских языков остался (енисейский) местно-внутренний падеж как совмещающий значение дательного и назывательного падежей.

Местный падеж тюркских языков оканчивается на -da, -ta, в которых «d, t» не чередуется с «п»; окончания эти совпадают только с кетскими; кот. язык имеет -ha:l, совпадающее с самодийским -qyt.

⁷ Ср.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 186.

⁸ Ср.: Э. В. Севорьян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 61.

⁹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 128.

Дательный падеж енисейских языков образован на основе родительного и оканчивается в кетском на $-a < qa$, в коттском на $-ga$ или $?a < qa$. Это окончание имеют все тюркские языки, кроме чувашского, оно может рассматриваться как одно из наиболее древних. В турецком, туркменском и азербайджанском языках, имеющих в дательном падеже $-a$, $-ə$, возможно исчезновение «q»: $q > \gamma > \gamma' > j$; в отношении чувашского языка этого допустить нельзя, так как здесь появляется «п» после гласных (laša-па 'лошади' — дат. падеж, совпадающий с вин. п.). Это же самое окончание встречается в дательном-направительном падеже в самодийских языках (па, та, да), где оно обычно присоединяется к форме родительного падежа и возводится к енис. $-la$ — аффиксу направления. Добавим к сказанному, что отсутствие компонента «q» в аффиксе дательного падежа в огузских языках можно объяснить иначе: в енисейских языках компонент «q» был классный показатель, в огузских языках он мог быть устранен, подобно компоненту «d» в аффиксе родительного падежа.

Начальный согласный аффикса исходного падежа входит в ряд $d \sim t \sim r \sim \check{c}$, поэтому мы возводим его к $t \sim \check{c}$; он имеет свое полное соответствие в коттском языке, который имеет аффикс $-\check{c}a:\eta$, соответствующий сим. диалекту $\check{c}a:\eta$, имб. $la:\eta$ 'утащить, уносить'.

Конечное «η» сохранили диалекты языков Западной Сибири — телеутский, алтайский, чатский, якутский, барабинский, бельгирский, койбальский, качинский и сагайский.

Тожественную форму исходного падежа с сим. диалектом кетского языка $da\eta aq$, $da\eta \gamma$ (имб. $da\eta al$, $di\eta al$) имеет хакасский в оборотах, отвечающих на вопрос «о ком? о чем? по какой причине?»; ср. хак. $palalardaq$ 'о детях', $a\gamma\gamma da\eta aq$ 'из-за болезни', $ki\eta gep\eta e\eta e\eta$ 'по той причине, что он приехал'¹⁰; ср. кет. $ki:\eta b\eta es-di\eta al$ 'с того времени, как ты приехал; по той причине, что ты приехал' ($ki:\eta b\eta es$ 'ты приехал'). Кетское $-aq$, al возводится к hal , fel , $pa\check{l}$ 'повернуть обратно, в другую сторону'. Связать с этим словом аффикс $-\gamma aq$, встречающийся почти во всех тюркских языках и наречиях, возводимый к $-\gamma a-ag$, трудно из-за отсутствия ожидаемого согласного («p») перед $-ag$. Тем не менее это все же могло произойти в раннее пратюркское время, когда чередования енис. $h-$, $f-$, тюрк. $p-$ еще не существовало.

Орхоно-енисейский и древнеуйгурский инструментальный падеж на $-up$, $-ip$, $-up$, $-ip$, совпадающий с винительным после аффиксов принадлежности¹¹, можно сопоставить с краткой формой кет. родительного падежа на $-t$, употребляемого при названиях вещей. Связывает их значение логического субъекта, посессивно осмысленного, ср., например, орх. $o\check{c}up ur\check{t}y$ 'он (его) стрелой поразил'. В современных тюркских языках эта форма часто встречается у наречий времени или образа действия, например: $jazup$ 'летом', $qu\check{s}up$ 'зимой'; ту же форму имеют самодийские языки: сельк. $ta\check{y}up/ta\check{y}ut$ 'летом', $qa\eta/qat$ 'зимой', $u\check{t}en/u\check{d}et$ 'вечером'.

К енисейскому родительному падежу на $*-da\eta$ возводятся хакасский творительно-совместный на $-pa\eta$, $-pe\eta$ и якутский орудно-причинный на $-pa\eta$, $-pe\eta$. Связывать эти падежи с тюркским исходным нельзя

¹⁰ «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», П. М., 1956, стр. 105.

¹¹ А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969, стр. 22 и сл.

потому, что начальный компонент аффиксов этих падежей («п») входит в разные ряды чередований.

Творительный падеж представлен не во всех тюркских языках. Можно установить три типа значения творительного падежа: а) комитативные (совместности), б) медиативные (орудности), в) итеративные (повторности и скученности). В енисейских языках были синтетические формы для выражения этих значений. Такие значения свойственны только тем тюркским языкам, которые имеют творительный падеж на -la или -ra.

Формант -ра (или -та <ра) восходит к енис. *ha (ср. кот., сым. ра, fa, кет., имб. ha, a), сохранившему в кетском и коттском еще самостоятельное значение 'раз, еще раз', например: кот. to:m-ra, to:mfa < to:η-ра, to:ηfa 'три раза'. Наряду с этими формами встречаются предикативные: fas'-fai, has'-hai, as'-ai. Примеры с непредикативными формами: hodoba tqyldaptet 'он хвостом бьет' (hodob 'хвост'); d'iya doqtabilgei 'я это смолой помазал' (d'ik 'смола').

Формант -la, помимо своей функции самостоятельного падежного аффикса (в чув., алт., средне-чул. и юго-западных тюркских языках), встречается в составе различных слов, например: башк. hum-la-p jujuu 'по рублю собрать'; азерб. buzlag 'ледник (скопление льда)'¹², duzlag 'солеварня', тув. bailaq 'обилне', др.-тюрк. qamyşlaq 'место, поросшее камышом', quşlaq 'место, где много птиц' (Кашгари), чув. xuranlaх 'березовая роща'. С точки зрения енисейской нормы -laq распадается на части l-a-q со значением 'сделавшееся' (qamyş-laq 'окамышившееся место'). Не следует смешивать этот словообразовательный компонент с luq — гласные в них входят в разные ряды чередования, и поэтому они должны восходить к разным архетипам, ср. тур. qumlaq 'место, где много песка' — qumlu < qumluq 'песчаное место'. Во многих случаях суффикс luq, обозначавший только наличие и изобилие, вытеснил близкий по звучанию суффикс laq, ср., например: тат. qajenlyq, башк. qajynlyq, тат. qajensaq, узб. qajinzog, алт. qajyñaş 'березняк'.

Многие считают, что суффиксы -ра и -la восходят к др.-тюрк. birlä 'с, вместе' ввиду наличия таких форм, как bilän, byla, myla, которые будто бы их объединяют. Это справедливо только в отношении первого компонента, который восходит к bir-(lä)¹³, вследствие чего в нем встречается огласовка «у» вместо «а». Отметим попутно, что, исходя из енисейских норм, конечное «п» (ly:p, lan, man) представляет собой предикативный аффикс, восходящий к «η».

Махмуд Кашгарский приводит несколько существительных в дательном падеже, в которых -la отделяется как суффикс множ. числа: aş-la-qa 'кушаньям', at-la-qa 'лошадям', yt-la-qa 'собакам', tat-la-qa 'татам'¹⁴. Нет надобности возводить la к lag; оба варианта существовали параллельно, подобно селькупскому аффиксу му — myt с хорошо отличным различием в значении: *aş-la 'отдельные разные кушанья' — *aş-lar 'многие разные кушанья'.

Как парадигматические срнн формы с -la возникли в обще-урало-алтайское время на основе возможностей праенисейского языка.

Формант sa, обычный в енисейских языках (ср. кет. is'a 'каждый день', eqqs'a 'ежедневно, днями', кот. е: qηşog 'ежедневно', кет. ar'aηs'a

¹² Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 218 и сл.

¹³ А. в. Gabain. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1950, стр. 140.

¹⁴ Девону лугот-ит турк. Индекс. Ташкент, 1967, стр. 433—434, 436; А. Н. Кононов. Показатели собирательности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 27 и указ. здесь литература.

Таблица

Падeж	др.-тюрк.	якут.	чуваш.	другие тюрк. языки	пратюрк.	коттск.	кетск.	праенис.
род.	уң, пуң	nan (оруд. пад.)	ан	ун, нуң, мунаң (оруд. пад.)	*уң, *нуң	*aң, iң	daң, diң (адессив)	*daң, *diң
дат.	қа. а, ја	ҕа	а, па (локат.)	а, ка	*а, *ка	ga, ?a	а, ка	*ka
вин.	уу, п, пу	у, пу	а	у, пу	*уq, *уn		-k (у место- именный) -b (у суц.)	*k *b
орудн.	ун		ан	ун	*ун	i, a: (род. пад.)	di > t (род. пад.)	*di, id
совм.	sajyn (bir) lä	a:ju ly:n	seren la pa, p-la	saijyn, haijyn, sai la юз. аат. чул. my-la, by-la, lan (rar.) pa, pa-la (чул.) man (Зан. Сиб.)	*la *pa	^v (sog) pa ^v o:, os	(-sa, -sai) pa, fa, pas fas, a, as', as ^v	*sa *ha, *has'
местн.	та, да (исх. пад.)		ra < da ^v ta, ce	та, да	*ta < θa	(at, ha:t)	та, да	*ta
исх.	тан, дан дын	тан	ran < dan ^v tan, cen	тан, дан, дун таң, даң, дың	*taң < θaң	^v caң		*taң

‘по шесть человек’, *is'ai* ‘каждодневный’), в алтайских языках не получил широкого распространения. Примером может служить аффикс *sai* — *sei*, употребляющийся в хакасском и чулымско-тюркском языках, например: чул.-тюрк. *jylzai* ‘ежегодно’, *künzei* ‘ежедневно’, получающий наращение в других языках, например: якут. *a:ju*, узб. *saijin*, тат. *sajen*, алт., кирг. *sajun*, башк. *hajun*, чув. *seren*. Из этих вариантов выявляется предикативный аффикс «i», входящий в ряд $j \sim d \sim t \sim s \sim z \sim r$. Предикативное значение указанной формы ясно выступает еще в енисейских языках, где оно является реликтом былой классной структуры; ср. кет. *quibaŋ* < *qu-i-ra-ŋ* ‘я вместе с’, кот. *hušpaŋ* < *qu-s-ra-ŋ* ‘он, она вместе с’.

Другое значение тюркского аффикса *sa* представлено в кетском в реверсивной форме (*as*), например: *udoγas boγet* ‘пить хочу, с желанием пить (*udoγ-as*) хожу’, *usyn-as boγet* ‘спать хочу’, *кь⁰ηej-as boγet* ‘меня тошнит, блевать хочу’; ср. у Махмуда Кашгарского: *suv-sa-dy*, *suv ič sä-di* ‘он пить захотел’¹⁵; тув. *aŋzaq* ‘любящий охотиться’, *ojuŋzaq* ‘склонный играть’, алт. *agaqyzaq* ‘охотник выпивать вино’. Компонент *q* в аффиксе *sa-q* в кет. языке — показатель состояния. Это позволяет предположить, что и в др.-тюрк. *sa-g* последний согласный — аффикс (достигнутого) состояния (*sai* — наличное состояние с чем-то), т. е. понимать, например, *baγ-sa-g* как ‘ушедшим сделался’, *u-sa-g* ‘силу (мощь) приобретшим стал’. В этом была заложена возможность его превращения в аффикс условного наклонения. А так как др.-тюрк. *sag* ~ *taγ*¹⁶, то здесь открывается возможность сопоставить с этим аффиксом аффикс *tai* совместного падежа («быть с чем») в монгольских языках. Соответствие $s \sim t$ не является регулярным; оно возникло после стирания первоначально имевшегося смыслового различия (s = классный показатель, t = директивный аффикс).

Как видно из изложенного, предположение, что система склонений тюркских языков восходит к системе склонений языков енисейского типа, дает возможность удовлетворительно объяснить происхождение всех тюркских падежных аффиксов. Установление других общностей на грамматическом уровне, а также выявление исконно-общего словарного материала позволит выдвинуть гипотезу о возникновении тюркских языков на основе древнего языка енисейского типа.

¹⁵ Девону луғот-ит турк. Индекс. Ташкент, 1967, стр. 449.

¹⁶ Ср.: *K. Menges*. Указ. раб., стр. 132—133.

З. Б. МУХАМЕДОВА

ОГУЗСКО-ТУРКМЕНСКИЕ ЭТНОНИМЫ

В данной статье речь пойдет об этнонимах, известных по публикациям источников и из научной литературы. Отнесение их к огузско-туркменским — скорее дань традиции, так как многие этнические группы, входящие в состав тюркских народов, например узбеки, каракалпаки¹, а также кашкайские племена и население окрестностей Кермана² в Иране, не относятся к огузским племенам.

Махмуд Кашгарский, как известно, приводит названия двадцати двух огузских племен, хотя, по его же свидетельству, их было двадцать четыре³. По мнению В. В. Бартольда, два племени, названий которых Махмуд Кашгарский не указывает, относились к отделившимся от огузов халаджам⁴. По хронологической таблице за МК следуют отрывочные, но все же интересные данные персоязычного историка XII в. Фахруд-дина Мубарекшаха⁵.

Едва ли прав Ф. Сюмер, считая записи этнонимов ФМ идентичными данным МК. Противоречя самому себе, в примечании «13» автор указывает, что источником для ФМ могли послужить устные свидетельства⁶.

Кроме этих данных, нами приводятся этнонимы из рукописи автора XVI в. Салар Баба (рукопись № 526, хранится в рукописном фонде ИЯЛ АН ТССР, автограф, дата — 963/1555—1556 гг., место написания — Неса, в 18 км от Ашхабада, 730 страниц). Рукопись Салар Баба представляет в своей основе старотуркменский перевод известного «Собрания летописей» Рашид-ад-дина. Она распадается на ряд разделов и содержит оригинальный текст «Огуз-наме». Этнонимы встречаются как в тек-

¹ G. Jarring. On the distribution of Turk tribes in Afganistan. Lund — Leipzig, 1939, стр. 54 (в дальнейшем Триб.); см. также Каракалпакско-русский словарь. М., 1958, стр. 787 (в дальнейшем К-РС).

² جغرافىای مفصل ایران — ۲ — سیاسى — تالیف مسعود کیمیان تیران (۱۳۱۱) стр. 79, 80, 94 (в дальнейшем Дж. И.).

³ Dîvanü lûgat-ül-türk tercümesi, С. I. Ankara, 1939, стр. 55 (в дальнейшем МК).

⁴ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. — Сочинения, т. II, ч. I. М., 1965, стр. 374.

⁵ Tarikh-i Fakhrü'd-Din Mubarekshah, edited from unique manuscript by E. Denison-Ross. London, 1927, стр. 47 и стр. XI—XV, где с помощью Дж. Клосона произведено сравнение этнонимов с данными МК (в дальнейшем ФМ).

⁶ F. Sümer. Oguzlar (Türkmenler). Tarihi, boy teşkilati, dastanları. Ankara, 1967, стр. 204 (в дальнейшем Огузы). См. также обстоятельную рецензию Рауфа Гусейнова («Народы Азии и Африки», 1969, № 3, стр. 181—184). Ценным представляется свидетельство автора XV в. Язиджи Оглу, приводимое Ф. Сюмером в таблице 3 после стр. 208, а также этнонимы XVI в. и современные (стр. 209 и 450).

сте «Огуз-наме», носящем название *اوغوز اولاد و اتباع اترک تاريخی* (стр. 1216, 1316) «История потомков Огуза и остальных тюрков», так и в разделе, озаглавленном *اقوام اترک تاريخی* (стр. 232a—245a) «История тюркских племен».

Текст «Огуз-наме» в сочинении Салар Баба носит самостоятельный характер. Он не повторяет Рашид-ад-дина, как это имеет место в других разделах той же рукописи, а также у Языджы Оглу (Огузы, стр. 208). Толкования этнонимов встречаются как у Рашид-ад-дина⁷, так и у Салар Баба (стр. 127а, 245а-б). На страницах 242а-б приводится лишь перечень имен сыновей и внуков Огуза с распределением их на правое и левое крыло в боевом строю. В тексте «Огуз-наме» на страницах 127а-б в разделе *اوغوز اوغلی کون خان پادشاهلیقی ذکر* «Описание царствования Огузова сына К'юн-хана» перечисляются имена внуков Огуза с некоторым отступлением от традиции: у каждого сына Огуза не по четыре, как обычно, а по три сына (см. ниже):

1) K'ün-хан	2) Aj-хан	3) Julduz-хан
قايی — Kaiy	بايات — Bajat	يازر — Jazyr
دوکر — Düker	اوشر — Ovšar	قریق — Kyryk
القہ ایولی — Alka ivli	قرا ایولی — Kara ivli	دودورغہ — Dodurğa

Этот порядок нарушается лишь в отношении четвертого сына Огуза (стр. 127б):

4) K'ök'-хан	5) Tak-хан	6) Deñiz-хан
بايندور — Bajandur	سالور — Salur	ایمور — Ejmür
بنجه — Benze	چاولدور — Çavuldur	چینی — Çepni
یکدر — Jik'dir	بیوه — Bive	قنیق — Kynuk
بو کدور (sic!) — Bük'dür		
الای یونتلی — Alaj jontly		

В конце стр. 127а встречаются имена *يابرلی — Jabarly, بكدلی — Bek'dili, قارقیر — Karqur*; чьим сыновьям они принадлежат, Салар Баба не указывает. Порядок расположения этих имен во всех трех перечнях различный, что, на наш взгляд, отражает различные варианты предания об Огузе.

Едва ли случайно, что во всех вариантах *Кажу* — первый сын К'юн-хана. Для XVI в. это было вполне естественно: ведь и в «Сельджук-наме», относящейся к османскому периоду, предводителем правого крыла был бейлербейн племени *Кажу*.

Сопоставим данные Махмуда Кашгарского, Фахр-уд-дина Мубарекшаха и их толкования по Рашид-ад-дину и Салар Баба:

1) *قنقی* (МК I, 55) *قنقی* (ФМ, 47 и XII). По Рашид-ад-дину, так звали четвертого сына Deñiz-хана (МИТТ I, 495); в его же толковании это означает «во всяком месте, где бы ни был, будет почтен» (МИТТ I, 50). По Салар Баба, *قنیق* — третий сын Deñiz-хана, это имя означает *هر یرده بولسه عزیز بولغای*⁸, т. е. «где бы ни

⁷ См.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I. М.—Л., 1939 (в дальнейшем МИТТ I).

⁸ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 53 (в дальнейшем В. А.); см. также Z. Oral. Selçuk devri yemekleri (Türk etnografya dergisi 2). Ankara, 1957, стр. 29—34 (здесь и в дальнейшем Орал).

был, будет дорогим» (стр. 127а). На стр. 242б и 245б он уже четвертый сын того же хана. Толкование имени близко к первому. У Языджи Оглу он — четвертый сын того же хана, толкование имени близко к двум вышеприведенным (Огузы, 208). Абу-Хайян⁹ называет этим именем одно из туркменских племен. Встречается Купук и в «Китаби деде Коркут»¹⁰.

В ряде тюркских языков Сибири купук — 'усердствовать'¹¹. Знаменательное значение этнонима, хотя и не совпадающее с толкованиями наших источников, весьма важно. Оно, как правило, имеется в виду при наречении имени. По Оралу, черпающему материал из стихотворной части «Сельджук-наме» (перевод см. В. А., 53), опубликованного М. Т. Хотутсма, на пирах Сельджукидов Рума бейлербейи Купук сидел двенадцатым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34). По свидетельству того же источника, первым по правую руку от султана садился бейлербейи того племени, из которого происходил повелитель; во времена сельджуков здесь должен был быть бейлербейи племени купук, однако последний оказался в положении замыкающего левое крыло. Следовательно, «Сельджук-наме» восходит к османскому времени (по В. А., стр. 52, текст был сочинен для султана Мурада II).

2) قايغ (МК I, 56), у ФМ (стр. XX, где дается факсимиле страницы 30б рукописи), قاي (строка 71), قايغ (строка 9), قاي (строка 11). По Рашид-ад-дину, Кају — имя то третьего, то первого сына К'юп-хана (МИТТ I, 494); ему дается толкование: «крепкий». У Салар Баба то же: قايى يعنى محكم (стр. 127а) Кају 'крепкий', на стр. 242 и 245 то же. Языджи Оглу находится в полной зависимости от Рашид-ад-дина: Кају — первый сын К'юп-хана (Огузы, 208). По одним преданиям, «Гёклены жили на Сыр-Дарье и принадлежали Кају-хану»¹². По другим, Кају — родоначальник хатабов и мукры, потомки которых ныне живут на востоке Туркмении (Овезов, 86). Кају упоминается то наряду с Dooduḡa, то оказывается потомком Aaladaaḡly (Овезов, 86). Сам по себе уже важен тот факт, что такой древний автор, как Рашид-ад-дин приводит форму Кају¹³. Одна из форм у ФМ уже свободна от архаического قاي в ауслауте; ср. еще: Кају 'племя огузов' (ДК, 176). В XV веке так называли сыновей. Современное туркменское звучание этнонима gajy¹⁴. О قاي-قايى, живущих в Иране, говорят источники XIX века. В современном Иране этот род также входит в состав gōök'leḡ'ov¹⁵.

По одной шеджере послемонгольского происхождения Коркут происходит из племени Кај¹⁶ (sic!). Если султан (например, династии Османов) был из племени Кају, то на пирах бейлербейи этого племени сидел первым справа от повелителя (В. А., 53; Орал, 34).

⁹ *Abu Hayyan*. Kitab al-idrak li lisan al-Atrak. Istanbul, 1931, стр. 74 арабского текста (в дальнейшем АХ).

¹⁰ *M. Ergin*. Dede Korkut kitabı, 2. Ankara, 1963 (в дальнейшем ДК).

¹¹ *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV. СПб., 1893—1911; II, стр. 729 (в дальнейшем РСл.).

¹² *Д. М. Овезов*. К вопросу о родовом составе геоکلен. — ИАН ТССР, серия ОИ, 1960, № 4, стр. 87 (в дальнейшем Овезов).

¹³ См.: *В. В. Бартольд*. Сочинения, т. II. М., 1964, стр. 575.

¹⁴ *Г. Кульманов*. Геоکلенский диалект туркменского языка (на территории СССР). Ашхабад, 1960, стр. 5 (в дальнейшем Кульм.).

¹⁵ جغرافيا و جغرفيای گجرکان و دشت-تالیف اسدالله معینی

(в дальнейшем Горган) تهران ۱۳۴۴—شمسی

¹⁶ *А. Туманский*. По поводу «Китаби Коркуд». — ЗВО, т. IX. СПб., 1896, стр. 27.

3) *بايندر* (МК I, 56) *بايندر* (ФМ XX, строка 12). У Рашид-ад-дина Bajandur — в обоих случаях (МИТТ I, 494) — имя первого сына K'ök'-хана; его значение: «та земля всегда будет исполнена благодати» (МИТТ I, 501). По Салар Баба, *بايندور* — имя первого сына K'ök'-хана (стр. 127а), толкование: *همیشه دولت ليق بولغای* «всегда пребудет обладателем счастья», на стр. 242а и 245а то же. Языджи Оглу повторяет данные Салар Баба (Огузы, 208). По свидетельству Гардизи, Bajandur — одно из семи племен *кимаков*¹⁷.

Запись современного звучания Baajandur (Кульм., 5) позволяет допустить долгий гласный в первом слоге, которому у Махмуда Кашгарского соответствует «алиф»; долгота эта проливает некоторый свет на этимологию этнонима, которую можно в данном случае сблизить с толкованием Рашид-ад-дина: значение имени этого внука Огуза может восходить к существующему и поныне туркменскому глаголу baajugup 'кичись', 'тщеславься' с последующим выпадением *r* как слабого звука, что вполне закономерно. Независимо от этнонима это слово встречается в турецких диалектах окрестностей Измира и Балыкесира; ср. bajandur 'любящий делать добро'¹⁸. В «Книге моего деда Коркута»¹⁹ bajundur/bajundur 'род', 'племя' (см., например, стр. 110, 143) Bajander входит в состав göök'leñ, живущих в Иране²⁰ (Гвилава, стр. 10; Горган, стр. 179); с пометойю Tütkm это слово означает «название одного из родов туркменского племени гоклан» (РС.л. IV, 1968). По свидетельству А. Джафероглу, среди туркмен Карса есть bajundur²¹.

На пирах бейлербейи bajundur сидел первым слева от султана (Орал, 34), что, видимо, отдаленно отражает роль, которую играл этот род в XIV—XV вв. в Малой Азии (В. А., 50).

4) *اقا* (МК I, 56; III, 24, 27), *يقا* (там же) — одно из племен огузов. По Рашид-ад-дину, Juva — то 2-ой, то 3-й сын Так-хана (МИТТ I, 495); толкование: «степень его будет выше всех» (МИТТ I, 501). По Салар-Баба (стр. 12), третий сын Так-хана означен весьма неясно начертанным *پوه* (стр. 127а), это, видимо, соответствует Juva (Jive?), так как значение имени совпадает с толкованием Рашид-ад-дина: *اتلاری بارجه نيمه لاردين يوقاری بولغای* «их имя будет выше всех». На стр. 242б и 245б это имя принадлежит третьему сыну Deniz-хана; толкование близко к первому: «его степень и слава будут выше всех». По Языджи Оглу, Juva — третий сын Deniz-хана (Огузы, 208).

Бейлербейи juva на пирах сидел одиннадцатым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34). В XV веке зарегистрировано мужское имя Java. Если иметь в виду имена, восходящие к растениям, то Juva можно связать с juva 'лук волокнистый' (*allium fibrosum*). В современной туркменской фразеологии встречается в устойчивом словосочетании juvañ segegi jaaly 'он точно бахрома', juva — так говорят об учтивом юноше.

5) *سلغر* (МК I, 56), *صلغر* (ФМ XX, строка 11). По Рашид-ад-дину, Salur — первый сын Тау-хана; толкование: «куда ни придет, всюду сабля и булава будут в ходу» (МИТТ I, 495, 501). У Салар Баба

¹⁷ *Hudud al-'Alam* by V. Minorsky. London, 1937, стр. 304 (в дальнейшем Худуд).

¹⁸ *Türkiyede halk agzından söz derleme dergisi*, t. I—III, Istanbul — Ankara, 1939—1943, стр. 176 (в дальнейшем Дерleme).

¹⁹ Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962 (в дальнейшем Книга).

²⁰ О. Гвилава. Общественный строй и социально-экономические отношения гуркмен Ирана в конце XIX — начале XX в. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1967 (здесь и в дальнейшем Гвилава).

²¹ А. Caferoglu. Dogu illerimiz agizlarından toplamalar. Istanbul, 1942, VII (в дальнейшем Догу).

سالور — имя первого сына Так-хана (стр. 127б, 245а-б); толкование: هر کیشی یتسه قلیچ چوماق اورغای «кто бы ни достиг [его], он будет бить саблей и булавой». Материал МК встречает морфологические параллели в современном туркменском языке: ötgüg 'проницательный', 'талантливый', kesgig 'острый'. Этноним же в XIII—XIV вв. утратил г. Языджи Оглу, повторяя свидетельство Рашид-ад-дина, новую форму этнонима толкует как сочетание двух глаголов в повелительном наклонении: sal 'обрушь [саблю]', ug 'ударь' (Огузы, 208). Хотя эту новую форму salug находим и в «Китаби деде Коркут» (ДК, 258), все же в XIV веке была распространена более архаичная форма: Фахр-уд-дин, у которого Абу-Хайян заимствует свои туркменские примеры и которого называет «шейх наш», имел нисбу ас-Салгури²². К вышеприведенному толкованию этнонима «обрушивающий саблю» можно добавить примеры из диалектов турецкого языка: salur²³ 'разные виды слив', 'меч', 'сабля' (Дерлеме, III, 1186). На пирах бейлербейи племени salug сидел пятым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

6) افشار (МК I, 56), افشار (ФМ, 47). По Рашид-ад-дину, Afşar — первый сын Julduz-хана (МИТТ I, 495). Это имя означает «быстрый, страстный к охоте и к животным» (МИТТ I, 501). У Салар Баба اوشر — то второй сын Aj-хана (стр. 127а), то второй сын Julduz-хана (стр. 242а, 245а), толкование в общем сходно с данным у Рашид-ад-дина: چالاک (стр. 127а) — «быстрый», на стр. 245а «к охоте пристрастен». Характерно отсутствие данного этнонима в ДК, зато он встречается у Абуль-Гази. Афшары входили в состав кызылбашей, опоры Сефевидов, с XIV века²⁴. Мирза Мехди-хан в «Тарих-и Надири» подчеркивает принадлежность Надир-шаха к роду kagaklı, являющемуся частью туркменского племени Afşar (МИТТ II, 118). Форма ovşar, близкая к упоминаемой Салар Баба, отмечена в составе племени göök'leŋ (Кульм., 5), avşar||afşar — деление göök'leŋ (Овезов, 88). Д. М. Овезов отмечает avşar||afşar в составе müğçeli, когда это племя находилось в Афганистане²⁵. К приведенным толкованиям можно добавить туркменский глагол avşarmak 'вести себя высокомерно', 'задаваться'; в азербайджанских диалектах avşar 'молоко', avşarğamaу 'доить'²⁶.

В анатолийских диалектах avşar||afşar имеет различные значения; в говорах Сейхана и Бурсы avşar 'недоуздок', но здесь, видимо, простое замещение s||ş, ср. туркменское ovşar < перс. افسار 'верблюжий недоуздок'. В речи жителей Коньи, бывшей столицы Сельджукидов Рума, это слово означает «сильное кипение бекмеса в процессе его варки» (Дерлеме I, 131). Форма afşar в говорах Диарбекира значит «крепкий», «ловкий», «надежный», в речи жителей Азизие, Сиваса, Коньи — «быстро совершающий дело» (sic!), в говорах Эскипазара и Чанкыра — «противоположность всякой вещи» (Дерлеме I, 72). Бейлербейи afşar на пирах сидел восьмым справа от султана (Орал, 34).

²² П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. X (в дальнейшем АФТ).

²³ Л. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 515 (в дальнейшем Абуль-Гази).

²⁴ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II. М.—Л., 1938, стр. 10, примеч. 2 (в дальнейшем МИТТ II).

²⁵ Д. М. Овезов. Туркмены-мурчалы. — Труды ЮТАКЭ, т. IX. Ашхабад, 1959 (в дальнейшем Овезов М.).

²⁶ Азербайджан дилинин диалектоложу лугәти. Баку, 1964, стр. 17 (в дальнейшем АДДЛ).

7) بكدلی (МК I, 56), بكدلی (ФМ, 47). По Рашид-ад-дину, Bekdili — то второй, то третий сын Julduz-хана (МИТТ I, 495); толкование имени: «подобно речам старших, почтенным будет» (МИТТ I, 501). У Салар Баба بكدلی также третий сын Julduz-хана (стр. 127а, 242а), имя его означает اولوغلار سوزى ديك عزيز بولغاي «будет дорог, как слово старших». Примерно такое же толкование находим у Абуль-Гази (стр. 53). По Языджи Оглу, Begdili — третий сын Julduz-хана (Огузы, 208). Begdili — одно из подразделений племени göök'leŋ (Овезов, 86; Гвилава, 10); Begdili — часть doodurğa, живущих в Иране (Горган, 180).

8) بكدز (МК I, 56) بكدز (ФМ, 47). По Рашид-ад-дину, Bükdüz — третий сын Deŋiz-хана (МИТТ I, 495), толкование имени: «оказывающий всем покорность и послушание» (МИТТ I, 501). Салар Баба приводит форму بوكدور (стр. 127а) без точки над «ра», как имя третьего сына K'ök'-хана. На стр. 242б и 245б повторяется то же начертание. Однако здесь оно дано как имя второго сына Deŋiz-хана. Что это не описка, видно из написания Begdüg (Книга, 30, 58 и др.), хотя турецкий интерпретатор того же памятника предпочитает традиционную форму: Bүgdüz (ДК, 64). Толкование Салар Баба близко к приведенному Рашид-ад-дином. По Языджи Оглу, Bүgdüz — второй сын Deŋiz-хана (Огузы, 208). Один из родоначальников йомудов назван Buduz > Bүgdüz (?). Новизна формы (утрата *g* — см. *salıur, jazıur*) объясняется, видимо, более поздним происхождением источника²⁷. Знаменательное значение этого имени встречается в анатолийских диалектах; в говорах Афйона и Испарты оно означает 'рогатый сук'. В речи жителей Аваноса, Кыршехира, Коньи, Ёзгата bүgdüz 'горбатый'. Бейлербейи bүgdüz на пирах занимал десятое место справа от султана (Орал, 34).

9) بيات (МК I, 56) بيات (ФМ, 47). По Рашид-ад-дину, Bajat — то третий сын K'üp-хана, то его же второй сын (МИТТ I, 495). Имя означает «счастливый и полный благодати» (МИТТ I, 500). У Салар Баба بيات на стр. 242а и 245а — имя второго сына K'üp-хана; на стр. 127а — имя первого сына Ај-хана, толкование: «обладатель счастья и изобилия». По Языджи Оглу, Bajat — второй сын Güp-хана (Огузы, 208). В ДК Bajat — одно из огузских племен (ДК, 41). Bajat как самостоятельная этническая единица встречается в Бурдалыке (на Аму-Дарье), в окрестностях Чарджоу²⁸. Мелким подразделением входит bajat и в состав göök'leŋ (Овезов, стр. 86). В чагатайском и уйгурском языках bajat значит «бог» (РСл., IV, 1468), то же значение придают этому слову жители Мачариса, Эрчиша, Вана, Балыкеси́ра (Дерлеме I, 176). В речи жителей Измира и его окрестностей bajat означает «счастливый». По В. В. Радлову, в османском и азербайджанском языках оно означает «старый» (РСл., IV, 1468). Бейлербейи bajat отведено второе место справа от султана (Орал, 34).

10) يزغر (МК I, 56), старая форма сохранилась еще в XIII веке: يزغر (ФМ, XX, строка 12). У Рашид-ад-дина и последующих авторов

²⁷ Н. Н. Иомудский (Караш-хан оглы). Из народного предания туркмен. — В сб.: «Академику Бартольду туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927 (в дальнейшем Иомудский).

²⁸ Этими сведениями мы обязаны С. Аразкулиеву. См. еще: Р. Я. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. — «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 55; а также Л. Б. Ошанин. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа. — «Труды ЮТАКЭ», т. IX. Ашхабад, 1959, стр. 73.

γ после z утрачен. Jazyg — первый сын Aj-хана (МИТТ I, 495); имя означает: «много стран будет у него» (МИТТ I, 501). По Салар Баба, يازير — имя первого сына Julduz-хана (стр. 127а), на стр. 242а и 245а — уже имя первого сына Aj-хана, значение كوب ولايتدين سنينك ساري بولغاى букв.: «из многих областей будет в твою сторону». Языджы Оглу повторяет это толкование Салар Баба, совпадающее с данными Рашид-ад-дина (Огузы, 208). В литературе принято считать, что племя Jazyg позднее стало называться karadaşly (В. А., 43). Если принять во внимание изменение jazγug > jazγg > jazy как результат последовательного и закономерного выпадения γ и затем r, то jazy — название рода, являющегося частью крупнейшего туркменского племени teke (из него происходил поэт-лирик Молланепес), можно предположить неполное исчезновение jazγg и замену его названием garadaşly. Бейлербейи jazyg за царской трапезой сидел четвертым справа от султана (Орал, 34).

11) ايمر (МК I, 56) انمر (ФМ, 47), т. е. eпmīg. По Рашид-ад-дину, Eпmīg — имя то третьего, то второго сына Тау-хана (МИТТ I, 495); толкование: «беспредельно хороший и могущественный». По Салар Баба, аймор — имя первого сына Deniz-хана (стр. 127а); им дается и иное толкование: «обладатель войска» и «ловкий». На страницах 242а и 245а повторяются свидетельства Рашид-ад-дина, то же наблюдается у Языджы Оглу (Огузы, 208). Eпmīg — одно из подразделений северных йомудов²⁹. Как известно, Абуль-Гази приводит форму аймир айлы (Абуль-Гази, стр. VI, строка 1282); это позволяет связать форму jemreli с eпmīg; здесь налицо результат метатезы ej/je и слияния двух слов eпmīg + ili. Даже раздельное написание аймир айлы, где алиф с маддой предполагает чтение ajmug, Ю. Э. Брегелем транскрибируется imreli³⁰. В таком сравнительно позднем источнике, как шеджере, Nury aahun'a из Kütüş Dere, eпmīg и jemreli, судя по извлечениям, приводятся раздельно (Иомудский, 320, 321). Из eпmīg ili происходят герои дестана «Jusuŕ ve Ahmed»³¹. اصفهانليک ايدير ايلى باريسی (Рукопись Ms. Or 973 библиотеки восточного факультета ЛГУ, стр. 5б).

Раздельное произношение eпmīg ili диктуется стихотворным размером. Параллелью может служить современный этноним sakar ili³².

Кроме северных jomud'ов (см. выше), eпmīg встречается в составе южных jomud'ов (Гвилава, 10) и как подразделение çony atabaaj. В составе göök'leŕ³³, живущих в Иране, отмечен род аймир тоангер (Горган, 193). Среди туркмен Карса есть imreli (Догу, XVII). На пирах бейлербейи eпmīg сидел шестым слева от султана (В. А., 53, Орал, 34).

12) قرا بلك (МК I, 56). У Рашид-ад-дина Кага evli — имя четвертого сына K'üp-хана (МИТТ I, 495). Значение имени «черный шатер» (МИТТ I, 500). По Салар Баба, قرا ايولى (стр. 127а) — имя третьего сына Aj-хана, на стр. 242а и 245а — имя третьего сына K'üp-хана; значение خوب يورور «хорошо будет ходить по пути

²⁹ Д. Амансырев. Туркмен дилинин, ёмут шивесинни, демиргазык гелешшклери. Ашгабат, 1954, стр. 35 (в дальнейшем Сев.).

³⁰ Ю. Э. Брегель. Хорезмские туркмены XIX века. М., 1961, стр. 291 (в дальнейшем Брегель).

³¹ А. Н. Самойлович относит его к XVI веку. См. его «Очерки по истории туркменской литературы. Туркмения», т. I. Л., 1929, стр. 132.

³² См.: Сеиди. Сайламан эсерлер. Ашгабат, 1955, стр. 13.

³³ См.: Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М.—Л., 1964, стр. 19.

[в поход] с войском». По Языджи Оглу, Кага evli — четвертый сын K'üp-хана (Огузы, 208).

В «Китаби деде Коркут» оба варианта этнонима отсутствуют. Абуль-Гази приводит форму *قرا او يلى* (стр. 53), что близко к современному туркменскому звучанию: *gaга öjli*³⁴. На пирах бейлербейи кага evli сидел двенадцатым справа от султана (В. А., 53; Орал, 34).

13) *القاه بلك* (МК I, 56). По Рашид-ад-дину, Alkyg evli — второй сын K'üp-хана (МИТТ, 494). По другому свидетельству того же автора, это — третий сын того же хана; значение имени «во всяком месте, в котором [в которое?] ни придет, будет благоприятен» (МИТТ I, 500). По Салар Баба, *القاه ايولى* (стр. 127a) — третий сын K'ök'-хана, на стр. 242a то же самое; значение *هر يره بولسه دولت و سعادت بر له بولغاي* «где бы ни был, будет богат и счастлив». По Языджи Оглу, Alka evli — третий сын Güp-хана (Огузы, 208). Потомками *alka bölük'* Г. И. Карпов считал *ala bölük'*ов, вошедших в объединение *salyg'*ов, с чем согласна Г. П. Васильева³⁵. В ауле близ Мары от *Pürli Övez Oly* (68 лет) записано, что в его шеджере одним из колен *jazy* является *Älk'e* (рукопись № 4 Сектора рукописей ИЯЛ АН ТССР, стр. 5). Что же касается данных Салар Баба на стр. 245a, то здесь дважды написано *قرا ايولى* (видимо, это ошибка); толкование *ايولى قرا بولغاي* «его шатер будет черным» дано ко второму примеру. Первоначальное *alkar < jalkar < jarlukar* «окажет милость», «воздаст добром» в сочетании с *evli* весьма сходно с синтаксическими построениями типа *akar suvly* «обладающий проточной водой», и проч., и сам этноним толкуется довольно легко: «владыка счастливого шатра». Ср. *jalka*, а также мужское имя *Jalkaar Berdi* «он даровал, оказав милость». В составе *jomud'*ов *atabaaaj* в Иране есть род *jelk'e* (Гвилава, 10). В составе туркменского племени *göök'leñ* (в Иране же) числится род *علته* (Горган, 179). Бейлербейи племени кага evli на пирах сидел третьим справа от султана (В. А., 53; Орал, 34).

14) *اکتر* (МК I, 57). По Рашид-ад-дину, *Jigder* первый сын *Deñiz*-хана (МИТТ I, 495), имя означает «хороший, великий, молодец» (МИТТ I, 501). У Салар Баба *يکتر* (стр. 127a) — имя третьего сына K'üp-хана; толкование *بخشى اولوغ* приблизительно «добрый богатырь».

На страницах 242б и 245б излагаются факты, близкие к данным Рашид-ад-дина, приведенные также у Языджи Оглу (Огузы, 208). В позднем шеджере сохранился отзвук последних трех свидетельств: в рукописи № 844ф Сектора рукописей ИЯЛ АН ТССР, записанной русскими буквами, по-видимому, на западе Туркмении в 1946 году, кратко изложена легенда, согласно которой *Igdig* — сын *Deñiz*-хана (стр. 11). В Туркмении потомки племени *igdig* встречаются всюду: по данным К. Шамуралова, они живут в *Guzyl Suv* (вблизи Красноводска); по устному свидетельству А. Джикиева, их кладбища на *Maңgyşlak'e* сохранили родовые тамги, а *igdig* входит как подразделение в состав северных *çoudur*. *Igdig*³⁶ отмечен также в составе племен *çovdur* и *jomud-atabaaaj* на территории Ирана (Гвилава, 10) и в Турции среди населения Карса (Догу, XVII). На пирах бейлербейи племени *igdig* сидел девятым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

³⁴ Форма *böyük'* (по типу *dövük'* «разбитый») встречается (по записям А. Джикиева) среди подразделений *gağaman*.

³⁵ Г. П. Васильева. К истории туркменского населения западных районов Ташаузской области. — «Труды ИИАЭ АН ТССР», т. VII. Ашхабад, 1963, стр. 18.

³⁶ Народы Средней Азии и Казахстана, II. М.—Л., 1964, стр. 19.

15) اراكر (МК I, 57), у ФМ по G. Clauson'у اراكن (ФМ, стр. XIV и 47). Последняя форма особенно сомнительна, она ближе к *دوكر* (?). По Рашид-ад-дину, Ürek'ig (читать можно Ürek'ig) — четвертый сын Тау-хана (МИТТ I, 495); толкование: «всегда делающий доброе дело и в порядке дарящий» (МИТТ I, 501). У Салар Баба на стр. 127а-б данного этнонима нет, на страницах же 242а и 245а اووكر имя четвертого сына Так-хана, как и у Языджи Оглу (Огузы, 208). По свидетельству Б. Аталая, одного из правителей Аданы из династии Рамазанидов звали Üregig (МК I, 57, примечание). А. Джикнев едва ли прав, утверждая, что этноним восходит к jügüg 'бегай' и мог этимологизироваться в jügüregig, т. е. 'постоянно быстро бегающий'.

Бейлербейи племени üregig на пирах сидел восьмым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

16) توتورقا (МК I, 57), توتورقا (ФМ XIV и 47). По Рашид-ад-дину, Dodurğa — то второй, то третий сын Аж-хана (МИТТ I, 495 и 501). У Салар Баба на стр. 127а خودورغه имя третьего сына Julduz-хана, на стр. 242а и 245а — как и у Рашид-ад-дина. Салар Баба сходится с Рашид-ад-дином и в толковании ملك توتوب بسلاميش قيلماق (стр. 245а) «организовать государство» и basylmyš — букв.: «придавленным держать его крепко». Абуль-Гази (стр. 31) всецело зависит от Рашид-ад-дина, как впрочем и Языджи Оглу (Огузы, 208). Потомки былого племени doodurğa (Кульм., 5; долготе первого слога, видимо, соответствует буква «вав» в записи МК) составляют наряду с kaju часть göök'leŋ как у нас, так и в Иране (Горган, 179). Знаменательное значение можно увязать с диалектным dodurgün (Дерлеме II, 452) 'изобилие'. В кыпчакском словаре «Dürrat al-mudi'a»³⁷ tulurğaŋ 'рис'. Если вспомнить Juva (см.), а также современные имена, восходящие к растениям, напр.

Serkez (Salsola Richteri Carel), то этимология имени внука Огуза может быть связана также с названием растения. Бейлербейи племени dodurğa на пирах сидел шестым справа от султана (В. А., 53; Орал, 34).

17) الاينتلغ (МК I, 57). Необычно начертание его у ФМ لايندليق (стр. XIV и 47). По Рашид-ад-дину, Ala Juntly — то второй, то третий сын Тау-хана (МИТТ I, 495). Имя означает «скот его будет хорош» (МИТТ I, 501). У Салар Баба الايونتلى (стр. 127а) — имя четвертого сына K'ök'-хана, значение идентично толкованию Рашид-ад-дина, то же совпадение на страницах 242а и 245а. По Языджи Оглу, Ala Juntly — третий сын Dak-хана (Огузы, 208). Бейлербейи Ala jutly (juntly?) сидел седьмым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

18) توكر (МК I, 57). По Рашид-ад-дину, Dük'er — то третий, то второй сын Аж-хана (МИТТ I, 495). Толкование: «относительно сбора в кучу» (МИТТ I, 501). Салар Баба (стр. 127а) приводит دوكار как имя второго сына K'üp-хана без объяснения. На стр. 242а и 245а دوكار — имя второго сына Аж-хана; на стр. 245а краткое толкование: يغمليق اوچون «для сплоченности». Форму دوكر из ФМ (стр. 47) Ф. Сюмер читает Dük'er³⁸ и, видимо, прав. Толкование этого этнонима, приведенное Ра-

³⁷ А. Л. Зайончковский. Новонайденный арабско-кыпчакский словарь из государства Мамелюков. — Журн. «Народы Азии и Африки», 1964, № 3 (здесь и в дальнейшем ДМ, III).

³⁸ F. Sümer. Dögerlere dair. — «Türkiyat mecmuası», X, стр. 139, примеч. В статье дается обзор истории этого племени огузов.

шид-ад-дином, сомнительно; несколько убедительнее, если только это не «ложная этимология», толкует его Абуль-Гази: Dük'er 'круг' (стр. 53). Ср. tigr 'колесо', dügür 'комоч' (сахару, соли). Dük'er — 'глава тысячи народов' (Книга, стр. 58). По Языджи Оглу, Döger — второй сын Аджана (Огузы, 208). Düyer сидел пятым справа от султана (В. А., 53; Орал, 34).

19) بچنك (МК I, 57) بچينك (ФМ ХХ, строка 10). По Рашид-ад-дину, Беçене — то третий сын К'ök'-хана (МИТТ I, 495), то второй сын К'üp-хана; имя его означает «доброе старание оказывает» (МИТТ I, 501). По Салар Баба (стр. 1276), بچنه — имя второго сына К'ök'-хана; толкование соответствует данным Рашид-ад-дина как на стр. 242а, так и на 245а.

Махмудом Кашгарским этот род оговорен особо. По его утверждению, этим именем называется племя, живущее у границ Рума (МК I, 488³⁹). По свидетельству А. Джикиева, в преданиях салыров фигурирует беçене. У Абуль-Гази род беçене означает 'делающий' (Абуль-Гази, стр. 53). Бейлербеин этого рода сидел вторым слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

20) جولدر (МК I, 58). По Рашид-ад-дину, Zavuldur — имя второго сына К'ök'-хана (МИТТ I, 494), в другом месте zavuldur приводится как имя третьего сына К'üp-хана, значение его — «славный и далеко-голосый» (МИТТ I, 501). Салар Баба приводит جولدر (стр. 1276) как имя второго сына Так-хана, означающее: دايم ايشى اوروش بولغاي «его делом всегда будет война»; на стр. 242а и 245а это имя третьего сына К'ök'-хана. По Языджи Оглу, Zavuldur — третий сын Güp-хана (Огузы, 208). В «Китаби деде Коркут» этот этноним отсутствует, у Абуль-Гази Çovdur означает 'честный' (стр. 53). Позднее шеджере çovdur возводит к Gök'-хану (рукопись, 844, стр. 11). Р. Я. Винников⁴⁰ считает, что çovdury упоминаются в перечне туркменских племен Махмуда Кашгарского (XI в.), Рашид-ад-дина (XIV в.) и Абуль-Гази (XVII в.); но так как этнонима çovdur мы у первых двух из этих авторов не встречаем, приходится допустить, что Р. Я. Винников имел в виду именно Zavuldur. Правда, для трансформации Zavuldur в çovdur должен выпасть целый слог ul. Это вполне вероятно: l — сонорный плавный, как слабый звук он имеет тенденцию к выпадению. Под влиянием начального слога (здесь могло быть u и o) ассимилировался конечный слог; близкой параллелью можно считать Saldar — подколоно Средней Орды казахов⁴¹.

Помимо самостоятельной этнической группы на севере Туркмени, название çovdur носят и мелкие подразделения племени göök'leç (род doodurça и esen iili на Mangyşlak'e), оба свидетельства приводятся по записям А. Джикиева. Близкую к современной туркменской форме в XV в. имело мужское имя из Бурсы: Cavdar. В двадцатые годы жил

³⁹ См.: С. П. Толстов. Города гузов. — Журн. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 84.

⁴⁰ Р. Я. Винников. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. — Труды ИИЭА, т. VI. Ашхабад, 1962, стр. 63.

⁴¹ Э. А. Шмидт. Материалы по годовому составу казахского населения Юго-Западной части Чимкентского уезда. — «Академику Бартольд...». Ташкент, 1927, стр. 312.

^vÇovdur baγ̣şy — певец и виртуозный исполнитель народных мелодий на дутаре.

По устным свидетельствам, çandyr — отуркменившиеся узбеки (Брегель, 43 — по записям Г. П. Васильевой). Между тем чередования ċ/s/z в анлауте и l/p в середине слова вполне закономерны. Çavdur на шраках занимал третье место слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

21) چىنى (МК I, 58). По Рашид-ад-дину, Çerpi — имя четвертого сына K'ök'-хана (МИТТ I, 495), означает «где ни увидит врага, всюду сражается без отлагательства» (МИТТ I, 501). У Салар Баба چىنى (стр. 127а) — имя второго сына Deñiz-хана, толкование как у Рашид-ад-дина; на стр. 242а и 245а — имя четвертого сына K'ök'-хана. По Языджи Оглу, Çerpi — четвертый сын Gök'-хана (Огузы, 208). В «Китаби деде Коркут» его нет, у Абуль-Гази Çerpi 'богатырь' (стр. 53). Видимо, в данном случае, как, впрочем, и в других, автор «Родословной туркмен» следует за Рашид-ад-дином. Туркмены Карса были из çerpi, среди них были и колена bajyndyr, imreli (Догу, XVII). По свидетельству Б. Аталая, çerpi — кочевники, обитающие между Балыкесиром и Измиром. Живут они и в вилайете Орду (МК I, 58, примеч.). Место представителя этого рода — четвертое слева от султана (В. А., 53; Орал, 34).

22) چىر تلغ (МК I, 58). Как известно, это племя отсутствует у Рашид-ад-дина, нет его и у Салар Баба, так же как и у Языджи Оглу. Среди подразделений göök'leñ есть çayuk (Овезов, 87); может быть племя saayuk < çayuk (?); чередование ċ/s закономерно: ср. sağa 'нама-тывай', başuñu çaga 'выйди из положения', букв.: 'сам обмотай свою голову'.

Этот род не значится за султанской трапезой (В. А., 53; Орал, 34): у Махмуда Кашгарского нет этнонима يابىرلى, который у Салар Баба приводится на стр. 127а вне связи с именами сыновей Огуза; на стр. 242а и 245а он значится как имя четвертого сына Aj-хана; по Языджи Оглу, Jaraγly — четвертый сын (Огузы, 208) Aj-хана. Jaraγly сидел седьмым справа от султана (В. А., 53; Орал, 34). Не совпадает с данными Махмуда Кашгарского и قىرىق (стр. 242а и 245а), у Салар Баба это имя второго сына Julduz-хана; по Языджи Оглу, Кузык — второй сын Julduz-хана (Огузы, 208). قىرىق встречается в составе göök'leñ Ирана (Горган, 179).

Преобладающее количество рассмотренных этнонимов встречается среди родовых подразделений азербайджанцев, туркмен, турок, а также и других тюркских народов, не входящих в огузскую группу. Выступая первоначально как антропонимы, они имеют и знаменательные значения, свойственные, как известно, и современным антропонимам, не связанным с исламом. Это наблюдается у большинства тюркоязычных народов и чаще всего вызвано желанием защитить ребенка, уберечь его от болезней, сохранить ему долгую и счастливую жизнь. Рассмотренные нами этнонимы, как правило, имеют те же знаменательные значения, что и старинные туркменские имена. Связаны ли они с тотемами, — вопрос, который разрешат этнографы. Во всяком случае этнонимы представляют большой интерес для лингвистов, их необходимо собирать при изучении диалектов тюркских языков, так как они заключают в себе большие потенциальные возможности с точки зрения фонетических и этимологических исследований.

М. А. СЕЙИДОВ

ОБ ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *ozan* || *uzan*

В свое время А. Н. Самойлович справедливо указывал, что значение слова *ozan*||*uzan* в должной мере еще не изучено, что оно требует серьезного этимологического анализа, раскрытия его истинного смысла и установления правильного произношения¹.

Необходимо было провести специальное исследование этого слова, выявить те процессы и факты в жизни и духовном развитии тюркоязычных народов, благодаря которым возникло и закрепилось слово *ozan*||*uzan*.

Слово-термин *ozan*||*uzan* встречается во многих древних первоисточниках. Его арабское написание *اوزان* читалось учеными как *ozan* и *uzan*, тем более, что во многих тюркских языках звукосоответствия начальных «о» и «и» вполне закономерны (ср.: «*ogur* — *ugur*», «*oʻzan* — *uzan*», «*oʻuz* — *uz*» и т. д.)². Однако турецкий ученый Ф. Кёпрюлю исключает фонетический вариант *uzan*³.

Большинство ученых впервые встретилось со словом *ozan*||*uzan* в известном героическом эпосе огузов «Китаби деде Коркут». Противоречивость высказанных разными исследователями предположений, затемненность этимологии этого слова вынуждали ученых вновь и вновь возвращаться к нему. В народно-героическом эпосе «Китаби деде Коркут» *ozan* — эпический сказитель и певец.

Во вступлении к дастану высоко оценивается искусство озанов:

Голча гопуз көтүрүб елдэн-елэ бәйдән-бәјә озан кәзәр,
Эр чөмәрдин, эр накәсин озан биләр⁴.

‘С кобзой в руке, от народа к народу,
от бека к беку идет певец,
Кто из мужей отважен, кто негоден, знает певец’⁵.

Озан||узан, играя на гопузе, пел о народных чаяниях, о любви молодых игидов и юных девушек, о героической защите родной земли от нашествия врагов. Озан разделял с людьми своего племени все радости и печали.

¹ А. Н. Самойлович. Очерки по истории туркменской литературы. — В сб.: «Туркмения». Л., 1929, стр. 114.

² Подробнее об этом см.: Мирэли Сейидов. *Уғур сөзү һаггында бә’зи гејдләр*. — «Азәрбајҗан ССР ЕА хәбәрләри (ичтимаи елмәр серијасы)», 1962, № 4, стр. 149.

³ *Fuad Köprülü. Edebiyat araştırmaları*. Ankara, 1966, стр. 143.

⁴ Китаби Дәдә Горгуд. Бақы, 1962, стр. 13.

⁵ Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 12.

Работы и высказывания ученых, посвященные этимологии слова *ozan*||*uzan* и народному искусству, понимаемому ими под этим термином, можно условно подразделить на две группы. В большей части работ внимание сосредоточивалось главным образом на анализе различных оттенков значения термина *ozan*||*uzan* у тюркоязычных народов; в меньшей — выявлению сущности и значения как самого слова-термина, так и искусства озанов||узанов (работы Ф. Кёпрюлю, А. Н. Самойловича).

Один из первых исследователей семантики этого слова Pavet de Gourteille считал, что *uzan* означает неметрическую стихотворную форму⁶. В. В. Радловым установлены значения слова-термина *ozan*||*uzan* в языке телеутов, варбин, шоров и других тюркоязычных народов. Как и Pavet de Gourteille, В. В. Радлов считал, что *uzan* означает не имеющую метрического размера стихотворную форму⁷.

Ф. Кёпрюлю, изучив почти все существующие работы, посвященные исследованию данного вопроса, указал несколько новых первоисточников, в которых упоминается или непосредственно употребляется слово *ozan*||*uzan*. Так, в его трудах впервые были упомянуты заметки Quatremere об искусстве озанов||узанов, в которых, по словам Ф. Кёпрюлю, Quatremere, ссылаясь на произведение «Mesâlikü'l-Ebsâr, Kitâbü'l-Inşâ', Hitat-ı Makrizî» о мамлюках, высказывал мнение, что *uzan* означал музыкальный инструмент типа давула. На последнем играли во время походов султана. Под аккомпанемент этого инструмента читались дастаны о древних хаганах, исполнялись героические песни об их походах и победах⁸.

Н. G. Farmer опровергает версию Quatremere об *ozan*||*uzan* как музыкальном инструменте типа давула. Основываясь на произведении Ибн ал-Гайби «Sâmi al-Alhân», он утверждает, что *ozan*||*uzan* — трехструнный инструмент, отличный от давула⁹. Ф. Кёпрюлю убедительно аргументирует ошибочность мнения Quatremere и справедливо обращает внимание на то обстоятельство, что в войсках мамлюков для воодушевления воинов было широко распространено чтение стихов на турецком языке, сопровождавшееся игрой на гопузе. Известно также, что у тюркоязычных племен, осевших на арабских землях, эпические сказители во время сражения играли на гопузе¹⁰, прославляя героев и поднимая дух войска. Таким образом, вполне закономерен вывод о том, что *ozan*||*uzan* означал как стихотворную форму, не имеющую размера, так и род музыкального инструмента. Почему же слово *ozan*||*uzan* объединяло оба эти значения? По-видимому, и название музыкального инструмента, и название упомянутой неметрической стихотворной формы восходят к слову, означавшему эпического певца-сказителя — *ozan*||*uzan*. Аналогичные примеры имеются и у других народов (ср.: у украинцев эпический певец — кобзарь, инструмент — кобза).

Во многих турецких и персидских памятниках литературы под словом *ozan*||*uzan* понимается эпический сказитель, сопровождающий свой стихотворный рассказ и пение игрой на музыкальном инструменте. Это слово-термин встречается и у народов, этнически входивших в состав огузов. Слово *ozan*||*uzan* встречается в языке турецкого, азербайджан-

⁶ Pavet de Gourteille. Dictionnaire Turc-Oriental. Paris, 1870, стр. 61.

⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. 2. СПб., 1893, стр. 1758.

⁸ См.: Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Отметим, что в «Китаби деде Коркут» некоторых озанов называют также и «алп озан» (богатырь-озан). По-видимому, такие озаны не только воодушевляли воинов своим искусством, но и сами принимали непосредственное участие в сражениях.

ского, туркменского, узбекского и других тюркских народов. Г. Араслы впервые отметил *ozan||uzan* в произведениях Низами Гянджеви¹¹.

نواساز خنياكران شگورف
بقانون اوزان بر آورده حرف

‘Каждый исполнитель, певец, пел свои восхитительные песни как озан’.

Г. Араслы замечает, что «озан» в употребляемом Низами смысле в нашем современном языке заменяет слово «ашуг»¹².

Слово-термин *ozan||uzan* было нами обнаружено в стихотворении поэта Юниса Эмре:

Ben bir usanmaz ozanım
Dārdim vardır inlerim¹³.
‘Я — неутомимый озан,
Горе мое меня [заставляет] стонать’.

В азербайджанских баяты, пословицах, народных песнях слово *ozan||uzan* употребляется в значении «творец», «исполнитель», «художник». Многие азербайджанские исследователи, в том числе Г. Араслы, М. Г. Тахмасиб, Э. Эльдарова и другие, в своих работах цитируют стихотворные отрывки со словом *ozan*.

Гызым, гызым гыз ана,
Гызымы веррэм озана,
Озан агча газана,
Гызым кејә бозанә.

‘Дочь моя, дочь моя родная, выдам дочь свою за озана; озан заработает много денег, дочь моя будет наряжаться’.

Или:

Евимизә озан кәлибдир,
Пәрдәни позан кәлибдир,
Күндүз олан ишләри,
Кечә јазан кәлибдир.

‘К нам в дом озан пришел, нарушающий этикет, — пришел; тот, кто случившееся днем записывает вечером, — пришел’.

Еще пример:

Бу дагда озан аглар,
Дәрд-гәми јазан аглар,
Гүрбәтдә чан верәнин,
Гәбрини газан аглар.

‘В этих горах озан рыдает, пишуший о горестях и печалях, рыдает; тот, кто для умирающих на чужбине роет могилу, рыдает’.

¹¹ См.: Г. Араслы. Низамидә халг сөзләри, халг ифадә вә зәрбмәсәлләри. — «ССРИ ЕА Азәрбајчан филиалынын хәбәрләри», 1942, № 8, стр. 3—4.

¹² Там же.

¹³ Yunis Emre. Istanbul, 1958, стр. 74.

Многие азербайджанские селения в честь эпических певцов-сказителей названы «Озан». По-видимому, в свое время в этих местах жили озаны. В настоящее время в Кировабаде (Азерб. ССР) часть города до сих пор называется жителями «озанской». Г. Араслы отмечает, что это название встречается и в дастане «Шахрияр»: «Приближаясь к улице «багбан», извлек саз, прижал его к груди и через улицы *озанов* прошествовал с достоинством по городу, распевая то шахназ, то раст, то новруз араби»¹⁴.

До последнего времени в Армении, в Деречичекском районе, одно азербайджанское селение носило название *Озан*¹⁵.

Как видим, искусство озанов||узанов имело тесные связи с жизнью и культурой Азербайджана. Ф. Кёпрюлю отмечает, что и в Анатолии имеется ряд сел, носящих названия в честь озанов¹⁶.

В одной из своих работ Ф. Кёпрюлю указывает, что в стихотворении поэта XV в. Камала Умми слово *ozan||uzan* употреблено в значении «искусный певец»¹⁷. Алишер Навои в своем произведении «*Mizânül-Evzân*» повествует об озанах||узанах и их песнях *اوزماغ* (озмаг)¹⁸. В туркменских пословицах и поговорках слово *ozan||uzan* также означает «сказитель», «исполнитель», «художник», «творец».

В *Ferheng-i Şu'ûrî*, составленном в 1664—1665 гг., слово *uzan* толкуется как певец-сказитель, поющий «шарги» и аккомпанирующий себе на гопузе¹⁹.

В словаре Шейх Сулеймана Эфенди Бухари *ozan||uzan* — это «человек, поющий мани и шарги»²⁰. Л. З. Будагов также считает, что *ozan||uzan* означает «играющий на тамбуре и рассказывающий тюрки»²¹.

Проблемой генезиса и этимологии слова *ozan||uzan* долгое время занимался академик В. В. Бартольд. Знакомство с многочисленными источниками, толкующими значение этого слова-термина, позволило ему прийти к выводу, что это слово тюркского происхождения и означает эпического певца-сказителя, играющего на гопузе²². К аналогичному выводу приходит в своих исследованиях и А. Н. Самойлович: *ozan||uzan* — слово тюркское и означает певца-сказителя²³.

По утверждению музыковеда В. Беляева, туркмены эпического певца-сказителя, играющего на гопузе, называют *озан||узан*²⁴.

Академик В. А. Гордлевский высказывает предположение, что слово *uzan* восходит к древнеармянскому «гусан»: «Построение Кёпрюлюзаде Мехмеда Фуада, возводящего огузское слово «узан» к якутскому «уйун», вернее, «ойун» («шаман»), сомнительно; естественнее предположение, что здесь — отражение древнеармянского класса «гусан»... когда армянское царство — «Великая Армения» — пало, гусаны ушли к Сельджукидам, покровителям искусств...»²⁵

¹⁴ *Г. Араслы*. XVII—XVIII эр Азәрбајҹан әдәбијҹаты тарихи. Бақы, 1956, стр. 302.

¹⁵ Одно из азербайджанских селений Басаркечарского района Армении называлось Яншаг. Многие известные певцы-сказители родом из этого селения.

¹⁶ *Fuad Köprülü*. Указ. раб., стр. 137.

¹⁷ *Там же*, стр. 141.

¹⁸ *Там же*, стр. 135.

¹⁹ *А. Н. Самойлович*. Указ. раб., стр. 144.

²⁰ *شیخ سلیمان افندی بخاری، لغت چغتای ترکی عثمانی، استانبول، ۱۲۹۸*
²¹ *Л. З. Будагов*. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 131.

²² Книга моего дѣда Коркута. Огузский героический эпос. Перевод акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. М.—Л., 1962, стр. 112—114.

²³ *А. Н. Самойлович*. Указ. раб., стр. 144 и сл.

²⁴ *В. Беляев*. Очерки по истории народов СССР. М., 1962, стр. 138.

²⁵ *В. А. Гордлевский*. Избранные сочинения, т. III. М., 1962, стр. 265.

В. Минорский убедительно аргументирует точку зрения, согласно которой слово *ozan||uzan* имеет тюркское происхождение, а искусство узанов присуще тюркским народам²⁶. Пытаясь опровергнуть утверждение В. Минорского, В. А. Гордлевский не приводит столь же убедительных доводов: «Я продолжаю все-таки думать, — пишет он, — что институт озанов заимствован Сельджукидами от армян»²⁷.

Искусство каждого народа самобытно, оригинально, оно плоть от плоти народной. Однако это еще не означает, что тот или иной жанр народного творчества, отдельное художественное произведение или сюжет, стихотворная форма и размер и даже музыкальный инструмент и так далее не могут быть заимствованы одним народом у другого. Поэтическое творчество одного народа, переходя из уст в уста, неизбежно испытывает влияние других, соседних с ним. Поэтому не удивительно, что между искусством узанов и гусанов существует определенное сходство. Подобное сходство можно обнаружить и при сопоставлении творчества узанов с народным поэтическим искусством грузинских мествири, мыгосани, украинских кобзарей и певцов-сказителей других народов. Это вполне закономерно, ибо корни народной поэзии, её эпические традиции восходят к глубокой древности. Недаром творчество эпических певцов-сказителей почти у всех народов в основе своей синкретично. И это нисколько не противоречит тому, что поэтическое творчество каждого народа самобытно. Что же касается искусства озанов||узанов, то оно по всему своему содержанию и духу характерно именно для тюркоязычных народов, является продуктом их истории и культуры, и поэтому его возникновение не может быть объяснено чьим бы то ни было влиянием, в том числе и гусанов.

В. А. Гордлевский называет гусан «древнеармянским классом». Однако само слово *гусан* не армянское, а древнепехлевийское: так называлось одно из древнепехлевийских племен.

Исследованием становления и развития слова-термина *ozan||uzan* занимался и В. М. Жирмунский. Знакомство со взглядами А. Н. Самойловича, В. В. Бартольда, Ф. Кёпрюлю, как и собственные разыскания, утвердили В. М. Жирмунского в следующем мнении: *ozan||uzan* — эпический певец-сказитель у тюркоязычных народов, рассказывающий дастаны, поющий героические песни (бой), играющий на инструменте²⁸.

Азербайджанские ученые, изучавшие эпический памятник «Китаби деде Коркут» (М. Ариф, Г. Араслы, А. Демирчизаде, М. Тахмасиб, Э. Эльдарова и др.), также пришли к выводу, что слово *ozan||uzan* означало эпического певца-сказителя, аккомпанирующего себе на гопузе.

Сказания «Китаби деде Коркут», произведения Низами, Юниса Эмре (XIII—XIV вв.), туркменские пословицы и поговорки, словари Сулеймана Бухари, Л. З. Будагова, В. В. Радлова, изыскания ученых-тюркологов В. В. Бартольда, Ф. Кёпрюлю, А. Н. Самойловича, В. М. Жирмунского с достаточной убедительностью говорят о том, что слово *ozan||uzan* тюркского происхождения и означает эпического певца-сказителя, играющего на инструменте.

Ссылаясь на свидетельство многих исторических источников, Ф. Кёпрюлю отмечает, что в начале XIV в. в Анатолии имелись и озаны и гопузчи (играющие на гопузе)²⁹. Впоследствии слово *ozan||uzan* начи-

²⁶ V. Minor sky. The Seljuk State in Asia Minor, By V. Gordlevsky. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies». Vol. XI, 4. 1946, стр. 882.

²⁷ В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. I. М., 1960, стр. 193.

²⁸ В. М. Жирмунский. Огузский героический эпос и «Книга Коркута». Книга моего деда Коркута. М.—Л., 1962, стр. 148—149.

²⁹ Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 134—135.

нает приобретать новый оттенок. Все чаще оно употребляется уже в значении *болтун, пустомеля, краснобай*. Все эти семантические оттенки и в настоящее время можно обнаружить во многих тюркских языках. Л. З. Будагов³⁰ и В. В. Радлов³¹ в своих словарях при толковании слова *ozan*||*uzan* указывают и на эти оттенки: *болтун, крикун, много-словный* и т. д. Ф. Кёпрюлю, рассмотревший большое количество рукописей из многих турецких библиотек, пишет, что в произведении «Нефсул эмир-наме» Лати, в работах Эдир Нели Назми *ozan*||*uzan* употреблено в значении *болтун, пустомеля*³². Турецкие составители словарей отмечают, что это слово имеет такие значения, как «не закрывающий рта» (балаболка), «говорящий без остановки» и др.³³

В ленкоранском, агдамском, сальянском, кубинском, шемахинском, сабирабадском, ахсуинском и других диалектах и говорах азербайджанского языка слово *ozan*||*uzan* означает «много говорящий», «пустомеля»³⁴. Некоторые тюркские языки знают даже более уничижительные значения этого слова, например: *uzandau*, производное от *uzan* (*uzan*-*ı*-*dau*), означает «петь неприятным, режущим слух голосом»³⁵.

Почему же слово *ozan*||*uzan* приобрело со временем такое значение? Очевидно, присущий искусству озанов аскетизм и своеобразный догматизм, отречение от всего личного, непризнание ими светского искусства, отражающего жизнь во всех её проявлениях, — все это определило проницательное отношение народа к узанам и породило такого рода уничижительные характеристики. Весьма сходна с судьбой озанов историческая судьба варсагов и яншагов³⁶.

Первые попытки ученых установить этимологию и точное значение слова *ozan*||*uzan* относятся к XIX в. Однако его истинное значение начало проясняться много позднее благодаря работам В. В. Бартольда, Ф. Кёпрюлю, А. Н. Самойловича и других ученых-тюркологов, внесших большой вклад в изучение этого вопроса. Особо следует отметить работы в этой области Ф. Кёпрюлю³⁷.

Анализируя слово *ozan*||*uzan*, Ф. Кёпрюлю и А. Н. Самойлович выделяли в нем составные части *oz*||*uz* и *an*. Ф. Кёпрюлю в своей работе основывается на словаре Ибн Муханны, а А. Н. Самойлович — на словарях Махмуда Кашгари и В. В. Радлова. Ф. Кёпрюлю пишет: «*Ozan*, я думаю, от слова «*oztag*». В словаре Ибн Муханны слово это употребляется в значении «идти в авангарде», «пройти вперед», здесь же употреблены два слова, связанные с ним: *ozan* — одно из названий псов, идущих впереди своры; *ozus* — избавление, высвобождение. Отсюда видно, что *ozan* — производное от *oztag* и аналогичное по значению слову *ozan*: *oz*+*an*=*oz*+*an*. Выпадение *u* в начале и конце слова вообще характерно для языка огузов»³⁸. А. Н. Самойлович отмечает, что слово *ozan*||*uzan* у туркмен означает «скаковая лошадь»³⁹. Основываясь на

³⁰ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 131.

³¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. 2. СПб., 1893, стр. 1761.

³² Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 134—135.

³³ Tanıkların talebatı sözlüğü, II cilt. Ankara, 1953, стр. 741.

³⁴ Р. Э. Рүстөмов. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 257—265; Азербайжан дилини диалектологи лугати. Баку, 1964, стр. 345.

³⁵ Башкирско-русский словарь. М., 1958, стр. 411.

³⁶ Подробнее об этом см.: Мирзи Сейидов. «Варсаг» сөзү һаггында. — Эдобијат ва дил институтунун эсэрлери, VII чилд. Баку, 1954, стр. 175—185; есо же. «Варсаг... озан... ашыг». — «Гобустан» топлусу. Баку, 1970, № 1, стр. 41.

³⁷ Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 131—144.

³⁸ Там же, стр. 142.

³⁹ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 144.

материалах словарей Махмуда Кашгари, В. В. Радлова и некоторых других данных, А. Н. Самойлович полагает, что если корнем слова *ozan||uzan* является глагольная форма *oz*, то тогда *an* — морфологический признак отглагольного прилагательного⁴⁰.

Хотя оба ученых выделяют в слове *ozan||uzan* в качестве корня одну и ту же фонетическую частицу *oz||uz*, тем не менее Ф. Кёпрюлю переводит ее как «собака, идущая первой в упряжке», а А. Н. Самойлович — как «скаковая лошадь».

Ф. Кёпрюлю в другом месте указывает, что *uz* в тюркских языках означает «направляющий дело», и приводит пример: *Filan filan ile uzlaştı* 'тот с тем-то нашли взаимопонимание'⁴¹. К сожалению, эту мысль автор дальше не развивает.

Азербайджанский фольклорист М. Г. Тахмасиб, характеризуя в своей работе искусство озанов||узанов, высказывает свое мнение по поводу этимологии этого слова: «По нашему мнению, корнем слова-термина является «uz». *Uzan* же — глагол, происшедший от этого слова, и означает «производить», «увязывать», «гармонизировать», т. е. придумывать, сочинять, творить. Слово «uz» как самостоятельное слово живет и в настоящее время в нашем языке в пословицах: *az olsun uz olsun* 'лучше мало, да лучше'. Широко распространены такие дериваты, как *uzlaşan*, *uzlaşdyran*, *uzlaşmag*, *uzlaşdyylan* 'увязывать', 'увязываемый', 'гармонизирующий' и т. д. Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что *uzan* в свое время означало поэта, владеющего умением творчески соединять строку со строкой, строфу со строфой, рифму с рифмой, поэзию с музыкой; эпического певца-сказителя, слагателя дастанов, владеющего искусством художественной связи, умеющего объединить сюжет с сюжетом, эпизод с эпизодом, историю с историей; художника-творца, мастера, владеющего даром художественного сочетания музыки, поэзии, танца и т. д.»⁴².

Выводы Ф. Кёпрюлю и А. Н. Самойловича о значении *oz||uz* — первой составной части сложного слова-термина *ozan||uzan* — мы считаем более аргументированными. Вместе с тем при изучении древнетюркских памятников обнаруживается, что *oz||uz*, как и производные от него слова, означают не только «скаковую лошадь» и «собаку, идущую первой в упряжке». Обратимся к первоисточникам:

В 47-й строке памятника Кюль-тегина мы встречаем слово *oz*⁴³. С. Е. Малов переводит его как «опережать»⁴⁴, а выражение *oza kälmiç* переводится им как «пришедшее раньше»⁴⁵.

В 51-й строке Наманганской рукописи «Кутадгу билиг» *oz||oz* употребляется в значении «прийти раньше», «опередить»⁴⁶.

В 31-й строке памятника Могильян-хану слово *oz||uz* также употреблено в смысле «опережать»: *Оза јана кәлігмә сүсін аұйт(т)ым*⁴⁷. В переводе С. Е. Малова: «Войско [врага], которое начало нас обходить и побеждать, я прогнал»⁴⁸.

⁴⁰ А. Н. Самойлович. Указ. раб., стр. 144.

⁴¹ *Fuad Köprülü*. Указ. раб., стр. 144.

⁴² М. Г. Тахмасиб. Уч истилаһ. — «Әдәбијјат газети», 14 феврал, 1959 ил.

⁴³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 33.

⁴⁴ Там же, стр. 405.

⁴⁵ Там же, стр. 42.

⁴⁶ Там же, стр. 178.

⁴⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 17.

⁴⁸ Там же, стр. 21.

Махмуд Кашгари в своем словаре также переводит *oz||uz* как «обойти», «обогнать»: *anin atı ozdī*⁴⁹ 'его конь обошел, прошел вперед'. В Наманганской рукописи «Кутадгу билиг» также встречается слово *oz*: *Qedin qalmasa er ja oñdün ozur*⁵⁰ 'Богатырям, мужам не пристало отставать и уходить вперед'.

В древнетюркских языках имеются производные слова от корня *oz*. Например: *ozuq at*⁵¹ 'лошадь, обгоняющая других лошадей', *ozuṣ — ol mepiñ birlä at ozuṣdı*⁵² 'Он состязался со мной в скачке на лошадях'. «Корень «*oz*» во многих современных тюркских языках сохранил свое первоначальное значение, либо существует с некоторыми изменениями. Например: в языке киргизов и некоторых других тюркоязычных народов «*oz*» означает «обойти», «идти вперед», «опередить»⁵³. Киргизы говорят: атым *bäigägän ozun kelgi*⁵⁴ 'Моя лошадь в скачках обогнала всех'.

В башкирском языке есть слова, производные от корня *oz||uz*: *uzaṣ (uz + aṣ)*, что означает «соревноваться в беге»⁵⁵.

Приведенные примеры из древних тюркоязычных памятников и современных тюркских языков свидетельствуют о том, что слово *oz||uz* сугубо тюркского происхождения, употребляется в значении «делать», «превзойти в состязании», «опередить», «оставить позади», «прийти первым» — по отношению к человеку. М. Г. Тахмасиб, как и Ф. Кёпрюлю, полагает, что слова типа *uzlaṣdyran, uzlaṣdyrylan* в современных тюркских языках являются производными от древнего *oz||uz* — первой составной части слова-термина «озан||узан». Однако Ф. Кёпрюлю категорически этого не утверждает, тогда как для М. Г. Тахмасиба эта точка зрения является исходной. Он считает слова *uzlaṣdyran, uzlaṣdyrylan, uzlaṣ-şag*, встречающиеся в азербайджанских пословицах (*az olsun, uz olsun*), производными от слова *uz*⁵⁶. Отметим, что в приведенной пословице слово *uz* употреблено в значении, отличном от *uzan*. Оно означает здесь «хороший», «качественный». Таким образом, слово *uz*, кроме уже перечисленных значений, имеет и такие смысловые оттенки, как «хороший», «доброжелательный»⁵⁷. Пословицу, на которую ссылается М. Г. Тахмасиб, Л. З. Будагов встретил у сибирских татар и включил ее в свой словарь, изданный в 1869 г. В словаре приводится слово *өзь* (тур.) и его фонетический эквивалент *us* (в произношении сибирских татар), переведенные на русский язык как «хороший»: *از اولسون اوز اولسون*: 'пусть будет мало, да хорошо'⁵⁸ (Сиб. тат.) *اس پولوب اوس پولزن*⁵⁹.

Во многих современных тюркских языках, в том числе в турецком⁶⁰ и уйгурском⁶¹, слово *uz* часто употребляется в значении «хороший».

Автор этих строк при исследовании этимологии слова *ozan||uzan*, независимо от других исследователей, обратил внимание на следующее: в некоторых древних памятниках *oz||uz* имеет значение «мастер», «искусный», «художество». Это значение слова *uz* встречается в известной Ка-

⁴⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 375.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, стр. 184.

⁵³ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. 2. СПб., 1893, стр. 11-43.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Башкиреко-русский словарь. М., 1950, стр. 569.

⁵⁶ М. Г. Тахмасиб. Указ. статья.

⁵⁷ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 129.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Турецко-татарский словарь. М., 1945, стр. 642.

⁶¹ Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961, стр. 202.

ирской рукошени «Кутадгу билиг». В другом памятнике из переведено С. Е. Маловым как «искусный»: Уз bilgä Чаңшы Уз...⁶² 'Искусный и мудрый Чаңшы, искусный...' Махмуд Кашгари в своем словаре переводит уз как «искусный», «мастер» и приводит пример: eg uzlandi⁶³ 'человек стал искусным мастером'. Слово уз в значении «искусный» встречается в уйгурской⁶⁴ версии «Огузнаме» и в словаре Абу-Хаййана⁶⁵.

В некоторых словарях уз толкуется не только как «мастер», «искусный», но и как «соразмерный», «соответственный», «подходящий» и т. д.

Во многих тюркских языках уз в сочетании с тем или другим словом приобрело различные смысловые оттенки, например: уз dilli⁶⁶ означает «прекрасный, слагающий верные слова».

В другом памятнике уз употреблено в значении «умелый», «сильный»⁶⁷.

Quatremere встречает слово uzap (اوزان) в «Câmi'üt-Tevâgîh». Ф. Кёпрюлю⁶⁸ считает, что uzap в данном памятнике употреблено во множественном числе. По мнению исследователя, уз переводится здесь как «мастер», «искусный». Quatremere приводит следующие примеры из произведения Рашид-ад-дина:

اوزان بسيار از كانكر و تير تراش...

'Многие узы занимались сооружением «кэнканов» (подземный канал для воды. — М. С.) и изготовлением стрел';

اوزان كه زين و لجام مى ساختند⁶⁹

'Узы выделывают уздечки и стремена'.

Слово ozap||uzap в значении «искусный», «умелый» употреблено в «Истории Агван» Моисея Каланкатуёвского (VII в.). В памятнике использованы многие тюркские слова, среди которых встречаются и гунские слова-имена тюркского происхождения: Авчи, Тангрыхан, Гуар и др.⁷⁰ Употребление ozap||uzap и других тюркских слов в памятнике VII в. свидетельствует о том, что уже в тот период тюркская лексика проникала в языки нетюркоязычных народов, населявших Кавказ, благодаря их контактам с тюркоязычным населением этой территории. Агванский историк, говоря о героических подвигах полководца Хосрова-Парвиза (590—628) Хорьяма, также употребляет слово ozap||uzap:

'Видя, что удаются ему (Хосрову-Парвизу. — М. С.) военные действия, предпринятые им против императора греческого, чрез полководца своего, которого прежде назначил против запада, и которого настоящее имя было Хорьям, он за его умение устранивать и устремлять войска, и за одержанные победы с персидскою хитростью, назвал его разными пышными

⁶² С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М., 1952, стр. 60—61.

⁶³ Divanü Lugat-it-türk, tercümesi, I cilt, ceviren Besim Atalay. Ankara, 1939, стр. 297.

⁶⁴ А. М. Щербак. Огузнаме. М., 1959, стр. 56.

⁶⁵ Abû-Hayyan. Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931, стр. 113.

⁶⁶ Tanıklarıyle tarama sözlüğü. I. Istanbul, 1943, стр. 738.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Fuad Köprülü. Указ. раб., стр. 143.

⁶⁹ M. Quatremere. Histoire der Mongols de la Perse. Paris, 1836, стр. 309.

⁷⁰ См.: М. Сеидов. Некоторые заметки о гунско-азербайджанских мифологических связях. — В сб.: «Вопросы азербайджанского языкознания». Баку, 1967, стр. 205—216; его же. Заметки о гунской мифологии. — Журн. «Советская тюркология», 1970, № 2.

именами, то *Разми-Озан* (*Րազմի-Օզան* — М. С.), то *Шах-Вараз*⁷¹.

Из этого отрывка можно заключить, что Хосров-Парвиз II называет своего полководца Хорьяма «Розми-Озан» за его военное искусство в бою.

По мнению К. Патканяна, *розм* (*رزم*) по пехлевийски, а также в древнеармянском и современном армянском языках означало «война», «битва». *Озан* же *اوزان* им переводится как «мастер», «искусный», «делать», «умелый»⁷². В таком случае *Розми-Озан* переводится как «умелый, искусный воин», или как «искусный полководец».

Во многих толковых словарях XIX—XX вв. приводятся древние и современные значения слова *uz*. Автор XIII в. Ибн Муханна переводит его как «искусный», «умелый»⁷³.

Л. З. Будагов переводит *oz||uz* как «искусный», «способный», «талантливый, обладающий искусством»⁷⁴. Шейх Сулейман Эфенди Бухари приводит такие значения слова *اوز* — «uz», как «искусный», «познавший»⁷⁵. На древнеуйгурском языке «uz» означает «мастер», «искусный»⁷⁶. Во многих тюркских языках *uz* и производные от него слова сохранили свое древнее значение или же приобрели новые смысловые оттенки, близкие к первоначальному. В хакасском языке *uz* (*uzapay*) означает «заниматься каким-либо ремеслом», «владеть какой-либо профессией»⁷⁷. В древнетюркских языках и памятниках *uz* часто употребляется в значении «художество», «художественный». Так, например, в памятнике Могилян-хана (683—735) встречается выражение *bādizig uzuy*⁷⁸, которое С. Е. Малов переводит как «художества»⁷⁹. В некоторых памятниках, например в «Истории пророков» Рабгузи (XIV в.), «uz» *اوز* употреблено в значении «петь песню» и даже «сочинять музыку»:

أوی قوباردوم اوزوم اوزدوم سوزنی توزدم توتلهمین⁸⁰

‘Я возвысил мысль (вознесся мыслью). Я сам запел песню и называл слова по ночам’⁸¹.

Не менее интересно другое значение слова *اوز* *uz*. Шейх Сулейман Эфенди Бухари пишет, что *uz* — название тюркоязычного племени:

⁷¹ *Мовсес Каганкатвацци*. История агван. СПб., 1861 (перевод К. Патканяна), стр. 99. *Մովսէս Կաղանկատաւացոյ Պատմութիւն Աղուանից աշխարհի*, Մոսկվա, 1860, էջ 109:

⁷² *Мовсес Каганкатвацци*. История агван, стр. 99.

⁷³ См.: М. П. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. 74.

⁷⁴ Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 129.

⁷⁵ *شیخ سلیمان افندی بخاری لغت چغتای وترکی عثمانی استانبول*. ۱۲۹۸

⁷⁶ Д. М. Насилов. Древнеуйгурский язык. М., 1963, стр. 12.

⁷⁷ Хакасско-русский словарь. Составители: Н. А. Баскаков и А. П. Никижеского-Грекул. М., 1953, стр. 247

⁷⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. стр. 19.

⁷⁹ Там же, стр. 24.

⁸⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 330.

⁸¹ Там же, стр. 339.

اوز... طوائفی اتراکدن بر قبيله اسمیدر⁸²

‘«uz»... — название одного из тюркоязычных племен’.

Многочисленные примеры из древнетюркских памятников, древних и современных словарей показывают, что *oz||uz* имеет несколько дополнительных значений: «хороший», «искусный», «мастер», «сочинять», «петь песни». Эти значения связаны с первой составной частью сложного слова *uzan* (*uz+an*).

Ф. Кёпрылю, А. Н. Самойлович, М. Г. Тахмасиб и другие ученые, исследовавшие также значение частицы *an* — второй составной части сложного слова *uz+an* — усматривают в ней аффикс отглагольного прилагательного.

По нашему мнению, *an||än* — не аффикс, а самостоятельное слово. В некоторых тюркских языках, в том числе в казахском, *än||an* означает «песня»⁸³. Казахи своих народных певцов называют «энші»⁸⁴ (*ән+ші*)⁸⁵.

Таким образом, изучение этимологии слова-термина *ozan||uzan* позволяет сделать следующий вывод.

Ozan||uzan означает «состязающийся в пении» или «побеждающий в состязании певцов». Такое толкование органически вытекает из самой природы искусства озанов, с его профессионализмом и присущим ему духом соревнования.

Значение слова-термина *ozan||uzan* в процессе многовекового развития самого искусства откристаллизовывалось, расширялось и обогащалось содержанием, приобретая все больший семантический диапазон.

В этой связи небезынтересно отметить, что традиционное облачение озанов||узанов (накидка из козляной шкуры, которую они набрасывали на плечи) называлось «узан»⁸⁶.

Как видим, слово *ozan||uzan* весьма многозначно и имеет различные семантические оттенки в азербайджанском, турецком, башкирском, туркменском и других тюркских языках. Однако в основном своем значении во всех тюркских языках оно имеет непосредственную связь с народным искусством певцов-сказителей.

⁸² شیخ سلیمان افندی بخاری لغت چغتای و ترکی عثمانی: استانبول ۱۲۹۸

⁸³ Русско-казахский словарь. М., 1954, стр. 522.

⁸⁴ Там же, стр. 501.

⁸⁵ «Энші||аншы» — производное слово от *än||an* ‘песня’ и словообразующей частицы «ші» (в современном азербайджанском языке аффикс этот употребляется в фонетической форме «чы», «чи»: «папагчы» ‘шапочник’, «дэмирчи» ‘кузнец’ и т. д.).

⁸⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 1, ч. 2. СПб., 1893, стр. 1758. Сама одежда и ее название не случайны. Здесь, несомненно, можно проследить связь с древнетюркскими верованиями и с более поздним дервишизмом. Вопрос этот требует специального изучения и не может подробно рассматриваться в данной статье.

Ю. САИДОВ

ФОРМЫ ГЛАГОЛА, ВЫРАЖАЮЩИЕ НЕРЕАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие нереальности в грамматике относится к области наклонений. В тюркских языках, в том числе и в современном узбекском языке, вопрос о средствах выражения нереального действия в морфологическом аспекте всесторонне не исследовался. В синтаксическом аспекте способы выражения нереальности получили отражение в ряде работ. В этих работах высказывается мнение о том, что в некоторых тюркских языках, в том числе и в узбекском, существует нереальный тип условного периода¹, называемый иногда сложноподчиненным (союзным) предложением с придаточным условно-сослагательным² или сослагательным предложением³. В современном узбекском языке условный период, имеющий формы условного наклонения или причастия прошедшего времени с окончанием местного падежа в виде *-ganda (edi)* в придаточном предложении и форму *-(a)r edi* в главном, относится к нереальному типу.

Указанные морфологические средства выражают значение действия, не представляемого как факт, и в силу этого участвуют в синтаксических конструкциях нереального содержания, что объясняется взаимообусловленностью функционирования этих форм и указанной синтаксической конструкции. Причастное образование — *-ganda (edi)* выступает как синоним условного наклонения и приобретает нереальное значение только в паре с формой *-(a)r edi*:

Tilini bilganimda ўқир эдим шуларни...⁴

Tilini bilganimda ўқир edim şularni...

‘Если бы я понимал, я бы читал все это’.

Самостоятельного употребления и парадигматического значения нереальности данное причастное образование не имеет.

Парадигматическое значение нереальности закреплено за формами условного наклонения и образованием *-(a)r edi*. Однако в отношении

¹ А. Г. Азизова. Условный период в современном узбекском языке. Канд. дисс. Л., 1952, стр. 10.

² Н. А. Баскаков. Сложное предложение в каракалпакском языке. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. III. Синтаксис. М., 1961, стр. 225.

³ А. А. Юлдашев. Сложные предложения с придаточными условными в башкирском языке. — В сб.: «Исследования по синтаксису тюркских языков». М., 1962, стр. 34.

⁴ А. Мухтор. Давр менинг такдирида. Тошкент, 1964, стр. 15.

4 Советская тюркология, № 1

выражения нереальности не все указанные формы идентичны. Даже внутри системы форм условного наклонения происходит некоторая дифференциация по связи с узким модальным значением нереальности. Показатель условного наклонения *-sa* включает в себя разнообразные значения, с одной стороны, доходящие до нереальности сообщения, а с другой — и до значения изъявительного наклонения. Значение нереальности форма *-sa* приобретает только благодаря контексту. Здесь важную роль играет лексический состав предложений или форма *-(a)r edi*, употребляемая в паре с формой *-sa* в главном предложении нереального условного периода, например:

Onasi ŷša kuni «kani endi hozir dadang bŷlsa» deb ŷiŷlagan...⁵

Onasi ŷša k'uni «kani endi hozir dadang bŷlsa» deb jŷylagan...

‘Мать в тот день плакала и говорила: «Был бы сейчас рядом твой отец»’.

Men bŷlmasam kŷŷŷingning jarmi ŷŷkolar edi⁶.

Men bŷlmasam kŷjŷingning jarmi jŷkolar edi.

‘Если бы меня не было, половины твоих овец не стало бы’.

В паре с формами прошедшего времени индикатива форма *-sa* выражает реальное действие:

Etokka kajtib k'ajtib kelisa, jigitlar har jokka ekka ketib k'oliŷibdi⁷.

Jotokka kajtib k'elsa, jigitlar har jokka k'etib k'oliŷibdi.

‘Когда он вернулся в общежитие, оказалось, что парни уже ушли’.

При отсутствии вышеуказанных факторов форма *-sa* приобретает потенциальное значение и может охватить оттенки просьбы, совета, желания, приказа, предположения и др.; например:

Jakin kunlarda meni Xirotga jŷnatsalar...⁸

Jakin k'unlarda meni Xirotga zŷnatsalar...

‘Послали бы Вы меня в Хирот в ближайшие дни...’

Kasal bŷlib k'olsam, nima bŷladi?⁹

K'asal bŷlib k'olsam, nima bŷladi?

‘Если я заболелю, что будет?’

Для выражения узкого модального значения нереальности привлекается недостаточный глагол *edi*, образующий с морфемой *-sa* аналитическую форму условного наклонения.

Значение формы *-sa edi* всегда нереальное. Нереальность в данном случае является абсолютной, заключающейся в самой форме и не ставится в зависимость от окружающего контекста, например:

⁵ А. Мухтор. Опа-сингиллар. Тошкент, 1955, стр. 148.

⁶ F. Фулом. Шум бола ва бошқа повестлар, хикоялар. Тошкент, 1964, стр. 80.

⁷ С. Ахмад. Хазина. Хикоялар. Тошкент, 1963, стр. 127.

⁸ Ойбек. Навоий. Тошкент, 1963, стр. 298.

⁹ А. Каххор. Кўшчинор чироглари. Танланган асарлар, III том. Тошкент, 1956, стр. 55.

К₁ушик куйлагани учун пичок₁ланган Турсуной, Нурхонлар х₁озир булсайди¹⁰.

Ku₁şik k'ujlagani u₁çun piçoklangan Tursunoj, Nurxonlar hozir bulsaidi.

‘Были бы сейчас живы Турсуной, Нурхон, убитые за то, что не пели’.

Форма *-sa edi* отличается от морфемы *-sa* специфической дистрибутивной характеристикой, вытекающей из ее модального значения нереальности, и сочетается в сложных предложениях только с формой *-(a)r edi*, имеющей также нереальное значение. С формами изъявительного наклонения она никогда не сочетается.

Мана бу даст панжада Миракнинг х₁унари булса эди, бу ерларга унинг к₁адамини бостирмас эдим!¹¹

Mana bu dast panzada Mirak'ning hunari bulsa edi, bu yerlarga uning kadamini bostirmas edim!

‘Если бы эта рука обладала искусством Мирака, я бы не позволил ему ступить сюда ногой’.

Во многих работах по тюркским языкам, в том числе и по узбекскому языку, форма *-sa edi* трактуется как прошедшее время условного наклонения¹².

Однако факты современного узбекского языка показывают, что во временном отношении формы условного наклонения как с глаголом *edi*, так и без него не содержат в себе указания на определенное время. Таким образом, недостаточный глагол *edi* в системе условного наклонения употребляется не для дифференциации временных отношений. В зависимости от общего содержания контекста действие, выражаемое формами *-sa* и *-sa edi*, может быть отнесено в план любого времени. Обратимся к примерам.

Действие отнесено в план будущего:

Тезрок₁, тезрок₁ к₁узим очилса¹³.

Tezrok, tezrok k'uzim oçilsa.

‘Скорее, скорее открылись бы глаза мои’.

Тезрок₁ урнимдан турак₁олсам эди...¹⁴

Tezrok urnimdan turakolsam edi...

‘Если бы только я скорее выздоровела...’

¹⁰ Журн. «Гулистон», 1967, № 3.

¹¹ Ойбек. Навоий. Тошкент, 1963, стр. 207.

¹² Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 168; *его же*. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 407; А. П. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 244; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 233; П. Н. Кузнецов. Условное наклонение в тюркском языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 155.

¹³ С. Ахмад. Хазина. Хикоялар. Тошкент, 1963, стр. 40.

¹⁴ А. Мухтор. Опа-сингиллар. Тошкент, 1955, стр. 186.

Действие отнесено к временной плоскости настоящего:

*Кошки уни унитмок, мумкин бўлса!*¹⁵

K'ošk'i uni unitmok mumk'in бўлса!

'Если бы можно было ее забыть!'

*Ох, юрагимда канча дард борлигини билсангиз эди...*¹⁶

Oh, juragimda kanča dard borligini bilsangiz. edi...

'Ах, если бы только знали, сколько горя у меня на душе...'

Действие отнесено в план прошлого:

*Бултур кузакда... орага мен тушмасам, оломон сени ўлдириб кетар эди!*¹⁷

Bultur k'uzak'da... oraga men tušmasam, olomon seni ўldirib k'etar edi.

'Прошлой осенью... если бы я не вмешался, толпа растерзала бы тебя'.

*Ешлигингда ўлиб кетсанг эди, бундай гапларни эшитмаган булардим!*¹⁸

Jošligingda ўlib k'etsang edi, bundaj gaplarni ešitmagan бўлардим.

'Если бы ты умерла в детстве, таких разговоров о тебе я не слышала бы'.

Как видно из примеров, во временном отношении форма *-sa edi* не противопоставляется форме *-sa*, она употребляется параллельно с последней, образуя микросистему внутри системы условного наклонения.

Правомерность выделения микросистемы в условном наклонении с недостаточным глаголом *edi* подтверждается тем, что для конкретизации временных отношений, выражаемых в обобщенном виде формами *-sa* и *-sa edi*, в тюркских языках выработан ряд перифрастических форм, именуемых то описательными условными формами¹⁹, то формами условной модальности²⁰, которые употребляются для выражения одного конкретного времени вне зависимости от контекста.

Перифрастические формы условного наклонения могут быть образованы как с глаголом *edi*, так и без него, и, в данном случае, временное отношение перифрастических форм, имеющих в своем составе недостаточный глагол *edi*, к формам, его не имеющим, то же, что и отношение формы *-sa edi* к морфеме *-sa*.

Из перифрастических условных форм основными и наиболее употребительными в современном узбекском языке являются формы *-gan бўлса (edi)*, *-jotgan бўлса (edi)*²¹ и *-digan бўлса (edi)*.

¹⁵ Ойбек. Навоий. Тошкент, 1963, стр. 122.

¹⁶ Уйғун. Хуррият. Пьесалар. Тошкент, 1962, стр. 15.

¹⁷ Ф. Фулом. Шум бола ва бошқа повестлар. Хикоялар. Тошкент, 1964, стр. 31.

¹⁸ Ойбек. Кутлуг қон. Тошкент, 1950, стр. 168.

¹⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 169; *его же*. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 407.

²⁰ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 234.

²¹ Там же.

Перифрастическая условная форма, образованная с помощью части прошедшего времени *-gan bũlsa (edi)*, призвана выражать только прошедшее время:

*Кошки курортга бормаган бũлсам!*²²
K'ošk'i k'urortga bormagan bũsam!
 'Лучше бы я не ездила на курорт'.

*Мирзо Ёдгорнинг ярк'ираган кунини бирдан булут боси-
 шини х1аёлга келтирган бũлса эди!*²³

*Mirzo Jodgorning jarkiragan k'unini birdan bulut bosišin
 hajolga k'eltirgan bũlsa edi!*

'Если бы только он представил себе, что дни Мирзо Ёдгора уже сочтены!'

Перифрастические формы *-jotgan bũlsa* и *-digan bũlsa* выражают, соответственно, настоящее конкретное и настоящее-будущее время:

*Дутор эшитгингиз келаетган бũлса, бакка юринг!*²⁴

Dutor ešitgingiz k'elajotgan bũlsa, bakka juring!

'Если у Вас есть желание послушать дутор, идемте сюда!'

*К1урк1манг, х1еч кимга айтмайман. Айтадиган бũлсам ўн
 саккиз йилдан бери айтар эдим!*²⁵

*Kũrkmanг, heč k'imга ajtmajman. Ajtadigan bũsam ўn
 sak'k'iz jildan beri ajtar edim.*

'Не бойтесь, никому не скажу, если бы я хотела говорить, говорила бы за восемнадцать лет'.

Как видно, перифрастические формы условного наклонения, объединяясь с формами *-sa* и *-sa edi* общим категориальным значением, отличаются от них временным охватом. Одноплановое временное содержание перифрастических форм, присущее только определенной из них, противопоставляется многоплановому временному значению форм *-sa* и *-sa edi*.

Из сказанного следует, что каждый временной план в системе условного наклонения может быть выражен либо простой, либо перифрастической формой с прибавлением недостаточного глагола или без него в зависимости от степени нереальности.

Это можно проиллюстрировать таблицей:

Формы без глагола edi	В р е м я			Формы с глаголом edi
	настоящее	будущее	прошедшее	
-sa	+	+	+	-sa edi
-gan bũlsa	-	-	+	-gan bũlsa edi
-digan bũlsa	+	+	-	-digan bũlsa edi
-jotgan bũlsa	+	-	-	-jotgan bũlsa edi

²² Уйгун. Парвона. — Журн. «Шарк1 юлдузи», 1967, № 2, стр. 44.

²³ Ойбек. Навоий. Тошкент, 1963, стр. 94.

²⁴ С. Лх1мад. Хазина. Х1нкоялар. Тошкент, 1963, стр. 77.

²⁵ Уйгун. Х1уррият. Пьесалар. Тошкент, 1962, стр. 14.

Как видно из таблицы, с введением в систему условного наклонения перифрастических форм происходит сужение их функций во временном отношении.

Сужение происходит также и в модальном отношении, но распространяется оно только на формы без глагола *edi*. Это связано с тем, что перифрастические формы не имеют значения реальности действия, присущего форме *-sa*, их значения всегда сопряжены с проблематичностью.

В системе с недостаточным глаголом *edi* сужение происходит только во временном отношении. В модальном отношении форма *-sa edi* не допускает сужения, так как она сама выступает с узкой модальной семьей, не позволяющей дальнейшей дифференциации.

Перифрастические формы употребляются с целью конкретизации временных отношений, поэтому их удельный вес в речи невелик. Иногда их могут заменять неперифрастические формы с более общим временным значением.

		кол-во стр.	-sa	-gan bulsā	-jotgan bulsā	-digan bulsā	-sa edi
1	А. Мухтор. Д. м. м. ²⁶	367	495	36	6	7	30
2	Ф. Фулом. Ш. б. ²⁷	255	262	28	3	4	7
3	Уйғун. Х ₁ уррият. ²⁸	276	279	9	3	9	2
4	С. Ах ₁ мад. Хазина. ²⁹	343	182	11	5	7	3

Как видно из таблицы, специализированная форма нереальности *-sa edi* также встречается гораздо реже, чем форма *-sa*. Это происходит вследствие узкого модального значения формы *-sa edi*, которое очень часто может быть выражено и формой *-sa* в сочетании с лексическими единицами *kani endi*, *k'osk'i (edi)* или же формой *-(a)r edi*.

Перифрастические формы с недостаточным глаголом *edi* употребляются еще реже. Фактически встречается только перифрастическая форма, образованная от причастия прошедшего времени — *-gan bulsa edi*.

Это объясняется редкостью ситуаций, требующих употребления форм нереальности с дифференцированным временным значением. Поскольку в системе форм нереальности наблюдается отвлеченность от конкретного временного плана, некоторые временные уточнения не всегда могут быть соблюдены, и время действия может быть представлено в наиболее обобщенном виде.

Таким образом, в выражении нереального действия может участвовать вся система условного наклонения, при различном отношении ее компонентов к этому грамматическому значению. Показатель условного наклонения *-sa* может быть применен для выражения как нереальных, так и реальных отношений с действительностью. Такое же свойство присуще всей системе форм условного наклонения без недостаточного глагола *edi*, включая и перифрастические формы. В системе условного наклонения выделяется особая микросистема с недостаточным глаголом *edi*, которая для дифференциации временных отношений образует свои перифрастиче-

²⁶ А. Мухтор. Давр менинг мак₁диримда. Тошкент, 1964.

²⁷ Ф. Фулом. Шум бола ва бош₁а повестлар. Х₁икоялар. Тошкент, 1964.

²⁸ Уйғун. Х₁уррият. Пьесалар. Тошкент, 1962.

²⁹ С. Ах₁мад. Хазина. Х₁икоялар. Тошкент, 1963.

ские формы, подобно системе без недостаточного глагола, и в результате узкого модального значения нереальности приобретает особые дистрибутивные признаки, проявляющиеся в возможности сочетания в главном предложении только с формой *-(a)r edi*.

Форма *-(a)r edi*, выступающая в главном предложении нереального условного периода, в паре с нереальной условной формой *-sa edi* во многих трудах рассматривается как проявление одного из значений неопределенного имперфекта³⁰.

Употребленная в нереальном значении эта форма приобретает специфические признаки, отличающие ее от прошедшего времени индикатива. В данном случае форма *-(a)r edi* отрывается от временной основы прошедшего действия и закрепляется для выражения нереального действия обобщенновременного содержания. В установлении отношения нереального действия, выражаемого формой *-(a)r edi* к тому или иному времени, ведущую роль играет контекст. В зависимости от времени ближайшего глагола или отдельных лексических единиц форма *-(a)r edi* может отнести действие в план любого времени, например:

1. Действие глагола в форме *-(a)r edi* относится к прошедшему времени:

— *Ўша асалнинг пулига анор х₁ам берар эди.*

— *Берар эди! — деди Туробжон зах₁арханда к₁илиб — Анор олмай асал олдим!*³¹

— *Ūša asalning puliga anor ham berar edi.*

— *Berar edi! — dedi Turobjon zaharxanda kilib. — Anor olmaj asal oldim!*

‘— На деньги, что Вы мед купили, дали бы гранаты.

— Дали бы! — сказал Туробжон с насмешкой. — А я не купил гранаты, купил мед!’

2. Действие глагола в форме *-(a)r edi* относится к настоящему времени:

— *Мана у х₁алок бўлгандан буён далага чик₁к₁аним йук₁... Х₁озир сиздек буларди*³².

— *Mana u halok' bulgandan bujon dalaga cikkanim juk... Hozir sizdek' bulardi.*

‘С тех пор как он погиб, я не вышел в поле... сейчас он был бы как Вы’.

3. Действие может быть перенесено контекстом в план будущего времени:

³⁰ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 151; *его же*. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 308; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 239; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 226; Е. Д. Поливанов. Краткая грамматика узбекского языка. М., 1926, стр. 47; В. В. Решетов. Основы фонетики и грамматики узбекского языка. Ташкент, 1965, стр. 151; А. Х. Сулейманов. Категория глаголов прошедшего времени в современном узбекском литературном языке. Канд. дисс. Самарканд, 1949, стр. 107; У. Турсунов, Ж. Мухторов. Х₁озирги замон узбек тили. Морфология. Самарканд, 1960, стр. 113; Х₁озирги узбек адабий тили, I—к₁исм (коллектив). Тошкент, 1966, стр. 291.

³¹ А. Қ₁ах₁ор. Повесть ва х₁икоялар. Тошкент, 1965, стр. 13.

³² А. Мухтор. Давр менинг такдиримда. Тошкент, 1964, стр. 242.

*Ток₁к₁ами, даштгами кетмай.мизми? Нима дейсан? Бегалвагина юрардик-да?*³³

Tokkami, daštgami k'etmajmizmi? Nima dejsan? Beǵalvagina jurardik'-da?

‘Не пойдём ли в горы или в степь? Что ты на это скажешь? Жили бы без забот’.

Из примеров видно, что в нереальном значении форма *-(a)r edi* не противопоставляется формам настоящего и будущего времени изъявительного наклонения во временном отношении, что присуще неопределённому имперфекту.

Кроме того, в нереальном значении у формы *-(a)r edi* теряется и видовой оттенок процессуальности действия, являющийся одним из отличительных признаков неопределённого имперфекта. В данном случае действие представляется как непроцессуальное, кратковременное; сравните:

Реальное действие:

*Харитонов бўлса ётган жойида х₁ам юрганида х₁ам капитанини гапирарди*³⁴.

Haritonov бўlса jotgan zojida ham jurganida ham k'apitanini gapirardi.

‘А Харитонов все говорил о своём капитане, и когда он лежал, и когда он ходил’.

Нереальное действие:

*Жавобдан к₁ўрк₁адиган бўлсам гапирмас эдим*³⁵.

Ʒavobdan kўrkadigan бўlсам gapirmas edim.

‘Если бы боялся ответа, я бы не сказал’.

Таким образом, в нереальном значении форма *-(a)r edi* теряет все черты, свойственные неопределённому имперфекту индикатива. Этот факт свидетельствует о том, что *-(a)r edi* в нереальном значении, исключая оппозицию по времени, приобретает новое качество, в связи с чем встает вопрос: не является ли эта форма особой категориальной формой глагола, омонимичной с неопределённым имперфектом.

В современном узбекском языке форма *-(a)r edi* превратилась в универсальное морфологическое средство выражения нереального действия, не имеющее дистрибутивных ограничений в употреблении. Сфера применения данной формы не лимитирована главным предложением нереального условного периода, а ограничивается только своим грамматическим значением и выступает везде, где необходимо выражение нереального действия, присущего этой форме. Форма *-(a)r edi*, в отличие от форм условного наклонения, выражает обусловленную нереальность действия, которая изображается в виде нереального следствия. Факторы, обуславливающие нереальное действие формы *-(a)r edi*, могут быть выражены либо эксплицитно в виде условного придаточного предложения, либо имплицитно в виде самостоятельных предложений или иногда отдельных членов предложения:

*Юрт учун х₁атто навкарликни х₁ам ифтих₁ор билан бўйнимга олар эдим*³⁶.

³³ *Ойбек*. Болалик. Тошкент, 1963, стр. 182.

³⁴ *А. Мухтор*. Давр менинг такдиримда. Тошкент, 1964, стр. 45.

³⁵ *Уйғун*. Хуррият. Пьесалар. Тошкент, 1962, стр. 249.

³⁶ *Ойбек*. Навоий. Тошкент, 1963, стр. 113.

Jurt u $\check{c}$ un hatto navk'arlik'ni ham iftihor bilan bujninga olar edim.

'Ради отечества я с гордостью согласился бы даже на солдатский чин'.

*Biz oldidan $\check{c}$ ik₁mas edig-u, tramvaj teskari turibdi-da*³⁷.

Biz oldidan $\check{c}$ ikmas edig-u, tramvaj tesk'ari turibdi-da.

'Мы-то не зашли бы спереди, это трамвай задом наперед стоит'.

В указанных примерах подчеркнутые предложения или члены предложения имплицитно указывают на факторы, обуславливающие употребление формы *-(a)r edi* в нереальном значении.

Приведенные факты дают основание полагать, что в синхронном плане наличествующие два противоположных значения в форме *-(a)r edi* приходят друг с другом в столкновение, в результате от формы неопределенного имперфекта отпочковывается омонимичная грамматическая форма³⁸.

В ряде тюркских языков форма *-(a)r edi*, употребленная в нереальном значении, рассматривается как сослагательное наклонение³⁹.

Нам представляется, что и в современном узбекском языке целесообразно считать форму *-(a)r edi*, употребляемую в нереальном значении, формой самостоятельной глагольной категории. Исходя из обусловленного характера значения, ее следовало бы назвать обусловленным наклонением (*шартланган майл*)⁴⁰, противопоставляя условному.

Обусловленное наклонение имеет специфическую парадигму, отличающуюся от парадигмы омонимичного неопределенного имперфекта индикатива. Как обобщенно-временная форма, она образует ряд перифрастических разновидностей, таких как *-gan bular edi, jotgan bular edi*, употребляемых, подобно условному наклонению, для конкретизации временных отношений.

Перифрастическая форма, образованная от причастия прошедшего времени *-gan bular edi*, выражает прошедшее время:

Men bu erdan allaka $\check{c}$ on ko $\check{c}$ gan bularдим, лекин мана шу биткузни $\check{c}$ avakламай кетмасликка $\check{c}$ асама ичдим...⁴¹

Men bu jerdan allaka $\check{c}$ on ko $\check{c}$ gan bularдим, lek'in mana шу bitk'uzni $\check{c}$ avaklamaj k'etmaslik'k'a kasam i $\check{c}$ dim...

'Я давно убежал бы отсюда, но я дал клятву не уходить, не разрубив на куски этого узкоглазого'.

Перифрастическая форма *-jotgan bular edi* выражает настоящее конкретное время:

Агар 1961 йилнинг урталарида бир вок₁еа юз бермаганида, балки у $\check{c}$ озир $\check{c}$ ама Чирчик₁да ишлаётган буларди⁴².

³⁷ Журн. «Муштум», 1966, № 8.

³⁸ Е. И. Шендельс. О грамматической омонимии. — Журн. «Иностранные языки в школе», 1955, № 6, стр. 21.

³⁹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 204; *ее же*. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 215; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 251.

⁴⁰ См.: И. Саидов. Фейл майллари $\check{c}$ ақида. — Журн. «Совет мактаби», 1969, № 8, стр. 76.

⁴¹ А. Мухтор. Давр менинг такдиримда. Тошкент, 1964, стр. 94.

⁴² Газ. «Совет Узбекистони».

Agar 1961 jilning ʻurtalarida bir vokea juz bermaganida, balk'i u hozir ham Cırçıkda işlajotgan bulardi.

'Если бы не произошло одно событие в середине 1961 года, он и сейчас **работал бы** в Чирчике'.

Наличие перифрастических форм играет важную роль в определении статуса обусловленного наклонения, поскольку омонимичных им форм в системе неопределенного имперфекта не имеется.

Таким образом, в обусловленном наклонении, так же как и в условном, с введением в систему перифрастических форм наблюдается сужение функций и значений. В данном случае сужение происходит только во временном отношении и заключается в переходе от обобщенновременной формы к специализированным во временном отношении перифрастическим формам, выступающим только в одном конкретном временном значении. В модальном отношении дальнейшей дифференциации не происходит, поскольку значение формы *-(a)r edi* сужено до значения нереальности.

Привлеченный материал показывает, что нереальность как грамматическое значение находит свое выражение в системе двух категорий глагола — в условном и обусловленном наклонениях. Отношение этих систем к нереальности различное: условное наклонение представляет собой категорию с обобщенным парадигматическим значением потенциальности действия, которое может быть преобразовано в нереальное с помощью контекста, а для недвусмысленного выражения нереальности выделяется особая микросистема с недостаточным глаголом *edi*.

Обусловленное наклонение является категорией с основным грамматическим значением только нереальности сообщаемого.

Характерная особенность наклонений нереальности — оторванность основных показателей этих наклонений от конкретного временного плана и сужение временной дифференциации, развернуто выражаемой в индикативе.

Сужение временной дифференциации в системах форм нереальности можно проиллюстрировать таблицей:

Временной план	Изъявительное наклонение	Условное наклонение	Обусловленное наклонение
План прошедшего	-di -gan -gan edi -ibdi -ib edi -r edi -jotgan edi -mokda edi	-sa (edi) -gan bulsa (edi)	-r edi -gan bular edi
План не прошедшего	-adi -r -digan -azak -jotir -japdi -mokda	-sa (edi) -jotgan bulsa (edi) -digan bulsa (edi)	-(a)r edi -jotgan bular edi -digan bular edi

Внутри систем форм, выражающих нереальность, происходит дальнейшее сужение значений. Условное наклонение допускает сужение как во временном, так и в модальном отношениях. Во временном отношении сужение происходит по вертикали:

↓ ↓ ↓ ↓	-sa -gan <u>bul</u> sa -digan <u>bul</u> sa -jotgan <u>bul</u> sa	↓ ↓ ↓ ↓	-sa edi -gan <u>bul</u> sa edi -digan <u>bul</u> sa edi -jotgan <u>bul</u> sa edi
------------------	--	------------------	--

т. е. сужение идет в направлении от двух форм с широким временным диапазоном к формам с узким временным значением.

В модальном отношении сужение происходит по горизонтали:

	→
-sa -gan <u>bul</u> sa -digan <u>bul</u> sa -jotgan <u>bul</u> sa	-sa edi -gan <u>bul</u> sa edi -digan <u>bul</u> sa edi -jotgan <u>bul</u> sa edi

Здесь наблюдается сужение в виде перехода от ряда форм с многообразными модальными значениями к ряду форм с узким модальным значением нереальности. В обусловленном наклонении специализация происходит только во временном плане.

Различие в способах специализации в системе условного и обусловленного наклонений предопределяется структурными возможностями форм указанных категорий. Форма *-sa*, не имеющая в своем составе недостаточного глагола *edi*, способна образовать специализированную микросистему с данным глаголом для выражения нереальности.

Обусловленное наклонение, уже имея указанный глагол в качестве одного из формальных показателей данной категории, не может производить дальнейшей дифференциации модальных значений посредством этого же глагола. Оно может допускать специализацию только с помощью глагола *bul*, не участвующего в образовании данной категории и привлекающегося только для дифференциации временных отношений.

З. Х. ТАГИ-ЗАДЕ, Р. К. ПОТАПОВА

АКУСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАСНЫХ СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

За последние годы фонемная система азербайджанского языка была предметом целого ряда исследований¹, но акустическая природа азербайджанских гласных и согласных оставалась по существу нераскрытой. В настоящем исследовании предпринята попытка определить акустические характеристики гласных современного азербайджанского литературного языка. В ходе исследования звукового строя языка авторы исходили из определения «фонемных инвариантов», число и акустическая характеристика которых определялись по данным спектрального анализа². Установленная этим путем система фонемных инвариантов позволила внести целый ряд конкретных уточнений в существующую классификацию гласных современного азербайджанского литературного языка.

Таким образом, основная задача исследования заключалась в том, чтобы определить инвариантные спектральные характеристики гласных звуков современного азербайджанского языка. В данной статье предпринимается попытка на основе полученных результатов дать классификацию гласных современного азербайджанского языка и провести сравнение с системой гласных русского и казахского языков.

Принцип подбора экспериментального материала. Известно, что в потоке речи звуки выступают в различных комбинациях, образуя минимальные речевые единицы — слоги. Известно также, что каждый язык характеризуется определенной системой слогов, в которой преобладают те или иные типы последних. Поэтому в зависимости от особенностей звуковой и слоговой системы языка и от конкретных задач исследования в качестве экспериментального материала подбираются сочетания с различной звуковой структурой для тех или иных типов слогов. Для этой цели матричный метод³ подбора экспериментального материала, строгий и экономный из всех существующих⁴, представляется нам наиболее целесообразным.

¹ Э. Дэмичизадэ. Мүасир Азэрбајчан диллинин фонетикасы. Бақы, 1960; А. Ахундов. Система фонем современного азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс., 1964; Ф. Кязимов. Система гласных фонем азербайджанского языка. — Известия АН СССР. ОЛЯ, вып. 4, т. XI, 1952, стр. 303; С. Б. Садыхов. Экспериментальное исследование согласных современного азербайджанского литературного языка. Автореф. канд. дисс., 1968 и др.

² Л. П. Блохина, Р. К. Потанова. К вопросу о нахождении фонемного инварианта на акустическом уровне. — «Ученые записки I МГПИИЯ», т. 37, 1967.

³ Л. П. Блохина, Р. К. Потанова. К вопросу о методике исследования фонемного состава языка. — Материалы коллоквиума по экспериментальной фонетике и психологии речи. МГУ, 1966.

⁴ См.: З. Тағызадэ. Экспериментал фонетикаја кирши. Бақы, 1970.

По матричному методу были подобраны звукосочетания типа СГС. Причем для каждой гласной была составлена отдельная матрица с двумя векторами. Множество компонентов каждого вектора определялось числом согласных фонем азербайджанского языка. В результате был получен экспериментальный материал, состоящий из односложных слов, односложных аффиксов азербайджанского языка и бессмысленных сочетаний типа СГС (см. таблицу 1).

Таблица 1

Гласные	Общее количество полученных сочетаний (СГС) для каждого гласного	Число односложных слов (СГС)	Процентная доля односложных слов в общем числе сочетаний СГС	Число аффиксов	Процентная доля аффиксов в общем числе сочетаний СГС	Число бессмысленных сочетаний СГС	Процентная доля бессмысленных сочетаний в общем числе сочетаний СГС
а	537	109	24,7	4	1	424	74,3
ы	575	28	4,9	9	1,6	538	93,5
э	529	40	7,5	2	0,5	487	92,0
и	552	45	8,1	2	0,6	505	91,3
е	530	21	4,0	2	0,4	507	95,6
о	552	48	8,7	—	—	504	91,3
ө	529	21	4,2	—	—	508	95,8
у	529	34	6,4	3	0,6	492	93,0
ү	529	25	4,7	2	0,5	502	94,8
Итого	4862	371	7,7	24	0,5	4467	91,8

Из общего числа полученных сочетаний были отобраны односложные слова, корневые морфемы и аффиксы. В качестве окончательного варианта экспериментального материала был использован наряду с вариантом-максимумом также и вариант-минимум, составленный по принципу одновременного изменения в сочетании СГС и начального и конечного согласных⁵. В результате было отобрано 500 сочетаний типа СГС.

Методика проведения анализа. Экспериментальный материал был начитан пятью дикторами — носителями азербайджанского литературного языка⁶. Запись производилась на магнитофоне типа МЭЗ-28. Все сочетания произносились дикторами с перечислительно-назывной интонацией.

Записанный на магнитную ленту материал был соответствующим образом смонтирован: разделен на сегменты, длительность каждого из которых составляла 45 сек, что было необходимо для проведения последующей записи на спектрограф.

После монтажа магнитной пленки было получено 75 сегментов. Смонтированный таким образом материал был записан на 48-канальный быстродействующий спектрограф С-48. Дальнейшая обработка спектрограмм проводилась в следующем порядке:

⁵ Л. П. Блохина, Р. К. Потапова. К вопросу о методике исследования фонемного состава языка.

⁶ Экспериментальное исследование проводилось в ЛЭФНПР МГПИИЯ им. М. То-реза под общим руководством проф. В. А. Артемова.

- 1) сегментация спектрограмм на звуковые единицы,
- 2) считывание спектрограмм с помощью специальных аппаратов,
- 3) определение максимальных значений резонансных частот.

Разметка спектрограмм (рис. 1) предполагает членение спектрального изображения структуры СГС на соответствующие звукам сегменты, состоящие из определенного числа спектральных сечений (кадров), длительность одного кадра 14,5 м/сек. Границы между звуками фиксируются по переходным участкам:

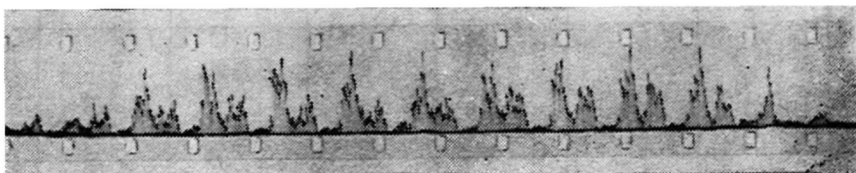

Рис. 1. Спектрограмма звука «е»

а) на участке перехода от начального согласного к последующему гласному;

б) на участке перехода от гласного к последующему согласному.

В процессе сегментации спектрограмм учитываются наиболее типичные профили огибающих спектра для конкретного звука.

Первичное считывание спектрограмм проводилось с 16 мм киноплёнки на аппаратах «Микрофот» типа 5ПО-1 с объективом «Юпитер-12». В результате считывания спектрограмм были получены протоколы (по установленным образцам) для 1400 структур СГС 1400 гласных и 2800 согласных.

Было установлено, что каждая структура СГС состояла в среднем из 35 сечений (кадров). В общей сложности было считано 49000 сечений.

Далее были определены максимальные значения амплитуд резонансных частот в сечениях. Для гласных звуков число таких максимумов колебалось от 1 до 6. Известно, что почти все максимумы соответствуют увеличению энергетической характеристики соответствующей резонансной частоты. Однако общее число выделенных максимумов резонансных частот было, естественно, избыточным для определения формантной структуры звуков. Поэтому задача в дальнейшем заключалась в том, чтобы дифференцировать максимумы по степени интенсивности и лингвистической значимости. Выделенные таким образом максимумы резонансных частот послужили исходным материалом для проведения дальнейшего анализа формантной структуры гласных азербайджанского литературного языка и определения их инвариантных спектральных характеристик.

Обсуждение результатов исследования. Структура речевого сигнала представляет собой сложное явление. Основная сложность заключается в том, что на форму звуковой волны источника (голосовых связок) накладываются частотные характеристики резонирующих полостей. В связи с этим можно предположить, что в спектрограммах содержится большое количество информации о речевом сигнале. Поскольку голосовые связки представляют собой источник звуковых колебаний, дающий монотонный по форме спектр, постольку спектральные максимумы могут определяться только путем изменения конфигурации резонирующих поло-

стей⁷. Изменение размеров и конфигурации резонаторов ведет к изменению спектрального изображения речевого сигнала⁸.

Согласно акустической теории речеобразования можно допустить, что характеристики резонансной системы речевого тракта не зависят от характеристик источника голоса. Это означает, что связь формантных максимумов и частот гармоник основного тона имеет случайный характер. Следовательно, основной принцип теории речеобразования заключается в том, что формантные максимумы определяются только положением органов артикуляции и не влияют на частоту основного тона голоса. Иными словами, номера гармоник основного тона и номера формант друг с другом строго не коррелированы.

Термины «частота форманты» и «максимально усиленная резонансная частота» употребляются нами как равнозначные, что можно встретить и у ряда других авторов⁹.

Форманты обозначаются символами $F_1, F_2, F_3, \dots, F_N$, где N указывает на порядковый номер форманты по шкале частот. Частоты этих формант обозначают соответственно: $F_1, F_2, F_3, \dots, F_n$.

Анализ абсолютных значений формант гласных не дает представления об их качестве. В зависимости от многих факторов, связанных с различиями между дикторами, меняются абсолютные значения формант гласных. Использование в данном случае относительных величин облегчает решение задачи. На это было указано в свое время рядом исследователей¹⁰.

Для определения качества гласных используются отношения между значениями формантных частот, а не их абсолютные значения:

а) $R_1 = F_2:F_1$. Указанное отношение характеризует концентрацию энергии в зоне низких или высоких частот. Если основная энергия сосредоточена в зоне низких частот спектра, то мы имеем гласные заднего ряда (в артикуляционных терминах). Соответственно сосредоточение энергии в области высоких частот ведет к образованию гласных переднего ряда. $R_1 = F_2:F_1$ характеризует изменение гласных по горизонтальной оси, т. е. по их принадлежности к ряду. R_1 гласных переднего ряда превосходит R_1 гласных заднего ряда. По мнению некоторых исследователей, форманты F_1 и F_2 «являются основными характеристиками гласных»¹¹. На релевантность и языковую значимость F_1 и F_2 гласных указывали в свое время М. Ромпортль¹² и М. Халле¹³;

б) $R_2 = F_3:F_1$. Это отношение характеризует область сосредоточения энергии в спектре звука, т. е. показывает, концентрируется ли основная энергия в одном районе спектра или же она рассеяна по всей частотной шкале.

На артикуляционном уровне указанное отношение характеризует изменение резонирующих полостей по вертикали, т. е. по степени раствора ротового резонатора и по степени подъема языка. В данном случае R_2 служит для разграничения гласных по подъему: гласные верх-

⁷ М. А. Сапожков. Речевой сигнал в кибернетике и связи. М., 1963.

⁸ Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., 1964.

⁹ М. А. Сапожков. Указ. раб.; Г. Фант. Указ. раб.

¹⁰ R. K. Potter, J. C. Steinberg. Toward the specification of speech. IASA, XXII, 6, 1950. R. Jakobson, G. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis. MIT Acoustic Lab. Techn. Rep., 1952, 13.

¹¹ Г. Фант. Указ. раб., стр. 59.

¹² M. Romportl. Zur akustischen Struktur der distinktiven Merkmale. Zeitschrift für Phonetik, 17, № 5, 1964.

¹³ M. Halle. The Sound pattern of Russian, 1959.

него, среднего и нижнего подъема. Гласные нижнего подъема (широкие гласные) имеют R_2 меньше, чем R_2 гласных среднего и верхнего подъема (узкие гласные);

в) $R_3 = F_1 + F_2$. Этот параметр характеризует степень огубленности гласных. R_3 лабиализованных гласных меньше, чем R_3 нелабиализованных гласных, так как акустически это выражается в сдвиге F_1 и F_2 в область низких частот у лабиализованных гласных по сравнению с положением F_1 и F_2 у нелабиализованных гласных.

В результате первичной обработки спектрограмм гласных современного азербайджанского языка были получены следующие данные:

1) значения F_1 , F_2 , F_3 для конкретного звука в одном сочетании СГС;

2) значения $(F_1)n$, $(F_2)n$, $(F_3)n$ для того же звука в n -сочетаниях у одного диктора;

3) значения $(F_1)nN$, $(F_2)nN$, $(F_3)nN$ для того же звука в n -сочетаниях у N дикторов.

На основании полученных цифровых данных были составлены гистограммы распределения F_1 , F_2 и F_3 для каждой из девяти гласных. Для каждой гласной была найдена область значений F_n , общая для всех дикторов, а затем было определено среднее значение F_n в $гц$ (см. таблицу 2).

Таблица 2

Общая зона и средние частотные характеристики для F_1 , F_2 и F_3
у азербайджанских гласных¹⁴

Гласные	F_1		F_2		F_3	
	общая зона значений в $гц$	среднее значение в $гц$ ($\bar{F}_1$)	общая зона значений в $гц$	среднее значение в $гц$ ($\bar{F}_2$)	общая зона значений в $гц$	среднее значение в $гц$ ($\bar{F}_3$)
у	300—400	350	—	655	3100—3365	3230
о	450—550	500	852—1088	970	1225—3100	2512
а	655—715	685	1280—1390	1335	1925—2645	2285
е	400—550	475	—	2085	3100—3675	3387
и	300—350	325	2255—2440	2350	3365—3675	3520
ы	—	350	1390—1510	1450	2440—2645	2540
э	550—655	600	1950—2085	2000	2645—3100	2870
ө	400—500	450	1775—2085	1930	2440—2645	2540
ү	300—350	325	2085—2255	2170	3365—3675	3520

На основе полученных данных по средним значениям были найдены соответствующие отношения (см. таблицу 3).

На основании целого ряда работ, в которых проводилось сопоставление результатов артикуляционного и акустического анализов, можно прийти к заключению о возможности использования данных акустического анализа с известной аппроксимацией для установления системы вокализма того или иного языка¹⁵.

¹⁴ Чтобы не увеличивать объем статьи, мы приводим результаты только общего подсчета.

¹⁵ См.: R. Jakobson, G. Fant, M. Halle. Указ. раб.

Таблица 3

Относительные значения $\bar{R}_n$

Гласные	$\bar{R}_1 = \bar{F}_2 / \bar{F}_1$	$\bar{R}_2 = \bar{F}_3 / \bar{F}_1$	$\bar{R}_3 = \bar{F}_1 + \bar{F}_2$
у	1,9	9,2	1005
о	1,9	5,0	1470
а	2,0	3,3	2020
е	4,4	7,1	2560
и	7,2	10,8	2672
ы	4,1	7,2	1800
э	3,3	4,7	2600
е	4,3	5,6	2380
ү	6,7	10,8	2495

На основе данных, приведенных в таблице 3, азербайджанские гласные могут быть охарактеризованы следующим образом:

1) «у» — гласный заднего ряда (1, 9), верхнего подъема (9, 2), лабиализованный (1005);

2) «о» — гласный заднего ряда (1, 9), среднего подъема (5, 0), менее лабиализованный (1470), чем гласный «у»;

3) «а» — гласный заднего ряда (2, 0) (несколько более продвинутый, чем гласные «о», «у»), нижнего подъема (3, 3), нелабиализованный (2020);

4) «е» — гласный переднего ряда (4, 4), среднего подъема (7, 1), нелабиализованный (2560);

5) «и» — гласный переднего ряда (7, 2), верхнего подъема (10, 8), нелабиализованный (2672);

6) «ы» — гласный переднего ряда (4, 1), среднего подъема (7, 2), слегка лабиализованный (1800);

7) «э» — гласный переднего ряда (3, 3), среднего подъема (4, 7), нелабиализованный (2600);

8) «ө» — гласный переднего ряда (4, 3) (несколько более отодвинутый, чем гласный «е»), среднего подъема (5, 6) (более низкого подъема, чем гласный «е»), менее лабиализованный, чем гласный «ү» (2380);

9) «ү» — гласный переднего ряда (6, 7) (несколько более отодвинутый, чем гласный «и»), верхнего подъема (10, 8), лабиализованный (2495).

В литературе отмечен целый ряд попыток изобразить степень акустической или артикуляционной близости гласных в виде треугольных или трапецидальных плоских таблиц¹⁶.

Общую классификацию вокализма тюркских языков, и в частности азербайджанского языка, мы находим у Г. П. Мельникова¹⁷.

Однако эти классификации базируются на фонологическом анализе и составлены без учета акустических особенностей вокализма отдельных тюркских языков, в том числе и современного азербайджанского.

¹⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. Пер. М., 1960; Ch. F. Hellwaq. Dissertation mancuralis physiologicomedicale formatione loguelac. Tubingde, 1781; W. Victor. Element der Phonetik des Deutschen, Englischen mid Französischen. Leipzig, 1904; W. Radloff. Vergleichende Grammatik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882.

¹⁷ Г. П. Мельников. Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков. — В сб.: «Исследования фонологии». М., 1966; ego же. Причины нарушений симметрии в системе киргизских гласных. — «Советская тюркология», 1970, № 1, стр. 54—69.

Основываясь на полученных в ходе настоящего исследования данных, мы предлагаем два типа классификации гласных современного азербайджанского языка.

Первый тип классификации (рис. 2) составлен с учетом двух признаков: 1) движения языка по горизонтали, т. е. по признаку принадлежности к ряду (F_2, F_1) и 2) движения языка по вертикали, т. е. по признаку подъема (F_3, F_1). Согласно этому типу классификации, для гласных современного азербайджанского языка характерно наличие:

- а) двух рядов:
  - переднего ряда — гласные: *и, у, е, ө, э, ы,*
  - заднего ряда — гласные: *у, о, а;*
- б) трех основных степеней подъема:
  - верхнего подъема — гласные: *и, у, у,*
  - среднего подъема — гласные: *о, ө, е, э, ы,*
  - нижнего подъема — гласный *а;*
- в) дополнительного разграничения по степени подъема среди гласных среднего подъема:
  - гласные более высокого подъема — *е, ы,*
  - гласные более низкого подъема — *о, ө, э.*

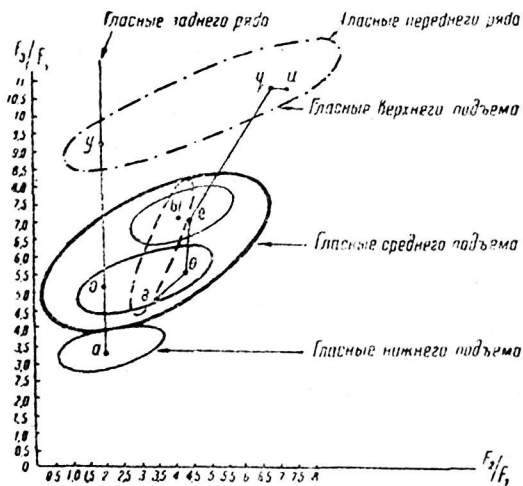

Рис. 2. Классификация гласных современного азербайджанского языка

Однако в данном случае не учитывается признак лабиализации. Введение этого признака даст уточненный тип классификации азербайджанского вокализма (рис. 3).

На опрокинутой усеченной пирамиде отмечаются четыре плоскости, каждая из которых характеризует принадлежность гласных по признаку подъема языка:

- а) в плоскости (1) располагаются гласные *и, у, у*, т. е. гласные верхнего подъема;

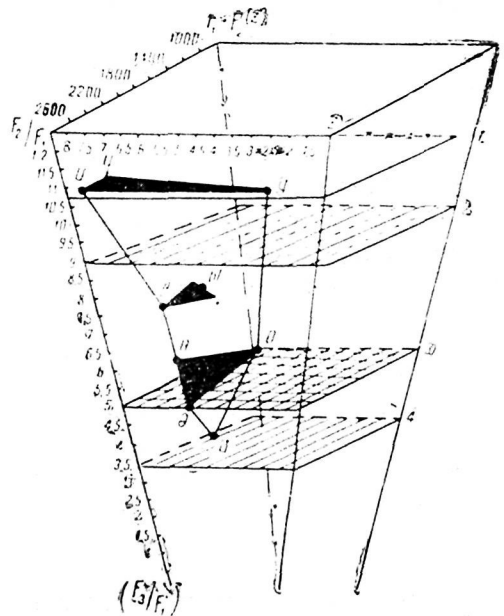

Рис. 3. Уточненная пространственная модель вокализма современного азербайджанского языка:

- 1 — гласные верхнего подъема; 2 — гласные среднего примарного подъема; 3 — гласные среднего вторичного подъема; 4 — гласные нижнего подъема

б) в плоскости (2) располагаются гласные *e, ы*, т. е. гласные среднего примарного¹⁸ подъема;

в) в плоскости (3) располагаются гласные *o, ə, ə*, т. е. гласные среднего секундарного подъема;

г) в плоскости (4) располагаются гласные нижнего подъема, в данном случае гласный *a*.

По признаку принадлежности гласных к ряду геометрическая модель существенных изменений не вносит. Гласный *a*, как видно на рис. 3, является более продвинутым вперед по сравнению с гласными *o, y*, т. е. тяготеет к гласным среднего ряда.

Опыт сопоставительного анализа гласных азербайджанского, русского и казахского языков. Можно попытаться сопоставить данные спектрального анализа, полученные нами на материале азербайджанского языка, с аналогичным материалом русского языка.

Таблица 4

Акустическая характеристика русских гласных (по данным Г. Фанта)¹⁹

Гласные	$\bar{F}_1$ гц	$\bar{F}_2$ гц	$\bar{F}_3$ гц	$\bar{F}_2/\bar{F}_1$	$\bar{F}_3/\bar{F}_1$	$\bar{F}_1 + \bar{F}_2$ гц
у	300	635	2500	2,1	8,3	925
o	400—450	750	2400	1,8	5,6	1175
a	700	1250	2300	1,8	3,3	1950
ə	440	1800	2550	4,3	5,9	2240
и	240	2250	3200	9	13	2490
ы	300	1480	2230	3,9	7,4	1780

В результате сопоставления приведенных выше числовых характеристик можно предположить следующее:

1. При артикуляции азербайджанского гласного «*y*» язык более оттянут назад, задняя спинка языка поднята выше, губы больше округлены, нежели при артикуляции русского «*y*»;

2. При артикуляции азербайджанского гласного «*o*» степень оттянутости языка назад приблизительно равна степени оттянутости языка при артикуляции русского «*o*». Однако степень подъема языка меньше, губы больше округлены;

3. При артикуляции азербайджанского «*a*» язык больше продвинут вперед, чем при артикуляции русского «*a*»; степень подъема языка приблизительно одинакова;

4. При артикуляции азербайджанского «*e*» степень продвинутости языка вперед равна степени продвинутости языка при артикуляции русского «*e*», степень же подъема языка выше;

5. При артикуляции азербайджанского «*и*» язык меньше продвинут вперед, имеет меньшую степень подъема;

¹⁸ Термины «гласный среднего примарного подъема» и «гласный среднего секундарного подъема» введены нами для уточнения положения азербайджанских гласных по признаку подъема.

¹⁹ См.: Г. Фант. Указ. раб.

Таблица 5

Сопоставление спектральных характеристик гласных азербайджанского и русского языков

Гласные	$\bar{F}_2/\bar{F}_1$		$\bar{F}_3/\bar{F}_1$		$\bar{F}_1+\bar{F}_2$ гц	
	азерб.	русс.	азерб.	русс.	азерб.	русс.
у	1,9	2,1	9,2	8,3	1005	925
о	1,9	1,8	5,0	5,6	1470	1775
а	2,0	1,8	3,3	3,3	2020	1950
е(э)	4,4	4,3	7,1	5,9	2560	2240
и	7,2	9	10,8	13	2672	2490
ы	4,1	3,9	7,2	7,4	1800	1780
э	3,3	—	4,7	—	2600	—
е	4,3	—	5,6	—	2380	—
ү	6,7	—	10,8	—	2495	—

6. При артикуляции азербайджанского «ы» язык имеет приблизительно такую же степень подъема, как и при артикуляции русского «ы», но более продвинуто вперед.

Остальные гласные *ө, ү, э* не имеют соответствий в фонетической системе русского языка.

Таблица 6

Сравнение спектральных характеристик гласных азербайджанского и казахского языков²⁰

Гласные		$\bar{F}_2/\bar{F}_1$		$\bar{F}_3/\bar{F}_1$		$\bar{F}_1+\bar{F}_2$	
азерб.	казах.	азерб.	казах.	азерб.	казах.	азерб.	казах.
у	ү	1,9	2,7	9,2	6,7	1005	1379
о	о	1,9	2,6	5,0	5,2	1470	1478
а	а	2,0	2,2	3,3	4,1	2020	1790
е	э	4,4	4,4	7,1	7,9	2560	2300
э	э	3,3	2,7	4,7	4,2	2600	2281
и	і	7,2	3,8	10,8	7,4	2672	2091
ы	ы	4,1	2,6	7,2	5,3	1800	1730
ө	ө	4,3	3,1	5,6	5,8	2380	1819
ү	ү	6,7	3,9	10,8	8,8	2495	1728

По данным, приведенным в таблице 6, видно, что, несмотря на равное количество гласных азербайджанского и казахского языков, между их спектральными и, соответственно, артикуляционными характеристиками имеется целый ряд расхождений. Например, азербайджанский гласный «у» по сравнению с казахским «у» отодвинут назад и характеризуется более высокой степенью подъема языка и лабиализации.

Вышеизложенное дает возможность сделать следующие выводы:

1. Согласно спектральным данным, в системе азербайджанского вокализма следует различать:

²⁰ С. К. Кенесбаев, Л. П. Блохина, Р. К. Потاپова. Фонетика казахского языка. — Изд. АН Казахской ССР, 1969, стр. 43—60.

- а) гласные переднего ряда (*e, ʏ, u, 'ə, ø, ʏ*),
заднего ряда (*y, o, a*)²¹;
- б) гласные верхнего подъема (*u, ʏ, y*),
среднего подъема (*o, ø, e, ə, ʏ*),
нижнего подъема (*a*);
- в) лабиализованные гласные (*y, o, ʏ, ø*),
нелабиализованные гласные (*a, ʏ, e, ə, u*).

В группе гласных среднего подъема имеется тенденция к разделению на две подгруппы: гласные среднего примарного подъема (*e, ʏ*) и гласные среднего секундарного подъема (*o, ø, ə*).

2. На основе полученных числовых характеристик могут быть предложены два типа классификации азербайджанских гласных: а) плоскостная, б) пространственная.

3. Числовые характеристики, полученные в результате акустического (спектрального) анализа, дают возможность внести конкретные уточнения в существующую классификацию гласных современного азербайджанского литературного языка.

4. Полученные результаты позволяют провести сопоставительный анализ с привлечением данных типологически родственных и неродственных языков, что имеет большое значение как в теории языка, так и в практике преподавания сравниваемых языков.

5. Полученные числовые характеристики могут быть использованы в программированном обучении.

²¹ Гласный *-a* тяготеет к гласным среднего ряда.

Т. И. ГРУНИН

АГАФАНГЕЛ ЕФИМОВИЧ КРЫМСКИЙ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Труды А. Е. Крымского — ученого-востоковеда и слависта, историка и писателя, внесли ценный вклад в развитие русской и украинской науки и культуры.

Окончив в 1892 году Лазаревский институт восточных языков, А. Е. Крымский поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Он слушал лекции знаменитых русских языковедов, впоследствии академиков А. А. Шахматова и Ф. Ф. Фортунатова. Посвятив большую часть своей жизни изучению Востока, А. Е. Крымский по окончании в 1896 г. Московского университета плодотворно трудился в области славяноведения и получил широкую известность как исследователь украинского языка и литературы.

С 1898 по 1918 гг. А. Е. Крымский вел научно-педагогическую работу в качестве профессора арабской филологии, а также истории стран мусульманского востока и истории мусульманства в Лазаревском институте восточных языков. В созданном впоследствии на основе Лазаревского института Московском институте востоковедения все живо напомнило о А. Е. Крымском, хотя к этому времени Агафангел Ефимович переехал в Киев. Время от времени в институте появлялся старейший преподаватель института полуослепший араб М. О. Аттая, которого под руки вели студенты, гордо высилась в коридорах мощная фигура ираниста Мирзы Абдуллы Гаффарова. Всеобщее внимание привлекал являвшийся в окружении своих учеников преподаватель турецкого языка, уроженец Турции, армянин С. К. Церуниан. Все трое были не только соратниками А. Е. Крымского, но и его учителями.

В среде своих коллег А. Е. Крымский снискал славу выдающегося эрудита и талантливое преемника старшего поколения востоковедов.

В Институте востоковедения продолжали свою педагогическую деятельность ученики А. Е. Крымского: специалист по турецкому языку, литературе, фольклору и истории сельджуков профессор В. А. Гордлевский (с 1946 года академик АН СССР), профессора-иранисты Б. В. Миллер и Л. И. Жирков, арабист и историк народов Ближнего Востока, впоследствии профессор Московского института международных отношений Е. А. Беляев, профессора-арабисты Х. К. Баранов и Б. М. Гранде. Учениками А. Е. Крымского являлись также впоследствии видные ученые, как чл.-корр. АН СССР тюрколог Н. К. Дмитриев, специалист по туркменскому языку и его диалектам профессор А. П. Поцелуевский, тюрколог профессор В. М. Насилов, переехавший в Англию известный востоко-

вед В. Ф. Минорский¹, известный ученый-иранист А. А. Семенов, тюрколог М. С. Михайлов.

В 1896 году А. Е. Крымский выступил в печати с критической статьей о книге голландского ученого, пастора Иоганна Гаури, «Ислам и его влияние на жизнь его последователей», перевод которой с немецкого языка был издан П. И. Хомутовым в 1893 году в Ташкенте². В своей статье А. Е. Крымский подвергал Иоганна Гаури уничтожающей критике за невежественную компиляцию трудов западных востоковедов по исламу, за искажение самой сущности ислама, указывал на ошибки, допущенные переводчиком П. И. Хомутовым.

Эта статья и ряд предшествующих ей работ, посвященных исламу, выдвинули двадцатипятилетнего А. Е. Крымского в первый ряд российских востоковедов того времени.

Дальнейшая научная работа А. Е. Крымского проходила параллельно с педагогической деятельностью в стенах Лазаревского института и в ряде случаев имела своей целью создание учебных пособий для студентов. Из трудов А. Е. Крымского, изданных Лазаревским институтом, мы отметим только самые основные, выходящие по своему значению за рамки учебных пособий и ставшие единственным для того времени источником ознакомления русской интеллигенции с историей литературы и культурной жизнью народов Ближнего Востока. В 1903 году в обработке А. Е. Крымского и при участии академика П. К. Коковцева была издана брошюра Теодора Нельдеке «Семитские языки и народы». В переводе А. Е. Крымского эта брошюра, состоявшая в оригинале из 76 страниц, превратилась в книгу объемом в 164 страницы и содержала почти в четыре раза больше сведений, чем оригинал. Это показывает, сколько труда и знаний потребовала подобная переработка.

В 1904 году Лазаревским институтом было издано «Исследование о 1001 ночи» И. Эструпа в переводе Т. Ланга с датского на русский язык. Написанный А. Е. Крымским вступительный очерк³ обнаруживал блестящую эрудицию автора, высказывавшего ряд оригинальных суждений о сказках Шехерезады и ее судьбе, изобилующий ценной библиографией и критическими замечаниями⁴.

В 1904 году А. Е. Крымским были изданы первая и вторая части «Истории мусульманства», включавшие разделы, посвященные истории Мухаммеда и ислама, изложению сведений о Коране, его возникновении и содержании, истории развития богословских наук и ряд других. Книга быстро разошлась и стала библиографической редкостью. В 1912 году вышла в свет третья часть «Истории мусульманства», содержащая сведения о вахабитах, о бабизме и бехаитстве. Таким образом, А. Е. Крым-

¹ Владимир Федорович Минорский (1877—1966), умерший в Лондоне 25 марта 1966 года, оставил после себя очень ценную библиотеку, которую завещал в дар Институту востоковедения АН СССР. В завещании он просил похоронить его на Родине, в СССР. Его останки перевезены в Москву и 19 июня 1970 г. захоронены на Новодевичьем кладбище. (См. об этом сообщение в газете «Известия» за 20 июня 1970 года).

² Статья А. Е. Крымского с критикой труда Иоганна Гаури была напечатана в XXVII книге «Этнографического обозрения», отдельным оттиском вышла в Москве в 1896 году.

³ Этот очерк является переводом с украинского из «Вступних читань до історії арабських приповістей, оновідань і казок» А. Е. Крымского, проверенным и дополненным автором. Где и когда был издан оригинал на украинском языке, мне не известно (Т. Г.).

⁴ В России сказки 1001 ночи издавались несколько раз. Последнее издание в 8 томах было осуществлено в 1958—1959 гг.

ский первым из русских востоковедов изложил в доступной литературной форме необходимые научные сведения о религиозной жизни мусульман⁵.

А. Е. Крымскому принадлежат ценные труды по истории и литературе арабов. Так, в серии «Трудов по востоковедению», издаваемых Лазаревским институтом, в 1906 году вышла в свет «Арабская поэзия в очерках и образцах» (выпуск XV). В 1911 году был выпущен сборник А. Е. Крымского «Арабская литература в очерках и образцах», часть I (выпуск XXXV), а в 1912 году вышла его книга «История арабов и арабской литературы, светской, духовной», вобравшая многое из того, что было напечатано в первых двух частях его «Истории мусульманства». В 1913 году была опубликована третья часть (выпуск XV) «Истории арабов...», содержащая сведения об арабах Испании и африканских маврах. В 1914—1915 гг. вышел в свет весьма ценный трехтомный труд А. Е. Крымского по истории Персии и ее литературы, начиная с эпохи газневидов (962—1186) и включая монгольский период (XIII—XV вв.). В дополнение к первому тому были изданы в переводе на русский язык образцы поэзии и прозы выдающихся поэтов эпохи газневидов: отрывки из «Шах-наме» Фирдоуси, образцы поэзии его современника Феррохи (Али ибн Джулуга Систанского) Фахреддина Горганского, Абу-Се'ида Хорасанского, Насир-и Хосрова, Абдаллаха Энсари Хератского, отрывки из «Кабус-наме» и поэзии Омара Хайяма. Здесь же были приведены краткие биографические сведения о поэтах и характеристики их основных произведений.

Деятельность А. Е. Крымского в московский период его жизни (1892—1918) не ограничивается созданием научных трудов. Он автор многих учебников и пособий по арабистике и истории мусульманства. С 1893 года А. Е. Крымский заведовал Ближневосточным отделом энциклопедических словарей Брокгауза и Ефрона и братьев Гранат. Он является автором большинства статей по востоковедению.

В 1901 году А. Е. Крымский был избран секретарем Восточной комиссии Московского отделения Русского Археологического общества, которую возглавлял знаменитый востоковед, классик и славист Ф. Е. Корш (1843—1915). По словам академика И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымский «...для популяризации науки у нас... сделал больше, чем все предшествовавшие и современные ему арабисты»⁶.

Ознакомлению русских и украинских читателей с древнейшей культурой и сокровищницей литературы Востока в большой мере содействовали переводы А. Е. Крымского восточной поэзии, а также его собственные беллетристические и поэтические произведения. В результате двухлетнего пребывания А. Е. Крымского (1896—1898) в Сирии им был создан ряд беллетристических произведений на восточные темы.

В 1918 году А. Е. Крымский расстался с Москвой и переехал в Киев. Начиная с этого времени вся научная деятельность А. Е. Крымского сосредоточилась в Киеве. В 1919 году здесь была создана Академия наук Украинской ССР. Ее первым президентом стал известный минералог и кристаллограф академик В. И. Вернадский, а первым постоянным секретарем был избран действительный член Академии наук УССР А. Е. Крымский, который, оставаясь на этом посту в течение десяти лет,

⁵ До издания труда А. Е. Крымского сведения о мусульманстве были доступны ограниченному кругу лиц по переводу с немецкого языка четырехтомного труда А. Мюллера «История Ислама с основания до новейших времен». СПб., 1895—1897, а также по переводам с немецкого «Лекций об Исламе» И. Гольдциэра. СПб., 1895—1897.

⁶ И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., 1950, стр. 169.

был одним из главных организаторов научно-исследовательской работы в Академии.

До 30-х годов в Академии наук УССР не было сколько-нибудь серьезного востоковедческого центра, не считая кафедры арабо-иранской филологии с одним штатным сотрудником — арабом Т. Г. Кезмой и нештатным сотрудником — иранистом П. Н. Лозиевым. Была также Тюркологическая комиссия, в которую входил автор настоящей статьи. Благодаря энергичной деятельности А. Е. Крымского востоковедческий центр был дополнительно укомплектован штатными научными работниками — иранистом П. Н. Лозиевым и тюркологом Т. И. Груниным (конец 1930 года).

Однако на Украине А. Е. Крымский не имел ни научно-исследовательской базы для работы в области востоковедения, ни учебного центра для подготовки молодых кадров востоковедов. Курсы востоковедения (Курсы сходознавства), организованные Всеукраинской Научной Ассоциацией востоковедения в 1927 году, прекратили свою деятельность в 1930 году, так же как и Ассоциация востоковедения.

Тем не менее А. Е. Крымский, этот неутомимый труженик, обладавший огромными знаниями и опытом ведения научной работы, стремился делать все возможное для развития востоковедения на Украине.

В 1922 году вышел в свет сборник стихов «Пальмове гилля, частина третя. Екзотичні поезії». В этот сборник включены переведенные А. Е. Крымским на украинский язык избранные образцы поэзии персидских поэтов: Фирдоуси, Омара Хайяма, Сенаи, Энвери, Саади, Хафиза и др. Стихам каждого поэта предпослана краткая характеристика его творчества и биографические сведения о нем. В 1923 году А. Е. Крымским был опубликован труд «Історія Персії та її письменства», содержащий сведения об Иране периода арабских завоеваний (VII—IX вв.), о борьбе персов с арабами за независимость (IX—XI вв.). Замечательному персидскому поэту Хафизу (ок. 1300—1389) А. Е. Крымский посвятил отдельное исследование под названием «Хафиз та його пісні», вышедшее в свет в Киеве в 1924 году. Характеризуя творчество поэта, А. Е. Крымский приводит краткие биографические сведения о нем, сообщаемые восточными и европейскими путешественниками, а также библиографию на восточных и европейских языках, в том числе библиографические данные о литературоведческих работах на русском языке, посвященные творчеству Хафиза, а также о переводах его стихов на русский и украинский языки.

Труд А. Е. Крымского «Перський театр, звідки він узявся і як розвивавсь» (отрывок из III тома его «Історії Персії та її письменства»), вышедший в 1925 году, был последней его работой по иранистике, изданной отдельной книгой.

В украинский период своей научной деятельности А. Е. Крымский уделял немало внимания и тюркологии. В частности, он издал несколько работ по истории Турции, как бы дополнявших его двухтомную историю Турции и ее литературы, опубликованную в 1910—1916 гг. в Москве на русском языке. В 1924 г. А. Е. Крымским была издана «Історія Туреччини», охватывавшая историю этой страны, начиная с появления сельджуков в Малой Азии и кончая годами царствования Сулеймана Великолепного (1520—1556). В книге даны краткие сведения о государстве сельджуков, образовании османского государства, о нашествии Тимура, а главным образом сведения о походах Мухаммеда II Завоевателя (1451—1481) и могуществе Турции при Сулеймане Великолепном.

В 1926 году был издан «Вступ до Історії Туреччини», содержащий сведения о европейских источниках по истории Турции. В 1927 году была опубликована «Історія Туреччини та її письменства», содержащая сведения о турецких поэтах и прозаиках, начиная с поэта-лирика Бурханеддина Сивасского (1345—1397) и кончая творчеством Сулеймана Челеби (XV в.).

В 1930 году вышел в свет сборник «Студії з Криму» под редакцией А. Е. Крымского, включавший его статьи: «Сторінки з історії Криму», «До історії теперішніх 25% татарської людности в Криму» и «Література кримських татар». Тогда же был опубликован труд «Тюрки, їх мови та літератури» (вып. I и II), представляющий собой по сути дела краткую энциклопедию, содержащую сведения о тюркоязычных народах и библиографический обзор литературы о тюркских языках (на восточных и европейских языках).

Этой книгой завершаются публикации А. Е. Крымского на украинском языке.

Выше были названы главнейшие, на наш взгляд, труды А. Е. Крымского, написанные и опубликованные им за пятьдесят лет его научно-педагогической и литературной деятельности. Некоторые работы, как и множество статей на различные темы, помещенные им в периодических изданиях и юбилейных сборниках, просто не поддаются учету. Отдельно изданное собрание трудов А. Е. Крымского, к сожалению, отсутствует.

С точки зрения современной марксистско-ленинской методологии, к числу наименее удачных следует отнести его работы по истории народов Ближнего Востока и истории мусульманства, в которых приводится огромное количество фактов, без их научного анализа и объяснения. Труды А. Е. Крымского по истории литератур народов Ближнего Востока не утратили своей ценности, хотя и нуждаются в критическом подходе к ним. Что касается работ по языку, то они выполнены на основе применения в языкознании сравнительно-исторического метода и сохраняют свое значение до настоящего времени.

Как заметил акад. И. Ю. Крачковский (см. его «Очерки по истории русской арабистики», стр. 168—169), многие работы А. Е. Крымского «не всегда оказывались законченными, иногда носили преимущественно библиографический характер, затенявший основную нить изложения». На наш взгляд, библиографические сведения, собранные А. Е. Крымским из многочисленных источников на европейских и восточных языках, имеют очень важное значение: они облегчают труд будущего исследователя по разысканию источников, освещающих исследуемую тему. Несмотря на методологические недостатки некоторых работ А. Е. Крымского, его труды не может обойти ни один ученый, специализирующийся в области истории, литературы и языков народов Ближнего Востока. А. Е. Крымский, ученый необыкновенно широкого научного диапазона и эрудиции, по своим научным устремлениям был востоковедом и в первую очередь арабистом, затем уже иранистом и тюркологом. По всем этим трем специальностям А. Е. Крымский стоял в одном ряду с такими маститыми востоковедами России, как В. Ф. Гиргас, В. Р. Розен, И. Ю. Крачковский, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, В. А. Гордлевский и др.

Как ученый и организатор А. Е. Крымский поражал своим трудолюбием и целеустремленностью. Казалось, он всегда спешил, опасаясь, что какая-нибудь интересующая его тема останется недоработанной. Поэтому очень часто он одновременно работал над несколькими темами, а в

промежутках между своей основной работой писал статьи, как он любил говорить, «впрок», на случай, если в них возникнет необходимость.

В январе 1941 года общественность Украины и ученые-востоковеды всего Советского Союза торжественно отметили семидесятилетие со дня рождения и пятидесятилетие научно-педагогической и литературной деятельности А. Е. Крымского. Торжество это оказалось последним в его жизни. В том же году А. М. Крымский погиб в оккупированном фашистскими войсками Киеве.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Э. А. УМАРОВ

ПРИЕМ *ийхом* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АЛИШЕРА НАВОИ

В восточной литературе чрезвычайно распространены разнообразные художественные приемы, зафиксированные в поэтических трактатах и произведениях энциклопедического характера¹. Одним из такого рода приемов является *ийхом*.

В средневековой восточной поэтике термином *ийхом*² называлось такое построение фразы, при котором возникает двузначность ее осмысления. В этом случае двусмысленность восприятия создается за счет омонимичности и полисемантической слов или фразеологических сочетаний.

Ийхом был одним из популярных приемов восточной поэзии. Умение пользоваться этим приемом являлось одним из критериев оценки мастерства того или иного поэта.

Ийхом часто встречается у Хафиза, Хосрова Дехлеви, Камала Ходжанди, Салмана Саважи, Низами, Джами, Физули и у многих других поэтов.

Широко использовал *ийхом* в своих произведениях и Алишер Навои (1441—1501). Остановимся на ряде примеров:

^v
Keca kelgumdur debon ul sarvi gulru kelmadi,
^v ^v
Közlaringa keca tong otqunca ujq u kelmadi. (БВ 608)

Двузначность слова *кеча* ('вчера', 'вечером') делает восприятие бейта также двузначным. В первом его значении бейт имеет следующий смысл:

'Та возлюбленная вчера обещала, что придет, но не пришла,
Поэтому вчера до утра я не мог уснуть'.

Во втором значении слова *кеча* бейт понимается несколько иначе:

'Та возлюбленная обещала, что придет вечером, но не пришла,
Поэтому вчера до утра я не мог уснуть'.

¹ Вахид Табризи. Джами Мухтасар. М., 1959 и др.

² А. Рустамов. «Сабаъи сайёра» тилининг бадий хусусияти. — Тошкент давлат университетининг илмий ишлари, шарҳ, филологияси масалалари, янги серия, 240 — чик,ши. Тошкент, 1964, стр. 62—63; Е. Исхоков. Алишер Навоийнинг илк лирикаси. Тошкент, 1965, стр. 116; *его же*. Классик адабиёт поэтикасидан маълумотлар. — Журн. «Узбек тили ва адабиёти», 1970, № 1, стр. 88—89.

В другом случае:

Pand äsitmaj sevdin^vg oni aj köngul^v cek dardu ranz^v,
Ozdurur har lahza gar juz munca odatdur sanga.
 (FC 37)

Здесь Навои использует многозначность глагола *ozdugur* ('мало', 'делать худым', 'сбивать с пути'), что делает возможным три различных толкования. При первом значении слова *ozdugur* бейт имеет следующий смысл:

'О сердце, ты не послушалось советов, полюбило её, теперь страдай,
 Если у тебя такая привычка, тебе еще мало'.

При втором значении *ozdugur* этот же бейт приобретает иной смысловой оттенок:

'О сердце, ты не послушалось советов, полюбило её, теперь страдай,
 Если у тебя такая привычка, то она сделает тебя худым'.

И, наконец, при третьем значении *ozdugur* двустипшие будет восприниматься:

'О сердце, ты не послушалось советов, полюбило её, теперь страдай,
 Если у тебя такая привычка, то она направит тебя по неправильному пути'.

Ийхом может использоваться и при наличии устойчивых словосочетаний на основе омонимичности одного из компонентов такого словосочетания. Так, например, в XV веке в староузбекском языке существовало два самостоятельных слова-омонима: *ајақ* 'чаша' и *ајақ* 'нога'. В современном узбекском языке *ајақ* 'чаша' самостоятельно не употребляется, но входит в состав парного сочетания: *idis-ајақ* 'посуда'.

Kelmasa ravsan zulol albatta bolur casma kör,
Bas ајақ cekma, Navoiy dijdaji girjonidin.
 (НШ 468)

При первом значении слова *ајақ* читаем:

'Если чистая вода не будет притекать, то родник высохнет,
 Хватит, не пей, Навои, из плачущих глаз',

при втором значении — смысл стиха иной:

'Если чистая вода не будет течь, то родник высохнет,
 Хватит, не уходи, Навои, от [её] плачущих глаз'.

Омонимичность слова *ајақ* Навои использует и в устойчивом сочетании *öz ајағи bila kelmoq* ('приходить своими ногами' и 'приходить со своей чашей'):

Humor aro tiladim soqiju qadah juz sukur,
Ki ulki men tiladim, keldi öz ајағи bila.
 (FC 574)

Ср.:

- 1) 'В похмелье просил я виночерпия и чашу, слава богу,
 Тот, кого я просил, пришел своими ногами'.
- 2) 'В похмелье я просил виночерпия и чашу, слава богу,
 Тот, кого я просил, пришел со своей чашей'.

Алишер Навои намеренно употребляет двусмысленное сочетание *acc'iyi kelsa* ('если разозлится', 'если будет горьким') в соответствующем контексте:

Sajh kaesar sarbati, men maj madhin dedim,
Acc'iyi kelsa ne tong, nevcunki acciq keldi haq.
 (БВ 325)

Ср.:

- 1) 'Шейх райский шербет, я [же] вино хвалил,
 Если разозлится [шейх], что удивительного, потому что
 правда всегда горька'.
- 2) 'Шейх райский шербет, я [же] вино хвалил,
 Если [вино] горькое, что удивительного, потому что
 правда всегда горька'.

Иногда в одном сочетании сталкиваются фразеологизм и термин, например: *baγri qaγo* 1) 'черногрудка' (рябок черногрудый — термин), 2) 'несчастный' (фразеологизм).

Bu toza tugonkim γamidin kōngul qarodur,
Kōnglum qusi γam dasti aro baγri qarodur.
 (НШ 200)

Ср.:

- 1) 'Эта чистая язва на сердце от печали,
 Птица сердца в печали — черногрудка'.
- 2) 'Эта чистая язва на сердце от печали,
 Птица сердца в печали несчастна'.

Интересно отметить, что это сочетание в значении упомянутого термина сохранилось в киргизском³, а как фразеологизм — в турецком⁴ языках.

У Навои часто в одном бейте совмещаются фразеологизм и свободное словосочетание. Персидское сочетание *ba šašm* в первом полустишии нижеследующего бейта употреблено как фразеологизм ('с удовольствием'), а во втором — как свободное сочетание ('глазами').

Guft: «Rahamro birōb», on sijmbar guftam: «ba casm»,
Guft digar: «Roh bizan obas», digar guftam: «ba casm».
 (ДФ П 128)

'Та сребротелая сказала: «Подмети дорогу», сказал я:
 «С удовольствием».
 Еще сказала: «Полей на дорогу воду», сказал я: «Глазами,
 [полью]».

Двойное смысловое восприятие возникает при использовании Навои сочетания *ilik jumoq* ('отрекаться', 'мыть руки'):

Dajr aro cin miγbasa al jori bōldi, aj kōngul,
Juw miγona maj bila ul nomusulmondin ilik.
 (FC 346)

³ Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 145.

⁴ Турецко-русский словарь. М., 1945, стр. 55.

Ср.:

- 1) 'Свеча разделяет мои страдания в день разлуки, подобно мне
Вино магов вымой руки из-за той нечестивицы'.
- 2) 'О сердце, раз та красавица стала в кабачке другом для всех,
Отрепись от вина магов и от той нечестивицы'.

Иногда Навои совмещает описание жеста, выраженное словосочетанием, и переносное значение этого словосочетания, представляющее собой фразеологизм⁵. Так, например, сочетание *qol qovuştirmoq* передает два различных оборота: 'сложить руки' (свободное сочетание) и 'выражать покорность' (фразеологизм).

v
*Qöllarini qovusturub jiroqdin,
Farmoniga muntazir qiroqdin.*
(ЛМ 355)

Ср.:

- 1) 'Сложив руки, издали
Его приказа ждал на пороге'.
- 2) 'Выразив покорность издали,
Его приказа ждал на пороге'.

Иногда разрывая фразеологизм, поэт вводит в его состав отдельные слова и даже словосочетания, придающие фразе двойкий смысл. Так, вводя в фразеологизм *žoni oʻziga kelmoq* слово *agar*, он создает два различных значения: 1) 'страдать', 'мучиться', а также 2) 'произносить слово «душа»'.

v v
*Žon labing osiqiju zikri mudom oʻzimda,
Raskdin zonim agar oʻzima kelsa, ne azab.*
(ФК 51)

Ср.:

- 1) 'Душа — поклонник твоих губ, всегда они у меня на устах,
Если от ревности измучаюсь, что удивительного'.
- 2) 'Душа — поклонник твоих губ, всегда они у меня на устах,
Если от ревности скажу «душа моя», что удивительного'.

Подставляя во фразеологизм *közni ravšan qilmoq* (ФС 33) словосочетание *mehr ila partav*, Навои придает ему двойное значение: 'озарить глаза' (светом солнца и луны) и 'радовать'.

v
*Mehr ila partavidin közni ravšan qilmadim,
Bölyali mehri ruhung mohijati ravšan mango.*
(ФС 33)

Ср.:

- 1) 'Я не осветил глаза светом солнца или луны,
Станет светом для меня истинное солнце твоего лица'.
- 2) 'Я не обрадовался, от ее [лучей] солнца и луны
Станет светом для меня истинное солнце твоего лица'.

⁵ И. В. Абрамец. Семантические основы некоторых приемов преобразования фразеологических единиц. Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1969, стр. 13.

Как известно, в некоторых фразеологизмах еще сохраняется первоначальное значение словосочетаний, послуживших для них основой. В этих сочетаниях чувствуется связь между переносным и свободным значениями, причем переносное значение может быть как народным, так и авторским, индивидуальным. Навои очень тонко использует эту особенность. Так, например, сочетание *öz joyiga özi qovugulmoq* употреблено в переносном смысле ('мучиться') и с использованием прямого значения входящих в него компонентов ('жариться на своем жиру').

Sam hamdardimdurur hizron kunikim men kibi,
Hazr ötida qovrulur ul doyi öz joyi bila. (FC 573)

Ср.:

- 1) 'Свеча разделяет мои страдания, в день разлуки подобно мне,
Горит в огне разлуки, мучается'.
- 2) 'Свеча разделяет мои страдания в день разлуки, подобно мне,
Горит в огне разлуки на собственном жиру'.

Сочетание *boš indurmoq* употребляется в значении 'склонить голову' и в значении 'прислушиваться'.

Isq aro gah-gahki al pandiga boš indurmadim,
Keldi turluk-turluk andin mozarolar bosima. (НШ 556)

Ср.:

- 1) 'В любви я не склонял голову перед советами людей,
Поэтому выпали на мою голову разные беды'.
- 2) 'В любви я не слушал советов людей,
Поэтому выпали на мою голову разные беды'.

Возможен и обратный процесс. Используя контекст, Навои употребляет некоторые фразеологизмы (например, *kopni korgan* (FC 545) в прямом значении ('видевший много')). При этом прямое значение доминирует над дополнительным фразеологическим значением ('опытный'):

Dema gul umrin oz aj boybonkim,
Seningdek kopni kormis bu camanda. (FC 545)

Ср.:

- 1) 'О садовник, не говори, что жизнь цветка коротка,
Как ты, он много видел в этом цветнике'.
- 2) 'О садовник, не говори, что жизнь цветка коротка,
Как ты, он опытен в этом цветнике'.

Приведенные примеры показывают, что чаще всего Навои создает *ийхом*, сталкивая в одном сочетании переносное и свободное значения. Таких примеров в произведениях Навои встречается много. Ср. *köz qaço qılmoq* (FC 752): 'красить глаза' и 'изменять'; *zop oyuçlamoq* (БВ 311): 'опасаться' и 'брать душу'; *otç iqaqmoq* (ФШ 255): 'быть именитым' и 'решать муаммо'⁶.

⁶ Əlişer Navaij. Hamsa, qisqartib basмага tajjarlavci S. Əjniy. Taskent, 1940, стр. 146.

Ийхом создается в большинстве случаев благодаря многозначности одного из компонентов сочетания. Например, глагол *jašort* означает 'обливать слезами', 'украшать', 'сделать молодым'. У Навои сочетание *köz jašortmoq* (ЛМ 374) употреблено в трех значениях: 'обливать слезами', 'украшать глаза', 'радовать'. Все это создает определенные трудности при переводе стихов Навои на русский и другие языки. Кстати, в осуществленном уже переводе лирики поэта на русский язык утрачена рассматриваемая особенность оригинала. Например, поэт А. Големба сочетание *baugi qano* переводит только как термин — черногрудка:

«Я в печали о ней, свежих язв не заметил вначале,
Птица сердце теперь — черногрудка в пустыне печали»⁷.

По нашему мнению, при переводе произведений как Навои, так и других классиков Востока, не следует оставлять без внимания такие художественно-стилистические особенности, как *ийхом* и другие специфические приемы. В тех случаях, когда поэт-переводчик не может найти эквивалентного выражения, целесообразно, по-видимому, дать сноску с указанием всех значений слова или фразеологизма. Это позволит переводчику хотя бы частично передать тонкости и своеобразие языка оригинала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ФС — Алишер Навоий. Фаройиб-ус-сиғар. Тошкент, 1959.
2. НШ — Алишер Навоий. Наводир-уш-шабоб. Тошкент, 1959.
3. БВ — Алишер Навоий. Бадоеъ-ул-васат. Тошкент, 1960.
4. ФК — Алишер Навоий. Фавойид-ул-кибар. Тошкент, 1960.
5. ДФ — Алишер Навоий. Девони Фоний, II. Тошкент, 1968.
6. ЛМ — Алишер Навоий. Лайли ва Мажнун, в кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
7. ЛТ — Алишер Навоий. Лисон-ут-тайр. Тошкент, 1968.
8. СС — Алишер Навоий. Сабъан сайёра, в кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.
9. ФШ — Алишер Навоий. Фарҳод ва Ширин, в кн.: «Хамса». Тошкент, 1960.

⁷ Алишер Навои, т. 2. Ташкент, 1969, стр. 32.

6 Советская тюркология, № 1

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Э. И. ФЛЫЛОВ, Н. РАСУЛОВА

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Лингвистическая исследовательская работа в Узбекистане ведется в Институте языка и литературы имени А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР, на языковедческих кафедрах Ташкентского государственного университета имени В. И. Ленина, Самаркандского государственного университета имени А. Навои, Ташкентского, Самаркандского, Ферганского, Бухарского, Наманганского, Андижанского, Ургенчского, Каршинского, Кокандского, Сыр-Дарьинского, Ангренского, Термезского пединститутов, а также в Ташкентском государственном институте иностранных языков и Ташкентском институте русского языка и литературы. Отдельные проблемы языкознания разрабатываются и на языковедческих кафедрах других высших учебных заведений республики.

Исследования последних лет сосредоточены на всесторонней разработке отдельных, недостаточно изученных вопросов морфологии, синтаксиса, стилистики, лексикологии, истории, проблем взаимодействия языков, на монографическом изучении диалектов и говоров, на исследовании трудов восточных филологов, на составлении толковых, двуязычных, исторических словарей, а также словарей отдельных писателей.

Исследование современного узбекского языка. В последние годы активизировалась разработка различных вопросов фонетики современного узбекского литературного языка. Сотрудниками ИЯЛ АН УзССР изучается артикуляционно-акустическая структура узбекских гласных и согласных. Отдельные результаты проделанной работы опубликованы¹.

Завершен труд, посвященный экспериментально-фонетическому исследованию повествовательных предложений в узбекском языке². С помощью электронно-вычислительных машин определена частотность букв и фонем в современном узбекском литературном языке³.

Значительное внимание уделяется языковедами республики вопросам культуры речи, орфографии, орфоэпии и пунктуации. На основе анализа становления и развития узбекской письменности в этих работах дается ряд практических рекомендаций по дальнейшему совершенствованию существующей орфографии, орфоэпии и пунктуации узбекского литературного языка⁴.

Вопросам культуры речи посвящены многочисленные публикации в республиканской периодике и прессе⁵, специально подготовленный сектором культуры речи ИЯЛ АН УзССР сборник статей⁶.

Плодотворная работа ведется в области исследования морфологического строя современного узбекского языка⁷. Подготавливается трех-

томная академическая грамматика, некоторые разделы которой опубликованы⁸.

Ряд работ посвящен детальному описанию отдельных частей речи и форм глагола современного узбекского языка⁹.

Большое внимание уделяется исследованию синтаксиса узбекского языка, а также спорным вопросам тюркского синтаксиса. Учеными республики всесторонне анализируются словосочетания, структура простого и сложного предложений, осложненные простые предложения, второстепенные и третьестепенные члены предложения, синтаксическая синонимика, прямая и косвенная речь, определительные конструкции, роль интонации в предложении и др.¹⁰

В настоящее время сотрудники сектора толкового словаря ИЯЛ АН УзССР заканчивают работу над составлением двухтомного толкового словаря узбекского языка, окончательное завершение которого планируется на 1972 год. Авторский коллектив работает на основе проспекта толкового словаря узбекского литературного языка¹¹ и карточного фонда, насчитывающего более 1 млн. выборок из художественной, публицистической и научно-популярной литературы. В 1970 г. вышел макет толкового словаря (10 а. л.), вынесенный на обсуждение широкой общественности.

В связи с бурным развитием науки и техники в республике возникла острая необходимость в создании новых и упорядочении уже вошедших в обиход научно-технических терминов. Основная работа в этой области сосредоточена в секторе терминологии ИЯЛ АН УзССР. Специалистами республики опубликован ряд работ по вопросам терминологии в различных областях науки. Подготовлены к печати терминологические словари¹², среди которых особого внимания заслуживают двухтомный «Русско-узбекский медицинский словарь» и «Ботанический атлас-словарь».

За последние годы вышел в свет ряд двуязычных словарей¹³. Первые был издан обратный словарь узбекского языка¹⁴.

В республике создан ряд трудов, в которых разработаны отдельные лексикологические и лексикографические проблемы узбекского языка: явления синонимии и омонимии, фразеологизмы, этимология слов, парные и изобразительные слова, лексика свадебных обрядов, лексика одежды, пищи, наименования блюд и т. д.¹⁵

В отдельных работах рассматриваются спорные вопросы топонимики и ономастики¹⁶.

Исследование узбекских диалектов и говоров. Ведущим центром научно-исследовательской работы по диалектологии является сектор диалектологии ИЯЛ АН УзССР. Диалектологами республики собран большой фактический материал по лексике, фонетике, морфологии и синтаксису узбекских диалектов, а также составлены образцы диалектных текстов в фонетической транскрипции.

В настоящее время группа диалектологов Ташкента закончила и сдала в печать однотомный диалектологический словарь узбекского языка¹⁷.

Сектор диалектологии ИЯЛ АН УзССР занят подготовкой больших академических изданий диалектных материалов¹⁸, в первую очередь — атласа узбекских народных говоров. В будущем планируется многотомное издание словаря узбекских диалектов.

Наряду с подготовкой крупных коллективных изданий диалектологи работают над отдельными монографическими описаниями диалектов и говоров узбекского языка. Обобщены и изданы исследования по диалек-

там Ташкента, Андижана, Намангана, Самарканда, Хорезма, Бухары и прилегающих к ним районов, а также Кашка-Дарьи и Сурхан-Дарьи¹⁹.

Исследования по истории языка. Особенно плодотворно и успешно разрабатываются проблемы истории узбекского языка, исследования и публикации трудов восточных филологов. Центральная коллективная работа историков языка — составление словаря Алишера Навои и создание исторической грамматики узбекского языка.

Значительные работы в этой области созданы рядом узбекских языковедов²⁰.

Отдельным проблемам истории узбекского языка и других тюркских языков посвящены многочисленные публикации в академических журналах и газетах²¹.

За последнее время возрос интерес к таким общелингвистическим проблемам, как ленинское учение о языке, соотношение языка и мышления, социальные и теоретические проблемы развития языка, типологическое и сопоставительное исследование разнотипных языков, взаимоотношение и взаимовлияние языков на территории Узбекистана²².

Начиная с 1958 года издается журнал «Ўзбек тили ва адабиёти» — научный орган ИЯЛ АН УзССР. В этом журнале, выходящем 6 раз в год, публикуются главным образом статьи, посвященные узбекскому языкознанию. За последние годы в республике проведен ряд научно-теоретических конференций, на которых обсуждались актуальные проблемы языкознания в Узбекистане²³. Подготовлены материалы к Всесоюзному диалектологическому совещанию²⁴.

¹ А. Абдуазизов. Фонологический анализ гласных узбекского языка. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; С. Акабиров. Есть ли необходимость в возвращении от «г» к «h»? — Ж. ЎТА, 1970, № 1; С. Атамирзаева. Фонологическое положение заимствованного звука. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; Б. Джураев. О явлении метатезы. — Ж. ЎТА, 1968, № 5; А. Махмудов. Гласные узбекского языка. Ташкент, 1968 (на русском языке); А. Махмудов. Сопоры узбекского языка. — Ж. ЎТА, 1969, № 6; С. В. Протогенов. История учения о фонеме. Ташкент, 1970 (на русск. яз.).

² Д. Ниязов. Интонация повествования в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969; *его же*. Из опыта экспериментально-фонетического исследования повествовательных предложений узбекского языка. — Ж. ЎТА, 1967, № 6.

³ С. Ризаев. Статистическое исследование графической и фонологической систем современного узбекского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; *его же*. Вопросы изучения статистических методов современного узбекского литературного языка. — Ж. ЎТА, 1966, № 4; *его же*. К вопросу изучения частотности двухфонемных сочетаний в современном узбекском печатном тексте. — «Ўзбек тилшунослигининг баъзи масалалари», вып. 2. Ташкент, 1970; *его же*. Некоторые данные о статистических исследованиях лексики современного узбекского литературного языка (на узб. яз.). — «Вопросы кибернетики и вычислительной математики», вып. 23. Ташкент, 1968; *его же*. Некоторые данные о статистических исследованиях фонологических систем современного узбекского литературного языка. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; *его же*. Частотность букв и фонем в современном узбекском литературном языке (по материалам языкознания, литературоведения и физики). Ташкент, 1967 (на узб. яз.).

⁴ Б. Абидов. Единый орфографический режим. — Ж. СМ, 1969, № 5; С. Атамирзаева. К вопросу дальнейшего совершенствования алфавита узбекского языка. — Ж. ОНУ, 1968, № 3; Х. Газиев. Некоторые вопросы дореволюционной и послереволюционной узбекской пунктуации. Ташкент, 1969 (на узб. яз.); Х. Газиев. Формы и количество знаков препинания. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; С. Ибрагимов. О развитии нашей орфографии. — Газ. ЎМ, 1967, 31 октября; С. Ибрагимов. О развитии узбекской национальной письмен-

ности. — Ж. ЎТА, 1970, № 2; С. *Ибрагимов*. Произношение и правописание. — Газ. ЎМ, 1967, 10 октября; А. *Магруфов*. Некоторые вопросы орфоэпии и орфографии. — Ж. СМ, 1968, № 2; Н. *Маматов*. О вопросах узбекского алфавита. — Газ. ЎГ, 1968, 12 мая; Н. *Маматов*, С. *Атамирзаева*. Правописание и произношение. — Газ. ЎМ, 1969, 20 мая; К. *Назаров*. О двойном употреблении многоточия. — Ж. ЎТА, 1967, № 2; К. *Назаров*. Пунктуация и письменная речь. — Газ. ЎГ, 1969, 20 февраля; Алим *Усман*. Нормы произношения. — Газ. ЎМ, 1969, 23 мая; Ш. *Шабдурахманов*. Знаки препинания в узбекском языке. — Ж. СМ, 1970, № 6.

⁵ Г. *Абдурахманов*. О стилистических нормах. — Ж. ЎТА, 1969, № 6; Алибек. Язык и стиль. — Ж. СМ, 1967, № 8; Ш. *Афзалов*. Еще о нашей речи. — Ж. ФТ, 1967, № 8; Н. *Ахмедов*. За чистоту родного языка. — Газ. ЎГ, 1967, 10 декабря; Э. *Бегматов*. Культура речи. — Газ. ЎГ, 1969, 25 мая; Р. *Джуманиязов*. Великий мастер культуры речи. — Газ. ТХ, 1969, 19 августа; Р. *Джуманиязов*. О культуре речи учащихся. — Газ. ЎГ, 1969, 29 мая; С. *Зуфаров*. О культуре речи. — Газ. ТХ, 1967, 5 марта; С. *Ибрагимов*. О культуре нашей речи. — Газ. ЎМ, 1969, 16 мая; И. М. *Мулинов*. О культуре речи. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; И. *Ташалиев*, М. *Джурабаева*. О языке и стиле. — Газ. ТО, 1969, 25 ноября; Алим *Усман*. Важные проблемы культуры речи. — Ж. ЎТА, 1970, № 3; *его же*. Пять слов. — Газ. ЎГ, 1969, 25 мая; Ш. *Шабдурахманов*. Мастер слова. — Газ. ТО, 1970, 13 июля и др.

⁶ Вопросы культуры речи узбекского языка. Ташкент, 1970 (в печати).

⁷ Вопросы грамматического строя и диалектологии узбекского языка, II серия. — «Научные труды СамГУ». Самарканд, 1969 (на узб. яз.); Вопросы узбекского языка и литературы. — «Научные труды Наманганского ГПИ» Ташкент, 1968 (на узб. яз.); Вопросы узбекского языка и литературы. — «Научные труды СамГПИ», новая серия, № 1. Самарканд, 1969 (на узб. яз.); Вопросы узбекской филологии. — «Научные труды ТашГУ». Ташкент, 1968 (на узб. яз.); Некоторые вопросы узбекского языкознания, вып. 2. Ташкент, 1970 (на узб. яз.); Труды аспирантов ТашГУ (литература и языкознание). — «Научные труды ТашГУ», вып. 360. Ташкент, 1970 (на узб. яз.).

⁸ Ф. А. *Абдуллаев*. О структуре академической грамматики узбекского литературного языка. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; М. А. *Аскарова*. Формы подчинения и придаточные предложения в узбекском языке. Ташкент, 1966 (на узб. яз.); А. Г. *Гулямов*. Некоторые вопросы синтаксиса узбекского языка. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; А. *Ходжиев*. Недостаточный глагол. Ташкент, 1970 (на узб. яз.).

⁹ А. *Абдуллаев*. Морфологический способ усиления значения. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; С. *Аблакулов*. Абстракция и словообразование. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; Дж. *Амантурдыев*. Относительно форм, возникших в результате эквивалентности. — Ж. ЎТА, 1967, № 1; М. А. *Аскарова*. Некоторые размышления над местоимениями. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; А. *Бердиалиев*. О путях образования сложных аффиксов. — Ж. ЎТА, 1969, № 5; С. Н. *Иванов*. Отрицательная форма узбекского перфекта. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; Р. *Икримова*. Некоторые формы существительных, образованные аналитическим способом. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; К. *Мухиддинов*. О значениях и функциях некоторых аффиксов. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; М. *Садыкова*. Некоторые особенности производных прилагательных. — Ж. ЎТА, 1969, № 6; Б. *Турдыалиев*. Из морфологии языка периодической печати, 1905—1917 гг. — Ж. ЎТА, 1968, № 6; А. *Ходжиев*. Временные формы глагола в узбекском языке. — Ж. ЎТА, 1968, № 5; *его же*. Об одном явлении, связанном с недостаточным глаголом. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; *его же*. О глагольных наклонениях. — Ж. ЎТА, 1969, № 6; *его же*. О «переходности» и «непереходности» глаголов. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; *его же*. О формах *-экан* и *-кин*. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; *его же*. Формы прошедшего времени глагола. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; Д. *Эшандадаев*. О синтетическом способе образования глаголов. — Ж. ЎТА, 1968, № 1; *его же*. О функциях аффикса *-миш*. — Ж. ЎТА, 1967, № 1 и др.

¹⁰ А. *Абдуллаев*. К эволюции тюркского синтаксиса. — Ж. ОНУ, 1967, № 3; Г. А. *Абдурахманов*. Изучение синтаксиса тюркских языков. — Ж. ОНУ, 1967, № 11; А. С. *Сафаров*. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968 (на русск. яз.); Ю. *Абдуллаев*. Словосочетание и предложение. — Газ. ЎГ, 1969, 4 сентября; Ф. *Абдуллаев*. Некоторые вопросы синтаксиса словосочетаний. — Ж. ЎТА, 1969, № 1; Ф. *Абдуллаев*, Ш. *Рахматуллаев*. Некоторые виды грамматической связи в узбекском языке. — Ж. ЎТА, 1968, № 5; Х. *Абдуллаев*. Переразложимые синтаксические конструкции. — Ж. СМ, 1968, № 3,

А. Сафаса. О компоненте синтаксической конструкции. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; Н. Расулов. Классификация простых предложений по составу структурных основ. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; Э. Шадамов. Некоторые особенности слов-предложений. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; С. Рашидова. Вопросительные предложения в составе сложносочиненных предложений. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; А. Ходжиев. О сложных предложениях с придаточными, сказуемое которых выражено формой па (-а) р-л жан. — Ж. ЎТА, 1967, № 1; Х. Балтабасва. Осложненные простые предложения в современном узбекском языке. Ташкент, 1969 (на узб. яз.); А. Пулатов. Об обстоятельстве цели. — Ж. ЎТА, 1968, № 5; его же. Обстоятельство меры и степени. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; А. Сайфуллаев. Обособленные главные члены предложения. — Ж. СМ, 1969, № 1; его же. Обособленные обстоятельства. — Газ. ЎГ, 1969, 2 октября; его же. Определение. — Газ. ЎГ, 1968, 12 сентября; его же. Трестепенные члены предложения. — Ж. СМ, 1967, № 1; Ф. Убасва. Категория обстоятельства. — Газ. ЎГ, 1967, 26 января; её же. Обстоятельство места. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; О. Ахмедов. О структуре некоторых синтаксических синонимов. — Ж. СМ, 1968, № 4; О. Исраилов. Некоторые особенности прямой и косвенной речи. — Ж. СМ, 1968, № 7; Х. Абдурахманов. Структурные особенности словосочетаний с прилагательными. — Газ. ЎГ, 1967, 5 января; К. Мелиев. Некоторые обороты в форме определительных конструкций. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; Д. Ниязов. Интонация повествовательных предложений. — Ж. ЎТА, 1969, № 1; Ш. Рахматуллаев. Некоторые понятия и термины, относящиеся к предложению и словосочетанию. — Ж. ЎТА, 1968, № 6; А. Р. Сайфуллаев. Обращение в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1968 (на узб. яз.); Н. Ташалиев. О вводных конструкциях. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; его же. Об ограничении вводных конструкций. — Ж. ЎТА, 1969, № 1.

¹¹ Узбек тилининг изоҳли лугатини тузиш учун кўлланма. Тошкент, «ФАН» нашриёти, 1964.

¹² С. Акабиров. Язык и терминология. Ташкент, 1968 (на узб. яз.); Р. Данияров. О термине и терминологии. — Ж. ЎТА, 1970, № 2; Ф. Зикриллаев. Образование физических терминов в узбекском языке. — Ж. ЎТА, 1967, № 3; его же. О русско-узбекских физических терминах. — Газ. ЎГ, 1967, 18 мая; О. Рамазанов. Основные способы образования математических терминов. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; М. Сабиров. О математическом словаре и терминологии. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; С. Усманов. Некоторые вопросы узбекской терминологии. Ташкент, 1969 (на узб. яз.); Ю. Эшанкулов. Народные термины виноградарства. — Ж. ЎТА, 1967, № 4. Словари: М. М. Набиев. Ботаника атлас-лугати, масъул муҳаррир: К. З. Зокиров. Тошкент, 1969; Русско-узбекский медицинский словарь. Под общей редакцией акад. Я. Х. Туракулова. Ташкент, 1962; Х. Хюмидий ва бошқ. Адабиётшунослик терминологияси лугати, муҳаррир: Н. М. Маллаев. Тошкент, 1967; Н. Т. Хўтамов. Адабиётшуносликдан қисқича русча-узбекча терминологик лугат. Тошкент, 1969.

¹³ Я. Беньяминов, Т. Мирсоатов. Ўзбекча-немисча лугат (урта мактаблар учун). Тошкент, 1967; Ж. Буранов ва бошқ. Инглизча-узбекча лугат (урта мактаблар учун). Тошкент, 1968; Ж. Буранов ва бошқ. Ўзбекча-инглизча лугат (урта ва бошқ. а мактаблар учун). Тошкент, 1969; А. Пирвердянц ва бошқ. Французча-узбекча сузлашув китоби. Тошкент, 1967; Қисқича узбекча-русча лугат (олий мактаб студентлари учун), муҳаррир: О. А. Азизов. Тошкент, 1969; Частотный русско-узбекский словарь-минимум, составители: Р. И. Бигиев, Э. Р. Гукасянц, Г. Н. Михайлов и др. Ташкент, 1967.

¹⁴ В. Кунгуров, Н. А. Тихонов. Обратный словарь узбекского языка. Самарканд, 1970.

¹⁵ Н. Раджабов. Об омонимах. — Ж. СМ, 1967, № 8; С. Сулганов. Омонимичные вспомогательные слова. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; А. Данияров. Фразеологические синонимы. — Ж. СМ, 1967, № 4; Р. Джуманиязов. Вопрос определения синонимов. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; Х. Мавланова. Относительно классификации синонимов. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; Ш. Рахматуллаев. Краса нашей речи. Ташкент, 1970 (на узб. яз.); А. Г. Гулямов. Из жизни слов. — Ж. ЎТА, 1969, № 4 и № 6; А. Г. Гулямов. О происхождении слова «хужа». — Ж. ФТ, 1970, № 1; Б. Джураев. О происхождении и правописании одного слова. — Ж. ЎТА, 1967, № 2; Х. Зариф. Интересное совпадение. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; Э. Умаров. Из истории двух выражений. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; Н. Абдурахманов. Парные слова в узбекском языке (пособие для студентов филол. факультетов). Самарканд, 1969 (на узб. яз.); Р. Кунгуров. Изобразительные слова в узбекском языке. Ташкент, 1967 (на узб. яз.); М. Асамуддинова. Из лексики одежды. — Ж. ЎТА, 1968, № 5;

Р. Икрамова. О принципах наименования блюд в узбекском языке. — Ж. УТА, 1967, № 1; *О. Абдуназаров.* Некоторые семантико-стилистические особенности лексики журнала «Муштум». — Ж. УТА, 1968, № 6; *Э. Киличев.* Историзмы в прозе Садриддина Айни. — Ж. СМ, 1969, № 5; *М. Мукаррамов.* Классификация уподоблений. — Ж. УТА, 1968, № 5; *К. Мусаев.* Калькирование — одно из средств развития и обогащения словарного фонда узбекского языка. — Ж. ОНУ, 1967, № 2; *Г. Мухамеджанова.* Относительно изменений в лексическом составе узбекского языка. — Ж. УТА, 1968, № 2; *А. Абдуазизов.* Первые словари. — Газ. УГ, 1969, 29 мая; *А. Ахмедов, С. Мурадов.* Трехязычный словарь. — Ж. УТА, 1968, № 1; *С. Зайцев.* Об иллюстрированной части словника русско-национальных словарей. — Ж. ОНУ, 1967, № 8; *С. Зуфаров.* Толковый словарь узбекского языка. — Газ. ТХ, 1968, 11 июня; *Н. Маматов.* Об орфографическом словаре. — Газ. УМ, 1969, 7 января; Руководство для составления узбекско-русского словаря. Ташкент, 1969; *Х. Турсунходжаева.* Подача некоторых глагольных форм в толковом словаре и принципы их толкования. — Ж. УТА, 1969, № 6; *К. Х. Ханазаров, Д. Х. Базарова.* Из опыта составления французско-узбекского словаря. — Ж. ОНУ, 1969, № 1; *К. Шарифудинова.* О словнике русско-узбекского словаря. — Ж. УТА, 1968, № 4; *её же.* Раскрытие значений слова в двуязычном словаре. Ташкент, 1968 (на русск. яз.).

¹⁶ *З. Дусимов.* Образование топонимов Северного Хорезма. — Ж. УТА, 1969, № 5; *С. Зинин.* О микротопонимии Ташкента. — Ж. ОНУ, 1967, № 2; *А. Ишяев.* О гидрониме «к1ашк1а». — Ж. УТА, 1967, № 3; *Ш. Кадырова.* Этимологическая характеристика ташкентской микротопонимии. — Ж. УТА, 1969, № 3; *С. Караев.* Знаете ли вы значения географических названий (топонимический словарь). Ташкент, 1970 (на узб. яз.); *его же.* К выходу топонимического словаря. — Ж. ОНУ, 1967, № 8; *Б. Кариев.* О литературных псевдонимах. — Ж. УТА, 1967, № 1; *Л. Каримова.* Морфологическая структура топонимов. — Ж. УТА, 1969, № 5; *Я. Менажиев* и др. Что означает ваше имя? Ташкент, 1968 (на узб. яз.); *Т. Муллаев.* Топонимия Южного Казахстана. — Ж. УТА, 1968, № 1; *Т. Нафасов.* Толкование имен. — Ж. Г, 1968, № 7; *Х. Рахматуллаев.* По следам древних названий. — Газ. СЎ, 1970, 12 марта.

¹⁷ Диалектологический словарь узбекского языка. Ташкент, 1970 (в печати); *А. Г. Гулямов.* О диалектологическом словаре. — Ж. УТА, 1968, № 4; *Я. Гулямов, К. Назаров.* Некоторые вопросы составления диалектологического словаря. — Ж. УТА, 1968, № 6; *А. Ишяев, Ш. Насыров, Д. Абдурахманов.* Из опыта составления словаря узбекских диалектов. — Ж. УТА, 1969, № 5.

¹⁸ Например: Лексика узбекских говоров (*коллектив*). Ташкент, 1966; Материалы по узбекской диалектологии (*коллектив*), т. I—II. Ташкент, 1957—1961 (на узб. яз.); *Ш. Шаабдурахманов.* Диалектологический атлас узбекского языка. — Ж. УТА, 1969, № 3; *Ш. Шаабдурахманов, А. Ишяев.* Изучение узбекских говоров и очередные задачи. — Ж. УТА, 1969, № 5.

¹⁹ *Ф. А. Абдуллаев.* Фонетика хорезмских говоров. Опыт монографического описания огузского и кипчакского наречий узбекского языка. Ташкент, 1967; *Д. Абдурахманов.* Гаммаки и их говор. — Ж. УТА, 1969, № 1; *А. Алиев.* Наманганская группа диалектов. — Ж. УТА, 1969, № 5; *И. Асфандияров.* О ташкентском говоре. — Газ. УГ, 1967, 15 октября; *Я. Г. Гулямов.* Грамматика ташкентского говора. Ташкент, 1968; *Х. Данияров.* Описание шести рукоинсей. — Ж. Г, 1968, № 11; *его же.* Шаджара и говоры узбекского народа. Ташкент, 1968; *Ю. Джуманазаров.* Материалы по синтаксису хорезмских диалектов. — Ж. УТА, 1967, № 2; *его же.* Разговорная речь. — Газ. УГ, 1969, 20 ноября; *Б. Джураев.* Узбекские говоры Верхней Кашка-Дарьи. Ташкент, 1969 (на узб. яз.); *Б. Джураев.* Тяжелые говоры. — Ж. ФТ, 1968, № 7; *Б. Джураев, Т. Кудратов.* Фонетические особенности переходных говоров. — Ж. УТА, 1968, № 2; *С. Ибрагимов.* Андижанский говор узбекского языка. Фонетика и морфология. Ташкент, 1967 (на узб. яз.); *С. Исхакова.* К характеристике лексики сибирских узбеков («бухарцев»). — Ж. ОНУ, 1969, № 7; *С. Исхакова.* О языке сибирских «бухарцев». — Ж. ОНУ, 1968, № 5; *А. Ишяев.* Имеются ли узбекские говоры в Западной Сибири. — Ж. УТА, 1968, № 5; *М. М. Мирзаев.* Бухарская группа говоров узбекского языка. Ташкент, 1969 (на узб. яз.); *К. Мухамеджанов.* Глагол настоящего времени в северных узбекских диалектах. — Ж. УТА, 1969, № 5; *его же.* Гласные чимкентского диалекта. — Ж. УТА, 1968, № 2; *его же.* Из лексики северных узбекских диалектов. — Ж. УТА, 1969, № 2; *К. Назаров.* Относительно классификации северных узбекских диалектов. — Ж. УТА, 1969, № 5; *К. Назаров, Л. Каримова.* К изучению североузбекских говоров. — Ж. ОНУ, 1969, № 10; *Ш. Насыров.* Словообразование в узбек-

ских говорах. — Ж. ЎТА, 1969, № 1; Т. Садыков. О ташкентской фразеологии. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; И. Сарымсаков. Об избасканском диалекте. — Ж. СМ, 1970, № 5; М. Турабова. Некоторые лексические особенности бостандыкского говора. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; *её же*. Порядок членов предложения в узбекских говорах. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; А. Турсунов. Балыкчинский говор. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; *его же*. Соответствие некоторых согласных в говорах балыкчинской группы. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; *его же*. Характерные особенности говоров Северной Ферганы. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; Б. Турдыалиев. Отношение языка печати к диалектам. — Ж. ЎТА, 1969, № 5; К. Усминов. Описательные формы настоящего времени глагола в узбекских говорах. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; Ш. Шаабдурахманов, А. Ишаев. Об одном фонетическом явлении в узбекских говорах. — Ж. УТА, 1969, № 4; М. Шаиноятова. Некоторые послелогии в узбекских говорах. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; Х. Шарипов. Классификация узбекских говоров Южной Киргизии. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; Ш. Эгамбердыева. Глагол прошедшего времени в фаршском говоре. — Ж. ЎТА, 1970, № 1; Т. Юлдашев. Времена глаголов в узбекских говорах Таджикистана. — Ж. ЎТА, 1970, № 1.

²⁰ Г. А. Абдурахманов. Исследование по старотюркскому синтаксису (XI век). М., 1967; Дивану лугат-ит турк. Индекс — словарь. При участии и под редакцией Г. А. Абдурахманова и С. М. Муталлибова. Ташкент, 1967; С. М. Муталлибов. Аттух, фатуз закнйту филлугатит туркия. Ташкент, 1968; Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века, т. I. Ташкент, 1966; т. II. Ташкент, 1970; *его же*. Древние памятники и язык Алишера Навои. Ташкент, 1969, на узб. яз.; С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази Хана. Ташкент, 1969; Ш. Шукуров. История развития глагольных форм узбекского языка. Настоящие и будущие времена. Ташкент, 1966; К. Каримов. Кутадгу биллг. Транскрипция, перевод на узбекский язык, исследование (в печати); К. Мелиев. Имена действия в современных тюркских языках. Ташкент, 1969, на узб. яз.; У. Турсунов, Б. Уринбаев. Очерки по истории узбекского литературного языка. Самарканд, 1969, на узб. яз.

²¹ Ф. А. Абдуллаев. Огузская традиция в узбекском литературном языке XV века. — Ж. ЎТА, 1968, № 3; *его же*. Хамза и узбекский литературный язык. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; А. Либек. О местно-временных падежах в языке Алишера Навои. — Ж. ЎТА, 1967, № 3; Дж. Амантурдыев. Изафет в поэзии Навои. — Газ. ЎГ, 1967, 9 февраля; Д. Базарова. О некоторых особенностях аффиксов -к, -з, -н в тюркских языках. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; Б. Бафоев. Аффикс -истон в поэзии Навои. — Газ. ЎГ, 1967, 9 февраля; Х. Бектемиров. Из истории изучения намэ. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; А. Г. Гулямов. Из истории узбекского языкознания. — Ж. ОНУ, 1967, № 11; *его же*. Из истории узбекского языкознания. — Ж. ЎТА, 1967, № 4; Х. Данияров. Термины «турк», «узбек» и «туркмен» в произведениях А. Навои. — Ж. ОНУ, 1968, № 9; С. Н. Иванов. О категории принадлежности в староузбекском языке (по «Родословному древу тюрков» Абу-л-Гази Хана). — Ж. ОНУ, 1967, № 9; С. Караев. Навои и топонимика. — Ж. ЎТА, 1968, № 3; К. Каримов. Личные имена в «Кутадгу биллг». — Ж. ЎТА, 1967, № 2; Х. Мамадов. Искусство Навои в использовании слов с одинаковыми корнями. — Ж. ЎТА, 1969, № 5; *его же*. Об отдельных лексических единицах в произведениях Навои. — Ж. ЎТА, 1968, № 6; К. Махмудов. Произношение арабских и персидских слов в письменных памятниках XI—XIV веков. — Ж. ЎТА, 1968, № 2; К. Мелиев. О глагольной форме, образованной при помощи аффикса -гусн. — Ж. ЎТА, 1967, № 2; *его же*. Форма уподобления причастия прошедшего времени. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; М. Мирзасев. Богатство языка Навои. — Газ. СЎ, 1968, 31 июля; У. Мирзакаримова. Морфологические особенности языка «Кисаси Рабгузи». — Ж. ЎТА, 1969, № 1; Х. Нигматов. Классификация М. Кашгари тюркских языков XI века. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; Н. Расулова. Абу-Хайян и его книга «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак». — Ж. ОНУ, 1968, № 10; *её же*. «Китаб ал-идрак» и его автор. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; М. Рахматуллаева. Слова-синонимы в «Навадир-ун-нихайа». — Газ. ЎГ, 1967, 9 февраля; А. Рустамов. Язык и стиль Алишера Навои. — Газ. ЎГ, 1967, 23 июля; Б. Турдыалиев. О языке произведений Хамзы. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; Э. Умаров. Фразеологизмы в «Хазайин-ул-ма'ани». — Ж. ЎТА, 1968, № 2; Э. Фазылов. О создании словаря языка А. Навои. — Ж. ОНУ, 1968, № 9; *его же*. О создании словаря языка А. Навои. — Ж. ЎТА, 1968, № 3; Э. Фазылов, У. Санакулов. Из истории изучения языка Алишера Навои. — Ж. ЎТА, 1968, № 4; Ш. Файзуллаева. О лексике «Китабу булгат ал-муштак

фи-лугати-т-турк ва-л-кифчак». — Ж. ЎТА, 1968, № 5; *её же*. О словаре Джамал ад-дина Турки. — Ж. ОНУ, 1968, № 12; *её же*. Словарь Джамал ад-дина Турки. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; А. Хаметова. Усилительные слова в тюркских языках. — Ж. ЎТА, 1967, № 6; А. Хаметова. Слово «энг» в тюркских языках. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; А. Хафизова. О лексике «Келюр-намэ». — Ж. ЎТА, 1968, № 5; Ш. Шукуров. К истории изучения узбекского языка. — Ж. ЎТА, 1969, № 2.

²² Ф. А. Абдуллаев. В. И. Ленин и основные вопросы языкознания. — Ж. ЎТА, 1969, № 3; *его же*. Ленин и проблемы языка. — Газ. ЎМ, 1969, 15 апреля; Э. Бегматов. Ленин и родной язык. — Ж. СМ, 1970, № 4; А. Маматов. В. И. Ленин о языке и художественном стиле. — Газ. ЎГ, 1969, 29 мая; С. Усманов. Ленин и языкознание. — Газ. ЎГ, 1970, 22 января; К. Х. Ханазаров. В. И. Ленин и развитие национальных языков. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; *его же*. Ленин и развитие национальных языков. — Газ. ЎМ, 1969, 14 марта; *его же*. Учение вождя о национальных языках. — Ж. ЎТА, 1970, № 2; Ш. Шаабдурахманов. Суждение вождя о диалекте. — Ж. ЎТА, 1970, № 2; Ф. Абдуллаев, Ш. Шаабдурахманов. Узбекское языкознание за 50 лет. — Ж. ЎТА, 1967, № 5; С. Аблакулов. Из истории языка и мышления. Ташкент, 1969; *его же*. Язык и мышление. — Ж. СМ, 1968, № 4; М. Аскарлова. Ключ к наукам. — Газ. ЎГ, 1969, 25 мая; Г. Каримов. Некоторые особенности развития узбекского литературного языка. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; Алим Усман. Некоторые вопросы узбекского литературного языка. — Газ. СЎ, 1969, 24 мая; С. Усманов. Некоторые вопросы теории языка. — Ж. ЎТА, 1970, № 2; Э. И. Фазылов. Теоретические проблемы. — Газ. ЎГ, 1969, 25 мая; М. Ш. Ширалиев. Советская тюркология на новой ступени. — Ж. ЎТА, 1968, № 1; К. Х. Ханазаров. Общесоциологические основы развития языка. — Газ. ЎГ, 1969, 25 мая; *его же*. Содружество межнационального языка и национальных языков в СССР. Ташкент, 1968 (на узб. яз.); К. Х. Ханазаров, А. Г. Гулямов. Современность и литературный язык. — Газ. СЎ, 1969, 27 мая; Н. А. Баскаков. Русские имена тюркского происхождения. — Ж. ФТ, 1970, № 1; *его же*. Русские слова тюркского происхождения. — Ж. ФТ, 1969, № 12; Н. Р. Каримова. Английские связочные глаголы со значением «становление» и их соответствия в узбекском языке. — Ж. ОНУ, 1969, № 5; *её же*. Английские связочные глаголы со значением «сохранение признака или состояния» и их эквиваленты в узбекском языке. — Ж. ОНУ, 1969, № 6; *её же*. О глаголах-связках в узбекском и русском языках. — Ж. ЎТА, 1969, № 4; К. Мусаев. Некоторые вопросы перевода фразеологических единиц с английского на узбекский язык. — Ж. ЎТА, 1967, № 4; Г. Мухамеджанова. Тюркские заимствования в русском языке. — Ж. Г, 1967, № 7; А. Панкратьева. Соотношение слов, выражающих цвет в узбекском и русском языках. — Ж. ЎТА, 1969, № 1; Ю. Эвангелопулос. О взаимовлиянии греческого и тюркских языков. — Ж. ОНУ, 1969, № 7; *его же*. Тюркские элементы в новогреческом языке. — Ж. ЎТА, 1969, № 2; О. Юнусова. Передача английского простого нейтрального вопроса на узбекский язык. — Ж. ЎТА, 1969, № 6; М. Х. Якубова. Способ передачи русских прилагательных на узбекский язык. — Ж. ОНУ, 1969, № 5; *её же*. О способах передачи русских прилагательных с суффиксом -и на узбекский язык. — Ж. ЎТА, 1968, № 4.

²³ Материалы I научно-теоретической конференции профессоров и преподавателей СамГУ им. А. Навои и СамГПИ им. С. Айни. Самарканд, 1968; Материалы II научной конференции профессоров и преподавателей СамГПИ им. С. Айни. Самарканд, 1968; Материалы XXIV научной конференции профессоров и преподавателей СамГУ им. А. Навои, серия филологическая. Самарканд, 1969; Некоторые вопросы узбекского языкознания. Тезисы докладов конференции молодых ученых. Ташкент, 1969; Тезисы докладов республиканской конференции языковедов, посвященной вопросам культуры речи узбекского языка. Ташкент, 1969.

²⁴ Тезисы докладов VI регионального совещания по диалектологии тюркских языков. Ташкент, 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

Г — Гулистон	ТО — Тошкент оқшоми
ИЯЛ — Институт языка и литературы	ТХ — Тошкент хаткиқлати
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане	ФТ — Фан ва турмуш
СМ — Совет мактаби	ЎМ — Ўзбекистон маданияти
СЎ — Совет Ўзбекистони	ЎТА — Ўзбек тили ва адабиёти
	ЎГ — Ўқитувчилар газетаси

J. NEMETH. DIE TÜRKISCHE SPRACHE IN UNGARN IM SIEBZEHNTEN JAHRHUNDERT*

Проф. Ю. Немет, автор реферируемой монографии, является одним из наиболее известных представителей современной тюркологии. Его труды по истории тюркских языков, благодаря глубине научного анализа и широте диапазона привлекаемого к исследованию материала, занимают важное место в тюркологической литературе.

Творческие искания Ю. Немета проявились особенно ярко в его исследованиях, посвященных описанию и анализу диалектов турецкого языка на Балканском полуострове.

Завоевания Османской империи на Балканах не могли не отразиться как на исторических судьбах, так и на языке народов, населяющих этот полуостров. Турецкий язык находил все большее распространение в странах, находящихся под господством Османской империи: Албании, Венгрии, Боснии. На турецком языке говорили в армии, он преподавался в школах, был распространен среди духовенства и в торговом мире. Оказывая воздействие на языки местных народностей, турецкий язык в свою очередь испытывал обратное влияние этих языков и не только в области лексических заимствований, но и в плане грамматическом. Такое взаимодействие между турецким языком и языком аборигенов, длившееся многие десятилетия (в Венгрии — 150, а в других балканских странах около 500 лет) (114)**, привело в конечном итоге к своеобразному двуязычию, что в свою очередь имело следствием образование местных диалектов общеосманского турецкого языка: болгарского, венгерского, сербскохорватского.

Эти диалекты нашли в свое время весьма широкое распространение на территории Балканского полуострова. Однако с ослаблением могущества Османской империи слабеет и ее влияние в провинциях. Турецкий язык, являвшийся «в свое время одним из чрезвычайно важных факторов в языковой жизни северо-западной части Балканского полуострова и в Венгрии, теперь уже вымер... Сто лет тому назад в Албании на каждом шагу можно было встретить людей, говорящих по-турецки, а сегодня стоит больших трудов найти какого-нибудь старика, который мог бы вспомнить несколько турецких слов» (115).

Изучение диалектов турецкого языка на Балканах имеет огромное значение для исследования истории турецкого языка и освещения многих вопросов истории балканских языков. Эта проблема привлекла внимание Ю. Немета еще в 1926 году. Полагая, что «описание османско-турецких

* Akadémiai kiadó. Budapest, 1970.

** Цифры в скобках указывают страницы реферируемой книги Ю. Немета.

языковых областей, примыкающих к Венгрии, может содействовать исследованию османско-турецких элементов в венгерском языке» (7), Ю. Немет обращается к изучению видинского наречия османско-турецкого языка. Его долголетние изыскания в области этого диалекта дали ему ключ к установлению правильной классификации османско-турецких наречий Балканского полуострова, что нашло свое отражение в опубликованных им монографиях¹.

Результатом дальнейших исследований Ю. Немета явилась реферируемая монография, посвященная описанию боснийского диалекта турецкого языка, имевшего широкое распространение в Венгрии в XVI—XVII вв. Материалом для исследования послужила в основном рукопись «*IIIésházy Nicolai Dictionarium Turcico—Latinum*», хранящаяся в Государственной библиотеке в Будапеште, датированная 1668 годом².

Для доказательства широкого распространения боснийского диалекта турецкого языка в XVI—XVII вв. в странах Балканского полуострова и установления общих особенностей его вариантов, функционировавших в разных ареалах и в различные хронологические периоды, автор привлекает текстовый материал из монографии В. Хеффенинга³. Эта монография, посвященная анализу языковых особенностей текстов Бартоломеуса Георгевитса (XVI в.), имеет, по мнению Ю. Немета, «решающее значение в изучении истории османско-турецкого языка» (121)⁴.

С этой же целью автором использованы результаты его научной поездки в Югославию, где он исследовал турецкий диалект селения Стари Бар.

Монография Ю. Немета включает следующие разделы:

1. Введение.
2. Тексты, данные в транскрипции с переводом на немецкий язык (часть **B**).
3. Текст грамматики (*Rudimenta*) на итальянском языке с переводом на немецкий язык (часть **Da**).
4. Транслитерация текста, данного при грамматике (часть **Db**).
5. Транскрипция с переводом на немецкий язык текста **Db**.
6. Транскрипционная система турецких обозначений.
7. Грамматика, составленная автором на основе языкового материала рукописи.
8. Приложение I. Турецкий язык в Боснии.
9. Приложение II. Турецкий язык Бартоломеуса Георгевитса.
10. Приложение III. Турецкий диалект села Стари Бар.
11. Глоссарий, составленный автором на основе языкового материала рукописи.
12. Знаки и сокращения.
13. Факсимиле рукописи «Иллешгази» (фотоснимки, 90 страниц рукописи).

Во «Введении» кратко изложена история возникновения в Венгрии боснийского диалекта общеоосманского турецкого языка. Кратко описы-

¹ *J. Nemeth. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens*. Sofia (Bulg. Akad. d. Wiss.), 1956; *J. Nemeth. Die Türken von Vidin—Sprache, Folklore, Religion*. Budapest, 1965.

² До выхода в свет данной монографии автором была опубликована статья, посвященная этому же вопросу: *Ю. Немет. Турецкий язык в Венгрии*. — «Вопросы языковедения», 1968, № 2.

³ *W. Heffening. Die türkischen Transkriptionstexte des Bartholomaeus Georgievits aus den Jahren 1544—1548*. Leipzig, 1942.

⁴ См. доклад Ю. Немета: *Osmanlı türk dili tarihi araştırmalarının yeni yolları*. Ankara (Türk Tarih Kurumu), 1960. В «VIII. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler», 1957.

ваются состав мусульманского населения Венгрии в эпоху господства Османско-турецкой империи (Türkenzeit-7) и подчеркивается ведущая роль боснийских мусульман в общественно-политической жизни тогдашней Венгрии. Наплыв в Венгрию южнославянских христиан и их мирное сожительство с боснийскими мусульманами (9) — факторы, содействовавшие развитию двуязычия, ибо как боснийские мусульмане, так и южнославянские христиане владели наряду с родным славянским также и турецким языком, что содействовало их общению с турками. Именно на базе этого разговорного турецкого языка возникает и оформляется боснийский диалект, который получил название «венгерского турецкого языка» (die ungarländische türkische Sprache).

Рукопись⁵, послужившая для Ю. Немета основным материалом исследования, в составлении которой приняло участие, по-видимому, несколько авторов, была написана по заказу венгерского графа Николауса Иллешгази именно на этом диалекте.

Ю. Немец дает подробное описание рукописи, объем которой составляет 90 страниц. На стр. 2—29 дан латинско-турецкий глоссарий, материал которого целиком использован автором в его турецко-немецком глоссарии. На стр. 29—52 приводятся латинский и турецкий тексты бесед на бытовые темы с коротким предисловием, в транскрипции с переводом на немецкий язык (латинская часть снята). В монографии автор также останавливается на латинских дистихах в честь Бахуса (53—60), сняты различные советы хозяйственно-бытового характера на латинском языке (67—70), а также немецкие и итальянские тексты (71—76), как не имеющие прямого отношения к предмету исследования. Далее следует краткая турецкая грамматика на итальянском языке (Brevi Rudimenti del parlar Turchesco) (77—82). Итальянский текст приводится в транслитерации в связи с тем, что эта наиболее ценная, по мнению автора, часть рукописи страдает очень большими погрешностями изложения (42).

Грамматика дана в переводе на немецкий язык, без каких-либо комментариев и разъяснений. Текст беседы (Db) на турецком языке с переводом на итальянский (83—89) приводится сначала в транслитерации, затем турецкая часть дается в транскрипции с переводом на немецкий язык. Описание последних страниц рукописи, включающих отрывки беседы на немецком и итальянском языках (89), и записи на латинском языке (90) в монографии отсутствуют.

Во «Введении» автор останавливается на истории самой рукописи. Эта рукопись впервые упоминается в V т. сочинения Иозефа Сциннейя «Жизнь и творчество венгерских писателей» (1897), написанном на венгерском языке. На основании данных И. Сциннейя рукопись позднее была включена Тибором Халаси-Куном в его «Библиографию по венгерской тюркологии», подготовленную им для Ататюрка⁶. В настоящее время рукопись находится в рукописном фонде Венгерской государственной библиотеки.

При описании этого памятника Ю. Немец уделяет большое внимание не столько оценке языковых явлений, сколько обстоятельному и точному описанию языковых данных рукописи. В основу исследования положен принцип региональной обработки этих данных, т. е. принцип «описания языка нескольких областей, по возможности в различные временные отрезки» (13). Именно этим принципом обусловлено привлечение сравни-

⁵ Рукопись имеет такое оформление: 13 Oct. Lat. Illésházy Nicolai: Dictionarium turcico-latinum. Viennae, 1668. pag. 180. in 8° transverso. (Com. Steph. Illésházy).

⁶ Tibor Halasi-Kun. Bibliographie der ungarländischen Turkologie. Budapest, 1935 (Maschinenschrift).

тельного материала из монографии В. Хеффешинга и из живого диалекта селения Стари Бар.

Автор полагает, что рукопись была создана в венгерской среде, о чем свидетельствуют прежде всего использованный в ней венгерский алфавит, а также ее содержание, отражающее быт и жизнь тогдашней Венгрии⁷. Недоумение автора вызывает лишь то обстоятельство, что в текстах рукописи не встречаются какие-либо заимствования из венгерского языка.

Ю. Немет подробно излагает свои предположения относительно личности переписчиков и составителей рукописи.

Заказчиком рукописи он считает графа Николауса Иллешгази, первого венгра, получившего звание канцлера при Франце Ракоши II и, видимо, стремившегося изучить турецкий язык, что имело большое значение для его карьеры государственного чиновника. Рукопись датирована 1668 годом. В это время Османская империя находилась в зените славы и могущества. На стр. 90 рукописи имеется запись на латинском языке: «Nicolaus Illésházy. Possessor huius dictionarioli», а на стр. F4^r рукописи имеется надпись: Allah vereidi turçe uceneidum «utinam possem addiscere turcise» (с помощью аллаха говорить бы мне на турецком) (28). Эти надписи дают представление об отношении Н. Иллешгази к рукописи.

Спустя двадцать лет Вена была осаждена турецкой армией, а еще через сто лет Иоганн Маттиас Корабинский изобразил на титульном листе своего маленького турецкого словаря⁸ двух господ — австрийца и турка, беседующих на турецком языке, о чем свидетельствует стихотворная строка, помещенная под изображением:

Ein Glück für jeden Fremden Mann,
Der selbst mit Türken sprechen kann.

‘Счастлив каждый чужестранец,
который может сам говорить с турками’.

Все это свидетельствует о большом значении, придававшемся в то время знанию турецкого языка. Поэтому и стремился изучить его граф Иллешгази, заказавший для себя учебное пособие по турецкому языку, чем по сути дела и является данная рукопись.

Ю. Немет дает во «Введении» обстоятельное описание каждого раздела турецкой части рукописи. Раздел А представляет собой словарь. Автор особо подчеркивает большое значение и важность списка глаголов (около 160), представленных в форме аориста и прошедшего определенного времени. Однако в написании этих форм имеются погрешности как чисто орфографического, так и структурного характера. Автор тщательно анализирует природу этих погрешностей и приходит к заключению, что в составлении этой части рукописи принимали участие лица, в различной степени владевшие турецким языком.

Коротко изложив содержание беседы на итальянском и турецком языках (В), автор более подробно останавливается на анализе грамматики (Da), изложенной на итальянском языке. Грамматика составлена по образцу школьных грамматик латинского языка. Турецкие формы, иллюстрирующие грамматические правила, страдают такими же погрешностями, как и язык остальных частей рукописи.

Данные этого грамматического справочника отличаются от грамматических форм языка остальных частей рукописи. Автор подробно изла-

⁷ Ю. Немет. Турецкий язык в Венгрии. — «Вопросы языкознания», 1968, № 2, стр. 91.

⁸ J. M. Korabinsky. Versuch eines kleinen türkischen Wörterbuchs. Preßburg, 1788.

гает различия между языковыми формами текстового материала рукописи и формами, представленными в ее грамматической части. Тем не менее автор по достоинству оценивает грамматический справочник рукописи в целом, учитывая трудности его написания, обусловленные отсутствием какого-либо образца, кроме латинских грамматик, слабой филологической подготовкой составителей и т. д. Данные этого справочника использованы автором при составлении его грамматики, в которую были включены также все упоминавшиеся им недостающие звенья.

Анализ особенностей турецкого языка отдельных частей рукописи дает основание автору считать, что все три раздела рукописи (А, В, D) написаны на одном и том же боснийском диалекте, который, функционируя в качестве литературного языка, усвоил все лучшие элементы общеоосманского турецкого языка и, несмотря на некоторый провинциализм, отличался разнообразием грамматических форм, богатством лексических выразительных средств, образными оборотами речи и фразеологизмами, нашедшими отражение в языке рукописи. Это подтверждается текстами песен, опубликованных Трухелкой⁹ и Дервишем Коркутом¹⁰, и объясняет причины широкого распространения боснийско-турецкого языка и его влияния на другие языки Балканского полуострова.

Остановившись на ряде общих вопросов, связанных с историей создания рукописи и с её языковыми особенностями, автор переходит к основной — исследовательской части монографии.

В специальном разделе «Транскрипционная система турецких обозначений» он приводит таблицу «От знака к звуку», дающую транскрипцию турецких звуков рукописи.

Транскрипция эта построена в общем на базе венгерского алфавита. Автор отмечает особое значение этого алфавита, поскольку он иллюстрирует новые и интересные данные в области староосманского турецкого языка. В этом разделе подробно рассматриваются и обобщаются по пунктам расхождения в обозначении одинаковых звуков, встречающиеся в отдельных частях рукописи.

Далее автор дает обстоятельную характеристику транскрипционных обозначений гласных и согласных, сопоставляя эти данные с обозначениями в венгерском языке.

В раздел «Грамматика» включается также и фонетика (Lautlehre), где дается фонемный состав языка рукописи. Весь иллюстративный материал как фонетической, так и грамматической части базируется на языковых данных изучаемого памятника. Автор уделяет особое внимание описанию фонетического строя языка этой рукописи. При характеристике отдельных фонем он проводит сопоставление с аналогичными звуками общеоосманского языка, подчеркивая, таким образом, диалектные особенности фонетического строя боснийского наречия турецкого языка. Фонемы анализируются исходя из позиции, занимаемой ими в составе слова, например: «Вокализм первого слога» (Vokalismus der ersten Silbe), «Вокализм не первого слога» (Vokalismus der nichtersten Silbe), «Гласный в суффиксе -miş» (Der Vokal des Suffixes -miş), «Гласный u внутри не первого слога» (Das u im Wortinnern nichterster Silbe), «Исчезновение i в анлауте» (Verschwinden des i im Anlaut). Отмечается палатализирующее воздействие звуков y, s, ç, ç(s), гармония гласных,

⁹ *Čiro Truhelka*. Bosanicom pisani turski tekstovi. In: «Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini», Bd. XXVI (1914), стр. 551—553.

¹⁰ *Derviš Korkut*. Turske ljubavne pjesme u zborniku Miha Martelinija Dubrovcana iz 1657. g. In: Orijentalni Institut u Sarajevu—Prilozi za orijentalnu filologiju, sv. VIII—IX, 1958—9. Sarajevo, 1960, стр. 37—62.

Титульный лист рукописи

Compositi Scripti	Dictionarium	Turcico	Mathbzi Car. n. m. 22. Latinum.
Jan	Sindi	In futuro	Gyelgyen
Ita	Oledeu	In otine	Hergun
Proseri	Hazuz	Nom prid	Gal budyglae
Cras	Jazuz	Postea	Som + Sadhu
Hodie	Dugun	Posthae	Bundansora
Heni	Dun	Interea	Olingye
Nudius tertius	Oregguz	Antehac	Pundanevel
Postcras	Obrgguz	Tunc	Ozeman
Mane	Sabahvakti	Soepe	Gotruemanve + Soima
Vesperis	Ahsamvakti	Aliquando	Zemonile
Tardi	Gyees	Pridem	Evel + Erelak

Первая страница латинско-турецкого глоссария

уподобление гласных, изменение звука, обусловленное его позицией в слове (в анлауте, инлауте и ауслауте).

В части собственно грамматики излагается только морфология: падежи, склонение имен существительных и местоимений (*bu, kim, kendi*), притяжательные суффиксы имен, спряжение, причастные формы, инфинитив, послелог «*i*». Синтаксис языка в рукописи не исследуется.

Система падежей дается в плане описания отдельных падежей. На примерах форм имен существительных винительного падежа (*Akkusativ*) устанавливается морфологический признак этого падежа — окончание «*i*», характерное в целом и для других западнорумелийских диалектов.

При описании родительного падежа (*Genitiv*) в рукописи отмечается наличие довольно ограниченного количества примеров. В частях **A, B, D** исследуемые формы характеризуются вариантами суффиксов *-un, -on, -nun, -non*. Формы на *-ing, -ung* («*eliming*» *der Wissenschaft*, «*akrabungh*» *des Skórpions*), приведенные в качестве примеров в грамматической части рукописи, в остальных ее частях не встречаются. Это, по мнению Ю. Немета, свидетельствует о том, что правила, изложенные в грамматике, не во всех случаях отражают нормы языка остальных частей рукописи. Составитель грамматической части рукописи приводит в качестве примеров родительного падежа формы на *-ing, -ung*, а формы на *-n* им вообще умалчиваются, тогда как в текстовом материале употребляются формы только на *-n*, а формы на *-ing* отсутствуют.

Форма датива имеет окончание *e/a* (*zemanе, tarafa*) как в грамматике, так и в остальных частях рукописи. Как формы датива, так и формы локатива (*Lokativ*) и аблатива (*Ablativ*) мало чем отличаются от соответствующих форм общеосманского языка. Автор приводит еще формы экватива (*Äquativ*) типа «*eigye*» (*iyiçe*).

Именительный падеж автором не дается.

При описании падежей внимание уделяется только раскрытию морфологической структуры исследуемых форм.

Значения и функции падежей остаются вне анализа, что, по-видимому, объясняется сознательным ограничением круга исследования. В данном случае исследуются только вопросы чисто морфологические.

К части, посвященной имени, примыкает раздел «Притяжательные суффиксы имен» (*Possessive Personalsuffixe*), в котором перечисляются притяжательные формы имен существительных и некоторых местоимений по лицам в единственном и множественном числе. В некоторых случаях в скобках указывается падеж данной формы с переводом на немецкий язык. Ср.:

Sing. I. P. «*gyozumj*» *meine Augen* (Akk.)..., «*taragumi*» *meinen Kamm*, «*ezrabumi*» *mein Kleid* (Akk.) (103).

Притяжательные формы даются далее по падежам. Ср.: «Gen.: «*kralinun*» *seines Königs*, *birinum*...

Dat.: «*hangyißenа*» «*welchem?*» «*szágluguna*» *auf seine Gesundheit*... (103).

Раздел «Спряжение» начинается с парадигмы именных форм в настоящем и в определенном прошедшем. Ср.:

Präsens Sing. 1. P. «*dusekteim*» *ich bin im Bett*
2. P. «*eimißün, hosmizün*» *bist du wohl?*
3. P. «*bukadardurur*» *es besteht daraus*.

Prät. definitum 1. P. «*szeirde idum*» *ich war spazieren gegangen*
2. P. «*nerede idun*» *wo warst du?*
3. P. «*nigye idj*» *wie war (ihre Reise)?* (104)

Тут же даются отрицательные формы: «deilim» ich bin nicht, «deilßün» (104), форма var-jok «vardur», «varidi», «ioktur» es gibt nicht (104).

Спряжение глагола дается в парадигмах настоящего (Präsens), аориста (Aorist), прошедшего определенного (Praeteritum-definitum) и неопределенного (Praeteritum-indefinitum), оптатива настоящего (Praesens-optativi) и прошедшего времени (Praeteritum-optativi) в утвердительной и отрицательной формах. Ср.:

Das iur-Präsens. 1. P. «biliurum» ich weiss и т. д. (105), отриц. форма: «bulamaiurum» ich kann nicht finden, «gyelmeiur» kommt nicht.

Der Aorist Sing. 1. P. «kalkarum» ich stehe auf (105), отриц. форма: «bilmem» ich weiss nicht, «uermem» ich gebe nicht (105).

Автор отмечает наличие значения будущего времени в формах аориста и указывает на то, что в грамматике рукописи эти формы представлены как формы будущего времени. Формы прошедшего аориста встречаются только в разделе грамматики и даются в полной парадигме. Ср.: «szeverdum, -din, ұпр- 'ip!- ~ lerduk, szeverdis ~ szeverlerdis, severleridi ~ szeverlerdiler» (106).

Praet.-def. 1. P. «aldum» ich nahm
2. P. «aldun» du nahmst
3. P. «szevde» er liebte (106).

Отриц. форма: «chikmadum» ich ging nicht hinaus.

Praet-indef. 1. P. «atmişim» ich warf
2. P. «ugyrenmisün» du lerntest (107).

Отриц. формы: «etmemissim» ich tat nicht
«iememistur» er ass nicht (107).

Praes.-Opt. Sing. 1. P. «isleieim» ich will es aufführen
3. P. «ola» soll sein; «alah kurtara» deus te libere (107).

Plur. 1. P. «gyidelum» gehen wir
2. P. «szeveh[sz]iz» amarete voi (Rud.)
3. P. «szevehler» amarano quelli (Rud.) (107).

Как видно из данной парадигмы, формы второго и третьего лица множественного числа Präs.-Opt. представлены только в грамматике рукописи.

Prät.-Opt. «(alah) vereidi», «alah vereidi turche ugy(e) reneidum» utinam possem addiscere turcice (107).

Кроме указанных форм оптатива, приводится еще особая форма, образуемая при помощи вспомогательного слова bulauçi «bulauçi szeveduk» (108) (азерб. kas seväjdik 'хотя бы нам полюбить').

Автор совершенно справедливо отмечает, что эта форма не является какой-то особой формой оптатива; это обычный оптатив, в котором значение желательности усиливается наречной частицей «bulauçi» (108).

Условное наклонение (Konditional) иллюстрируется соответствующими формами отдельных глаголов: «alurssem» wenn ich nehme 'если я возьму', «olursse» wenn es wird 'если это будет', выступающих либо в форме отдельного глагола (alursse, olursse), либо в составе целого предложения: «ei olurdi islesseler idi» bonum esset si facerent (108) 'было бы хорошо, если бы они работали'.

Monasteriū	- - -	Alodrenū	Platea	- - -	Garrii / Szóhak	13 13
Campanariū	- - -	Crankluk	Apnamentariū	- - -	Gyeshana	
Campana	- - -	Crank	Locumity	- - -	Kavir, sapier	
Cemeteriū	- - -	Mezarluk	Cataracta	- - -	Dyah pengjere	
Cathedra	- - -	Csurszi	Moenia	- - -	Tabia	
Sepulchriū	- - -	Mezar	Lons	- - -	Gupri	
Auditoriū	- - -	Divan	ham	Speulu	- - -	Bina
Clavis	- - -	Gyemi	Canellania	- - -	Catebhana	
Collegiū	- - -	Medrese	Monetaria	- - -	Tabhana	
Turni	- - -	Munare	Carcer	- - -	Zindan	
Urbs	- - -	Kala	Compedes	- - -	Bukagi	
Oppidiū	- - -	Sehez				

Тринадцатая страница латинско-турецкого глоссария

Audiat Comes turcar.	- - -	#	Vit Passa kalks.	29 29
Quis est	- - -	-	Chimdur.	
Quis est ibi	- - -	-	Chimdur onda.	
Bonus amicus	- - -	-	Ei do Yar.	
Quis uult	- - -	-	Neister.	
Adhuc dormit	- - -	-	Dus-kemidur.	
gea sed non dormis	- - -	-	Dusektem lachim uium em.	
quis imperos	- - -	-	It. buimurhen.	
Ego habeo aliquid uobiscum	- - -	-	Vardur Jidurik betteri Jui-	
loqui.			temo.	

Двадцать девятая страница латинско-турецкого разговорника

Автор приводит случаи употребления глагола в индикативе со значением кондитуоналиса. Ср.:

«kahve altidan gyderszün ben szana verurum» wenn du wegen des Frühstücks hinausgehen willst, so gebe ich es dir» (108) 'если ты хочешь уйти из-за завтрака, я тебе это дам'.

Повелительное наклонение (Imperativ) дано в формах второго и третьего лица единственного и множественного числа. Форма, трактуемая некоторыми тюркологами как первое лицо единственного числа повелительного наклонения, совершенно закономерно включена автором в парадигму желательного наклонения (107).

Автором отмечены также именные формы глагола: причастия настоящего, прошедшего и будущего времени. Ср.:

Participium praesentis: «gyelene» (приходящему).

Participium perfectis: «uümis» (заснувший),

«szevmis» (любивший).

Participium instantis: «degisturegyek eßrab» (одежда, подлежащая смене) (110).

Наряду с инфинитивом на -mak: «corkmak» sich fürchten 'бояться' дана форма на -ma (-ma, -me), которая автором определяется как форма дательного падежа инфинитива на -maq, -mek (110). Ср.: «vtanmaß-mißünüß bukadar uüma» schämen Sie sich nicht, so viel zu schlafen? 'Вам не стыдно столько спать?'

Эта форма была отмечена автором еще в его ранее написанной работе о видинском диалекте (DT Vidin, 94)¹¹ (soqaga utaniyim çikmaga, es schämt mich, auf die Strasse zu gehen).

В видинском диалекте турецкого языка -q-, -k- в окончании сохранился до настоящего времени в форме -g-, -g- (soqag > soqaga), а в венгерско-турецком языке эти звуки исчезли еще несколько столетий тому назад, хотя форма «g» не полностью чужда языку данной рукописи. В ее грамматике (Rudimenta 82) имеются формы инфинитива «szevmek» amare и «szevmege» ad amare (111).

Лексику языка рукописи «Иллешгази» как образец словарного состава боснийско-турецкого языка автор дает в разделе «Словаря», составленного им на базе языкового материала турецких текстов рукописи.

Анализ лексического материала рукописи показал, что основное ядро ее словаря составляет лексика общетурецкого языка, что, по мнению Ю. Немета, полностью подтверждает его выводы и соображения относительно турецкого языка в Боснии. Этот язык, являющийся в основном восточно-анатолийским диалектом общетурецкого языка (146), в древности имел, по словам автора, гораздо больше специфических лексических форм, которые в дальнейшем постепенно исчезли, чего нельзя сказать о фонетических особенностях этого диалекта.

Его лексический состав не подвергался значительным иноязычным влияниям. В словаре рукописи имеется незначительное количество заимствованных слов из сербскохорватского языка. Эти заимствования необходимо отличать от болгарских и других славянских заимствований в общеосманском языке. Они связаны с древними сербскохорватскими заимствованными словами видинского диалекта¹².

В языке рукописи, которая, как указывалось выше, была создана в Венгрии, встречаются всего лишь четыре слова венгерского происхожде-

¹¹ J. Nemeth. Die Türken von Vidin—Sprache, Folklore, Religion. Budapest, 1965.

¹² Там же, стр. 8, 377.

ния: два названия одежды—*mente* 'гусарский мундир', *zubbony* («*soboin*») 'жилет, турецкая *džubbe*', одно название материала *sattīān* 'сафиан' и одно название народа *hogvat* 'хорват' (148).

Однако необходимо учесть, что такие слова, как *dél* 'полдень', *ón* 'олово', *nyelv* 'язык', *has* 'живот', *éleven* 'живой' (147), употребляемые в турецких текстах Георгевица (относящихся к памятникам боснийско-турецкого языка, на котором говорили тогда в Венгрии), выступают как лексические заимствования венгерского происхождения.

В языке рукописи очень часто встречается слово *taipa* 'обед' итальянского происхождения. Это очень древнее заимствование в общеосманском языке. Итальянского же происхождения и слово «*gusztmak*», связанное с итальянским *gusto* 'вкус', *gustare* 'вкушать' (148).

Албанских элементов в словарном составе рукописи нет.

Словарь, составленный автором, охватывает в общей сложности 1385 лексических единиц, расположенных в алфавитном порядке. Боснийско-турецкая форма слова дается в фонетической транскрипции, реконструированной автором. Затем идет немецкий перевод. За знаком // следуют примеры из рукописи с нумерацией, указывающей на их место в тексте. В качестве примеров приводятся как отдельные слова, так и словосочетания и предложения с соответствующими толкованиями на немецком языке. Перевод примеров берется иногда из рукописи, т. е. на латинском и итальянском языках; в некоторых случаях дается немецкий перевод самого автора. Для обоснования своих толкований автор ссылается на различные источники, которые даются в сокращенных обозначениях.

Обстоятельно ознакомившись со специальной литературой на боснийско-турецком языке в научных центрах Сараево и Монтенегро, Ю. Немет в «Приложении I. Турецкий язык в Боснии» (*Die türkische Sprache in Bosnien*) дает краткий обзор истории изучения боснийско-турецкого языка, которая начинается с опубликования известной работы Отто Блау «Памятники боснийско-турецкого языка»¹³. Ю. Немет указывает, что О. Блау стремился сохранить в своих интерпретациях диалектальный характер этого языка. Однако влияние литературного турецкого языка оказалось настолько сильным, что под его воздействием автор изменил многие формы оригинала, превратив, например, боснийские звуки *o* — *u* в звуки *ö* — *ü*, характерные для стамбульского произношения. Поэтому вместо чисто боснийских форм *uldi* 'он умер', *urti* 'покрывало' у него фигурируют такие формы, как *öldü* и *ürtü* (116). Образцы разговорной речи О. Блау не приводятся.

Деятельность О. Блау в области опубликования боснийско-турецких языковых памятников была продолжена двумя южнославянскими учеными, которые опубликовали чрезвычайно интересный материал по боснийско-турецкому языку¹⁴.

Ю. Немет отмечает также и славянские тексты, написанные турецкой графикой¹⁵, имеющие важное значение для изучения истории боснийско-турецкого языка. В период господства Османской империи использо-

¹³ *Otto Blau*. *Bosnisch-türkische Sprachdenkmäler*. Leipzig, 1868 (DMG. Abh. für die Kunde des Morgenl. V, 2).

¹⁴ *Scheich Seifuddin Ef. Kemura und Dr. Vladimir Corović*. *Serbo-kroatische Dichtungen bosnischer Moslime aus dem XVII., XVIII. und XIX. Jahrhundert*. Sarajevo, 1912. (Zur Kunde der Balkanhalbinsel. II. Quellen und Forschungen, Heft 2).

¹⁵ Проф. Недим Филиппович, директор Института востоковедения в Сараево, ознакомил Ю. Немета с 25 рукописями славянских текстов с турецкой графикой, что отмечается автором в «Приложении I».

Brevi Rudimenti del parlar Turchesco. 77 78
 Sono le parte principali, del parlar Turchesco, ciò è nome,
 pronome, verbo, è avverbio, il nome ha braccia declinatione
 numero, genere, specie, è comparatione, esso è il modo, di declin
 are, due sono li numeri, uno se il genere diverse sono le specie
 e de comparatione, modo di declinare li nomi che nel geniti
 vo terminano in ing numero singulare. nominativo, elin la scien
 za, genitivo eliming della scienza, dativo elim alla scienza,
 acciativo elimi, la scienza, Vocativo i o venia elin o'li
 enza, Ablativo elimboa, dalla scienza. Plurali nominatioo

Первая страница грамматики «Brevi Rudimenti del Parlar Turchesco»

Elinter le Scienze, Genitivo Elintering Delle Scienze, Dativo
 Elimlere. Alle Scienze, Acciativo Elimlori, Le Scienze, Vocativo
 i o venia Elimlor, o Scienze. Ablativo Elimlorden.

I nomi che finiscono in A. O. E. i terminano il loro Genit. in
 mingh, V. G. Hazar la Virtù, Hazar ming, Delle Virtù.
 I nomi che finiscono in Ho et Egh seguitano la stessa regola,
 V. G. Akrah il Scorpione, Akrah ming, Del Scorpione, et per
 ordinarli simili nomi del parlare arabo. modo di declinare
 li nomi che nel G. terminano in ang. N. S. N. Hazar la
 Virtù, G. Hazar ming, Della Virtù. I. Hazarich, alla

Страница из грамматики «Rudimenta»

вание кириллицы для написания турецких текстов было явлением чрезвычайно редким. Ю. Немет ссылается на единственную работу, в которой встречаются тексты такого рода¹⁶. Это работа Трухелки, который приводит две турецкие песни, написанные кириллицей. Первая состоит из восьми, вторая — из четырех с половиной строк. После первой песни стоит дата: 999 = 1590/91 н. э.

В качестве интересного и ценного источника для изучения боснийско-турецкого языка автор упоминает одну итальянскую работу с транскрипцией и новотурецким переводом, изданную Дервишем Коркутом¹⁷.

Большую ценность с этой точки зрения представляют турецкие заимствования в сербскохорватском языке и памятники древней сербскохорватской литературы, связанные с турецким языком. В этой области уже сделаны первые шаги: опубликованы большие сборники указанной литературы¹⁸.

Элементы боснийского диалекта автор находит в устной речи некоторых переселенцев боснийцев-магометан, которые по окончании первой империалистической войны были вынуждены покинуть родину и обосноваться в Турции. В записях речи некоторых таких переселенцев обнаруживаются чрезвычайно своеобразные реликтные формы языка их старой родины — Боснии (118).

Исследования новых источников и обстоятельное изучение литературы по боснийско-турецкому языку приводит Ю. Немета к мысли о необходимости дополнения и расширения той характеристики боснийско-турецкого языка, которая была дана ранее в его работе «К вопросу классификации турецких диалектов Болгарии»¹⁹. Ю. Немет иллюстрирует выработанные им критерии примерами из новых источников и раскрывает специфические явления, характерные только для боснийского диалекта (119). Обстоятельное и всестороннее изучение всех этих источников по истории боснийско-турецкого языка дает основание автору прийти к окончательному выводу о том, что язык рукописи «Иллешгази» в своих основных чертах полностью совпадает с боснийским диалектом турецкого языка, а сама рукопись, таким образом, является языковым памятником боснийско-турецкого языка, который был широко распространен в Венгрии в XVI—XVII вв.

Интерес Ю. Немета к работе В. Хеффенинга «Турецкий язык Бартоломееуса Георгевитса»²⁰, которой он посвящает «Приложение II», определяется проводимыми им изысканиями в области боснийско-турецкого языка. Соглашаясь с тезисом В. Хеффенинга о том, что диалект, представленный в трудах Бартоломееуса Георгевитса, — это образец смешанного диалекта, Ю. Немет делает кардинальные дополнения к этому определению. На основании своих исследований балканских турецких диалектов, он приходит к заключению, что язык Б. Георгевитса представляет собой в основном боснийский диалект турецкого языка.

¹⁶ *Ćiro Truhelka*. Bosanicom pisani turski tekstovi. In: «Glasnik Zemaljskog Muzeja u Bosni i Hercegovini», Bd. XXVI (1914), стр. 551—553.

¹⁷ *Dervis Korkut*. Turske ljubavne pjesme u zborniku Miha Martelinija Dubrovčanine iz 1657 g.

¹⁸ *Abdulah Škaljić*. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj knjizevnosti Bosne i Hercegovine, I, II. Sarajevo, 1957. *Abdulah Škaljić*. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. Sarajevo, 1966. *Anton Knežević*. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, 1962.

¹⁹ *J. Nemeth*. Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. Sofia, 1956.

²⁰ *W. Heffening*. Указ. соч.

Для обоснования этого тезиса Ю. Немет исходит из восьми главных фонетико-морфологических критериев (122), характеризующих структуру западнорумелийских диалектов. Семи из этих критериев отвечает как язык рукописи Иллешгази, так и язык Георгевитса. Что же касается восьмого критерия, — наличия форм настоящего времени на «у» (в вдинском диалекте *aglay* 'он плачет', *sevey* 'он любит'), то в боснийско-турецком языке эти формы отсутствуют: их нет ни в рукописи Иллешгази, ни у Георгевитса, что дает основание Ю. Немету считать турецкий язык Георгевитса боснийским диалектом общеосманского языка (128).

В монографии особняком стоит «Приложение III. Турецкий диалект в Стари Бар» («Die türkische Mundart von Stari-Bar»). В связи с проблемой турецких диалектов на Балканах, и в частности в связи с вопросом боснийско-турецкого языка, Ю. Немет заинтересовался турецким диалектом, на котором говорит население маленькой глухой деревни, находящейся примерно в четырех с половиной километрах от Стари Бар (*Eski Bar*)²¹.

Этот диалект, по мнению автора, является одним из важнейших диалектов османско-турецкого языка (132), сохранившим в своей структуре некоторые архаичные и своеобразные черты, чрезвычайно важные с точки зрения изучения системы западнорумелийских диалектов.

Предки носителей этого диалекта являлись, по-видимому, первыми турецкими поселенцами на Балканском полуострове. Развиваясь в течение веков совершенно изолированно, вне какого-либо влияния со стороны других турецких диалектов, а также не подвергаясь влиянию сербского и албанского языков, этот диалект сохранил в своей структуре наиболее архаичные формы.

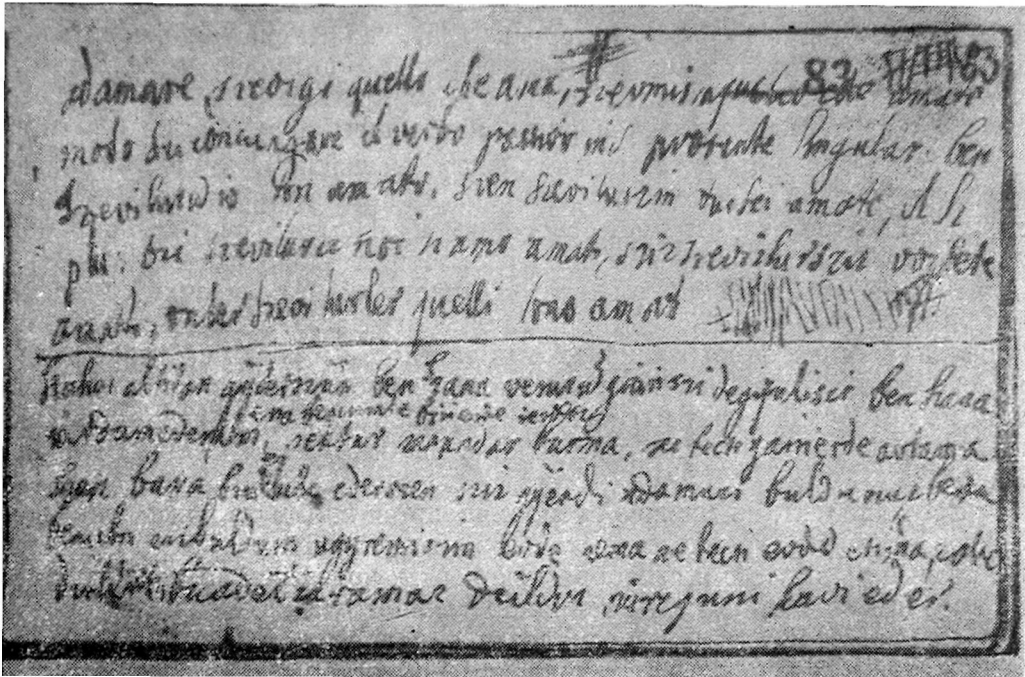
Языковой материал, который Ю. Немету удалось собрать в течение непродолжительного времени своей научной экспедиции в Стари Бар, был по своему объему очень мал: всего около 113 лексических единиц, которые приводятся в конце раздела с переводом на немецкий язык (*Wörterliste*), и 53 предложения, представленных в разделе с нумерацией (*Beispielsätze*). Тем не менее автор на основе этого материала очень обстоятельно анализирует и описывает своеобразие фонетической, грамматической и лексической структуры диалекта в Стари Бар, сопоставляя его как с боснийско-турецким, так и с другими западнорумелийскими диалектами.

При сопоставлении гласных и согласных бросаются в глаза некоторые явления, которые отсутствуют в боснийско-турецком языке: наличие *ö/ü* (*yüs* 'сто', *ülmis* 'умер', *bükanam* 'бабушка' и т. п.), тенденция к редукции интервокального и конечного «у» и «г» (*düneyleg* 'возвращаются', *yüğüyleg* 'идут', *begeniyleg* 'им нравится' и т. п.), отсутствие звука «h» в *анлауте* (*ava* 'погода', *asta* 'больной', *açın* 'когда' и т. п.) (133—134).

Наряду с отличительными особенностями этот диалект имеет и общие черты с боснийско-турецким языком, такие, например, как переход к /g/ в *ç/c* (*çöyli* 'крестьянин', *içi* 'два', *seçis* 'восемь', *çüzel* 'красивый' и т. п.), «i» в *ауслауте* (*altı* 'шесть', *akıllı* 'умный', *onupcı* 'десятый', *çası* 'рынок', *bunı* 'это' и т. п.) (133), суффикс *-miş* в одном варианте (*çitmişim*

²¹ Бар — старинный город в Монтенегро, состоит из частей Стари Бар (*Eski Bar*), Нови Бар (*Yeni Bar*) и порта. Стари Бар имеет около 1600, Нови Бар — около 1000 человек населения. Гор. Бар находился под эгидой Османской империи с 1571 по 1877 гг. В 1877—1879 гг., после освобождения города, местное турецкое население, по имеющимся данным, переселилось в Анатолию.

Страница из «Бесед» на турецком языке с переводом на немецкий язык

Последняя страница рукописи

‘я пошел’, beklemişim ‘я ждал’, söğmişik ‘мы видели’, ülmüş ‘умер’, doğmuş ‘родился’, yaşamış ‘жил’ и т. п.) (133).

В морфологии этого диалекта автор обращает внимание на необычную форму локатива, образованную при помощи слова iç в форме послелога içi ‘внутри’, превратившегося в суффикс -çi. Ср.: akçıyaneuçi (ahçı—hâpe—içi) ‘в кухне’, ovauçi ‘в поле’, eviçi ‘в доме’. Ю. Немет проводит аналогию с подобным же явлением в венгерском языке, где история образования таких суффиксов, как -ba/-be (in, nach), -ban/-ben (in), -böl/-böl (aus) связана со словом «bél» в значении ‘внутри’ (135).

В системе спряжения совершенно неожиданно для автора были обнаружены формы настоящего времени на «у». Ср.: çikaу ‘выходит’, çideу ‘идет’, çideуm ‘я иду’, yağmaу ‘дождь не идет’, уйгіе ‘они идут’, окіе ‘они учатся’ и т. п. В парадигме этой формы автор отмечает первое лицо множ. числа на «[y]iz+ik>is+ik>isik» (135) и ставит вопрос, не является ли «к» в этом суффиксе наследием из северо-восточной Анатолии?²²

В парадигме прошедшего неопределенного (Prät. Indef.) привлекает внимание форма третьего лица единственного и множественного числа, полностью совпадающая с формой прошедшего определенного, ср.: çelmişim, çelmişi, çeldi, çelmişik, çelmişinis, çeldiler (136).

В словаре диалекта автор отмечает чрезвычайно архаичное слово ^vbagana ‘ребенок’, широко распространенное в этом диалекте. Это слово функционирует также в Анатолии и во Фракии в значении ‘младенец’, ‘четырёх-пятнадцатидневный козленок’, ‘нежный, хрупкий ребенок’²³. В казахском языке ^vbagana означает ‘теленка’²⁴.

Несмотря на изолированность и обособленность населения Старин Бар в более ранние эпохи, диалект, на котором здесь говорили, впоследствии, очевидно, испытал определенное влияние языков окружающих народностей, особенно сербскохорватского языка, элементы которого Ю. Немет прослеживает как в лексике, так и в грамматической структуре этого диалекта.

Автор отмечает сильное влияние сербскохорватского языка в системе местоимений и частиц. Форма ga ‘его’ — супплетивная форма аккузатива сербскохорватского местоимения он ‘он’. Ср.: mektubu yazdān-ma? ‘ты написал письмо?’, yazdām gu ‘я его написал’²⁵.

Форма mi ‘мне’ — дательный падеж сербскохорватского местоимения ja ‘я’. Ср.: içi alma vera mi ‘дай мне два яблока’, vera mi oni ‘дай его мне’.

Форма te ‘тебя’ — аккузатив сербскохорватского местоимения ti ‘ты’.

Ср.: şeytan te çütürsün ‘пусть дьявол тебя возьмет’.

Форма ti ‘тебе’ — дательный падеж сербскохорватского местоимения ti ‘ты’. Ср.: açın ti deyim ‘когда (мне) сказать тебе’.

Вопросительная частица -li заимствована из сербскохорватского

²² M. Räsänen. Morph. 200, 202—203; ^vSiraliev in: «Тюркологический сборник», 1966.

²³ Türkiyede Halk Ağzından Söz Derleme Dergisi. İstanbul, 1939.

²⁴ James W. Redhouse. A Turkish and English Lexicon. New Impression. Constantinople, 1921—1968, Redhouse Press, 329b.

²⁵ R. Mollov et M. Mollova. I.Balk. XI/1, S. 125.

языка. Ср.: *‘celmiři-li ben?* ‘пришел ли я?’, *‘celmiři-li sen?* ‘пришел ли ты?’, *‘celdi-li o?* ‘пришел ли он?’, *‘celmiřiler-li olar?* ‘пришли ли они?’ (137).

В синтаксических конструкциях также отмечаются необычные для тюркских языков явления. Так, в конструкции с предикатом *var*, *var idi* вместо имени в притяжательной форме употребляется дательный падеж этого имени. Ср.: *‘çöyliye var idi içi beçir* ‘у крестьянина было две лошади’, *açın mi var-imiři altı yıl* ‘когда мне было шесть лет’ (138).

Порядок слов в предложении свидетельствует о влиянии славянских языков. В примерах, приведенных автором, расположение членов предложения определяется следующим порядком слов: субъект, предикат, дополнение, обстоятельство (138). Ср.: 1. *‘çöyli çikay cendinin beçirile ovauçi* ‘крестьянин вышел со своей лошадейю на поле’, 2. *ava—dir cüzel* ‘погода (есть) хорошая’, 21. *bular dirler akıllı* ‘эти (есть) умные’.

Порядок слов может быть и иным. Ср.: 12. *eviçi benim anamım uşaу beş adam* ‘в доме моей матери живет пять человек’ (138).

В диалекте Стари Бар отмечаются также лексические заимствования как из сербскохорватского, так и из албанского языков.

Ср.: *dınar* ‘динар’ <сербскохорв. *dınar*
řkola ‘школа’ <сербскохорв. *řkola*
qarı-ğa ‘стул’ <албан. *karıge* ‘стул’
ki-mka ‘клоп’ <албан. *çimkë* ‘клоп’
taulin ‘стол’ <албан. *tavolinë* ‘стол’.

Ю. Немет, как уже отмечалось, имел возможность анализировать всего около 138 слов. Если на указанное количество слов зафиксировано два сербских и четыре албанских заимствования, то в словарном составе этого диалекта, насчитывающего около 5000 слов, по его предположению, окажутся сотни подобных заимствований.

Таким образом, анализ фонетического, грамматического и лексического материала диалекта Стари Бар в полученном автором объеме показывает, что этот диалект, сохранив ряд чрезвычайно архаичных форм, в более поздние времена подвергался, по-видимому, существенному влиянию окружающих его славянских языков, в первую очередь сербскохорватского, что нашло отражение не только в лексическом составе, но и в морфологической и синтаксической структуре этого диалекта.

Имеющийся в распоряжении Ю. Немета материал дает ему основание прийти к заключению, что диалект Стари Бар по своей структуре носит типично западнорумелийский характер. Хотя значение этого диалекта очень важно, тем не менее проблема боснийско-турецкого языка в Боснии и Венгрии не может быть решена на его основе. Правда, этот диалект делает возможной переоценку некоторых явлений в обоих языках, однако в целом он выступает в составе западнорумелийских диалектов в качестве обособленного языкового образования (*ein separates Gebilde*) (132), в большей мере связанного с албанской, нежели с боснийской языковой областью.

Монография проф. Ю. Немета представляет, таким образом, очень большой интерес как с точки зрения охваченного в ней языкового материала, так и в плане методики исследования балканских диалектов. Обстоятельный анализ и описание их структуры на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях дают богатейший материал для исторических изысканий не только в области турецкого, но и других языков огузской группы.

Проводимые автором сопоставления диалектов одного и того же языка, но разного ареала и разных хронологических срезов, вскрывают структурные особенности этих диалектов и в чисто типологическом плане.

Дальнейшее исследование балканских диалектов турецкого языка создаст широкие возможности установления новых фактов и явлений, имеющих большое значение как для тюркологии, так и для изучения балканских языков.

Н. Агазаде

О ТЮРКОЛОГИЧЕСКОМ ЕЖЕГОДНИКЕ, ИЗДАВАЕМОМ В ПАРИЖЕ

Институт тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского и Экс-ан-Прованского университетов приступили к изданию тюркологического ежегодника «*Turcica. Revue d'études turques*», первый том которого вышел в Париже в 1969 году.

В приложении к I тому проспекте указан состав редакционного комитета: директор — профессор Ирина Меликова, директор Института тюркологии Страсбургского университета; секретарь — Перье д'Отерив; члены комитета: Жан Обэн — директор обучения в Практической школе высших наук; Луи Базэн — директор Института тюркологических исследований в Париже; Клод Каэн — профессор Парижского университета; Жанна Ларош; Георг Ливэ — декан филологического факультета в Страсбурге; Роберт Мантран — профессор университета в Экс-ан-Провансе.

В предисловии к I тому подчеркивается, что давно назрела необходимость в издании специализированного тюркологического журнала, которого до сих пор не было во Франции. Публикация французскими тюркологами результатов своих научных изысканий в общевостоковедческих органах («*Journal Asiatiques*»), либо в журналах, посвященных главным образом проблемам арабистики («*Revue des Etudes Islamiques*»), византистики («*Byzantion*») и другим, вынуждала их суживать границы исследований.

Между тем для тюркологических исследований характерны огромные масштабы как в хронологическом отношении (более тысячелетия), так и с точки зрения охвата территорий с тюркоязычным населением (Средняя и Центральная Азия, Ближний Восток, Юго-Западная Европа и Средиземноморье). К тому же тюркология как наука объединяет специалистов самого различного профиля: историков, филологов, лингвистов, археологов, этнографов и многих других.

В предисловии указано также, что ежегодник «*Turcica*» будет придерживаться строго научного направления, а его содержание будет посвящено всему тюркоязычному миру, в особенности же Турции.

Принятой системой транскрипции текстов является система, употреблявшаяся в «*Islâm Ansiklopedisi*».

«*Turcica*» будет публиковать на французском и английском языках статьи, тексты памятников письменности и библиографические заметки, касающиеся таких отраслей тюркологии, как лингвистика, филология, археология, история искусства, этнография, социология, история религий, политическая, экономическая и социальная история.

В первом изданном томе ежегодника напечатаны следующие статьи:

1. Луи Базэн — «Благожелательные формулы и традиционные жанры устного творчества: этюд о тюрко-монгольской языковой семье». Автор статьи анализирует и исследует слово *uotak-dotak* (тюрко-монгольское).

2. Джеймс Гамильтон — «Уйгурский документ о продаже земли из Иар-Хото (XII—XIII вв., хранится в Лондонском Британском музее). В статье приводятся текст, транскрипция, перевод, примечания, факсимиле документа, библиография использованных работ.

3. Клод Каэн — «Баба Исхак, Баба Ильяс, Хаджи Бекташ и некоторые другие». В статье исследуются нарративные источники, сохранившие сведения об этих лицах, и некоторые вопросы социально-религиозных движений в Анатолии в XIII—XIV веках.

4. Жан Обэн — «Этногенез караунас».

5. Пертев Наил Боратав — «Рассказ и эпико-романическое сказание». Автор анализирует четыре сказания из турецкого и азербайджанского фольклора и их компоненты: традиционные и вставные, неизменные и обновляемые.

6. И. Меликова публикует пять писем на турецком языке турецкого султана Баязида II венецианскому дожу (1486—1503 гг.) из венецианского государственного архива. В предисловии к статье «Баязид II и Венеция» автор кратко описывает часть собрания этого архива, имеющую отношение к Турции XV—XVI вв. Письма опубликованы в латинской транскрипции, к ним приложены переводы, факсимиле текстов, дается исторический комментарий.

7. К этой же серии документов относится и публикуемое Еленой Аарвайлер «Письмо султана Баязида II на греческом языке», которое датируется автором 1502 годом.

8. Статья Жана Дени (1879—1963) и Жанны Ларош — «Поход в Прованс флота султана Сулеймана под командованием адмирала Хайреддина-паша, прозванного Барбароссой (1543—1544)» (по неизданным документам), содержит значительное количество документов из архивов департаментов устья Роны и Тулона и их переводы.

9. Стэнфорд Шоу в статье «Селим III и османский флот» пишет о реформе флота в XVIII веке, возрождении османского кораблестроения и реорганизации флота в 1804 году. Журнал опубликовал также краткую биографию Ренэ Жиро в связи с его кончиной в мае 1968 года (более подробная биография будет опубликована в следующем номере).

В заключение ежегодник публикует лекцию профессора Стамбульского университета Тайиба Гёкбилгина «Обзорные государственной организации Османской империи в XVI веке», прочитанную им в Страсбургском университете. В этой лекции характеризуются такие институты, как султанат, его исполнительные органы (садразам, диван-и хумайюн), законодательные источники (шариат и сборники канунов), а также аграрная, финансовая и административная системы.

В приложенном проспекте приводится перечень статей, которые будут опубликованы в ближайших номерах:

Жан-Луи Бакке-Грамон. Рукописи и переводы «Бабур-наме»;

Луи Базэн. Ренэ Жиро (1906—1968). Некролог;

Клод Казн. О сельджукидах;

Емель Есин. «Ала» — пёстрая лошадь, в тюркской иконографии;

М. Фишек. Кодификация законов в период танзимата;

Сурен Меликьян. Царство Соломона;

Ирина Меликова. Один документ «Ахи»;

Александр Попович. Изучение Османской империи и востоковедение в балканских странах (опыт биобиблиографии и характеристика югославского востоковедения).

В готовящемся к печати II томе будут помещены следующие рецензии:

Жан Кальмар. По поводу «Мистерии в месяце мухарреме среди азербайджанских тюрок Кавказа» (Ивар Лэсси).

Луи Базэн. Введение в практическое изучение турецкого языка. Париж, 1968 (И. Меликова).

Клод Казн. Доосманская Турция. Лондон, 1968 (И. Меликова).

Азиз Ага Мамедов. Произведения шаха Измаила Хатан. Баку, 1966 (И. Меликова).

Жозеф Матуц. Хроника Сейфи Челеби. Париж, 1969 (И. Меликова).

Обзорные статьи Жана Обэна и др.

Н. А. Дулина

РЕЦЕНЗИИ

Г. САДВАКАСОВ. ЯЗЫК УЙГУРОВ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ*

Данные диалектов и говоров имеют огромное значение как в создании исторической грамматики того или иного тюркского языка, так и в сравнительно-историческом изучении тюркских языков вообще. При изучении каждого диалекта или говора обнаруживаются элементы глубокой древности, благодаря которым подкрепляются или уточняются отдельные гипотетические высказывания, углубляются те или иные этимологические изыскания. Таким образом, монографическое исследование диалектов и говоров тюркских языков продолжает оставаться одной из важнейших задач тюркологии.

Именно с этой точки зрения и следует оценивать рецензируемую книгу Г. Садвакасова.

Как известно, язык уйгуров Ферганской долины до сих пор не был предметом лингвистического изучения. Между тем ферганский говор языка советских уйгуров в силу специфичности своего развития не мог не сохранить в себе некоторые древние особенности тюркских языков. Однако длительное нахождение ферганского говора в сфере родственного узбекского языка способствует его постепенной нивелировке. Последнее обстоятельство делает изучение ферганского говора уйгурского языка неотложной задачей. Ибо только такое изучение может выявить и сделать достоянием науки сохранившиеся специфические факты и особенности этого говора, представляющие несомненную ценность для исторических исследований.

Таким образом, появление специальной работы, посвященной изучению ферганского говора уйгурского языка, диктовалось насущными задачами тюркской диалектологии.

Книга состоит из предисловия и трех основных частей — фонетики, текстов с их переводами и словаря.

В предисловии даются краткие сведения об уйгурах Советского Союза, об их тер-

риториальном расселении, о характере их языковых связей с узбекским народом и т. д.

«По своему территориально-географическому положению, — пишет автор книги, — а также по этно-лингвистическому составу советские уйгуры делятся на две большие группы: 1) семиреченскую и 2) ферганскую» (стр. 3).

Г. Садвакасов совершенно справедливо указывает на причины, которые делают специальное изучение языка уйгуров Ферганской долины необходимым. Во-первых, «в языковом отношении уйгуры Ферганской долины совершенно не изучены» (стр. 4), поэтому диалектные материалы, представленные в рецензируемой книге, «являются единственным пока источником по языку ферганских уйгуров» (стр. 5). Во-вторых, изучение этого говора, безусловно, поможет определить степень участия ферганского говора «в формировании фонетических и лексико-грамматических норм литературного языка советских уйгуров» (стр. 6). Наконец, в-третьих, материалы данного говора могут предоставить ценные факты для изучения закономерностей взаимодействия и взаимообогащения близкородственных (уйгурского и узбекского) языков (стр. 6).

То, что материалы по ферганскому говору собраны в результате не одной, а трех диалектологических экспедиций (1961, 1963 и 1967 гг.), во время которых были обследованы почти все уйгуроязычные селения Ферганской долины, позволило автору дать полное лингвистическое описание данного говора, выявить его специфические особенности. Благодаря этому автор собрал также огромный текстовый материал (преимущественно в магнитофонной записи) по образцам устного народного творчества (сказки, анекдоты, песни, стихи, пословицы и поговорки, загадки и т. д.), в которых нашли отражение не только современная разговорная речь носителей изучаемого говора, но и целый ряд языковых элементов глубокой древности.

* Алма-Ата, 1970.

Одну из основных частей книги составляет раздел фонетики (стр. 10—70), в которой дано подробное описание фонетического строя ферганского говора: классификация и полная характеристика гласных и согласных фонем, основные закономерности их варьирования, природа слога и ударения. Сопоставление материалов изучаемого говора с литературным уйгурским языком, его остальными говорами, а также с данными ряда других тюркских языков, позволило автору установить как общие, так и специфические особенности языка уйгуров Ферганской долины в области фонетики.

Заслуживает внимания тот факт, что автор книги не ограничивается простой констатацией специфических фонетических явлений, а пытается выявить причины их существования в ферганском говоре.

Так, по поводу неоднотипности фонетических признаков в данном говоре автор вполне справедливо говорит, что «чрезвычайно смешанный характер этно-лингвистического состава уйгуров, переселявшихся в Фергану в разное время в течение нескольких столетий, разбросанность их мелкими группами почти по всей Ферганской долине и, самое главное, отсутствие нормализации произношения — вот те основные причины, вследствие которых здесь встречаются весьма разнохарактерные фонетические явления» (стр. 10).

Следует особо отметить выявление автором книги в ферганском говоре первичных долгих гласных. Г. Садвакасов правильно отмечает: «Было бы, однако, неправильным утверждать, что первичные долготы, характеризовавшие фонетику древнетюркских языков, исчезли потом бесследно, и в современных тюркских языках нет фонетических явлений, в той или иной степени связанных с ней (с первичной долготой)» (стр. 21). Совершенно прав автор и в том, что «исторический процесс сокращения долготы гласных оставил на своем пути немало отпечатков самого различного характера, которые выявляются по мере дальнейшего углубленного изучения звуковой системы тюркских языков» (стр. 22).

Одним из фактов, подтверждающих данное положение, как раз и является наличие в говоре уйгуров Ферганской долины рефлексов первичной долготы гласных, выявленных автором книги. На основе сопоставлений слов *ʧaz* 'гусь', *saz* 'болото', *baɣ* 'есть, имеется', *saɣ* 'коршун', *jaɣ* 'овраг,

крутой берег', *kaɣ* 'снег', *bäs* 'пять', *täɣ* 'физиономия, облик' с соответствующими эквивалентами из древнетюркского языка автор устанавливает, что все эти слова «в древности имели в своем составе долгие гласные *a:*, *ä:*; ...что исторически долгие гласные, превратившиеся потом в гласные с нормальной долготой, в современном уйгурском языке иногда проявляют себя иначе, чем этимологически недолгие гласные. Одним из таких проявлений и явля-

ется устойчивость гласных в вышеприведенных словах; *a*, *ä*, восходящие к соответствующим древнетюркским долгим гласным, в отличие от исторически недолгих, в большинстве случаев не поддаются закону палатализации и не переходят в *e*» (стр. 23).

Доводы Г. Садвакасова полностью убеждают читателя в том, что в языке уйгуров Ферганской долины сохранился целый ряд первичных долгих гласных, характерных для древнетюркских языков. Это подтверждают также подробно описанные автором случаи вторичного образования долгих гласных как в изучаемом говоре, так и в уйгурском языке.

Значение выявленных в ферганском говоре уйгурского языка первичных долгих гласных заключается не только в том, что данный факт лишней раз подтверждает правильность наличия «на стадии праязыка общетюркской количественной оппозиции гласных»¹, но и в том, что обязывает исследователей правильно ценить следы первичной долготы гласных, наблюдаемые в тех или иных говорах и диалектах отдельных тюркских языков, и не считать их продуктом влияния соседних нетюркских языков. В этом свете особое значение приобретает факт наличия первичных долгих гласных в кахском говоре азербайджанского языка².

Весьма удачным следует считать изложение в книге особенностей появления в ферганском говоре вторичных долгих гласных, образование которых, как устанавливает автор, «связано: а) прежде всего с выпадением согласного в конце или середине слова; б) со стяжением двух гласных в один долгий; в) с произвольным увеличением длительности звука для выделения слога или слова из потока речи (эмфатическая долгота)» (стр. 23). Кроме вышеперечисленных, в данном говоре «имеются еще долготы в заимствованных словах из арабского и иранских, а также китайского языков» (стр. 26).

Подробное описание случаев возникновения вторичной долготы гласных весьма убедительно подтверждает правильность положения автора о характере существования первичной долготы в ферганском говоре.

Таким образом, в книге анализируются почти все виды существующей в исследованном говоре долготы гласных, что имеет важное значение и для сравнительного изучения тюркских языков, для правильного определения в них природы первичной долготы.

Небезынтересными являются наблюдения автора над слабым проявлением закона сингармонизма в ферганском говоре. При-

¹ См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 56.

² См.: С. М. Моллазаде. Говоры Кахского района Азербайджанской ССР. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 5.

чнну непоследовательности закона сингармонизма в данном говоре автор объясняет преимущественно внешними факторами (стр. 27), с чем в основном можно согласиться. Это явление также представляет интерес для сравнительного изучения тюркских языков, поскольку оно имеет место в диалектах и говорах других тюркских языков, в частности азербайджанского.

Привлекает внимание характерное для вокализма данного говора фонетическое явление, заключающееся «в том, что находящиеся в однослженных основах широкие гласные *a, ə*, теряя ударение под влиянием последующего слога с гласными *u, y, ʏ*, переходят в *e (<a, ə)*, *o (<a)*, *ö (<ə)*», например: *elip (al+ip)* 'взяв', *berip (<bar+ip)* 'пойдя', *selip (<sal+ip)* 'кладя', *besi (<bas+i)* 'его голсеа', *jeyip (<jay+in)* 'дождь' и др. (стр. 31—32). В результате сопоставления фактов автор заключает, что «этот резко выраженный и живой в пределах литературного языка (уйгурского. — М. Р.) и семиреченского говора закон в ферганском говоре в целом проявляется слабо» и что «закон регрессивной ассимиляции гласных в изучаемом говоре потерял свою прежнюю регулярность и находится в стадии отмирания» (стр. 32).

Немаловажное значение для сравнительного изучения тюркских языков имеет регулярное чередование *l* с *p*, наблюдаемое «в аффиксе -гил (-гил, -кили, -кили), которому в говоре соответствует -гини (-гини, -кйини, -кини): кёйдургини 'чтобы жечь'; ургини 'чтобы бить'; йегэни 'чтобы есть'» (стр. 43).

Так, в письменных памятниках азербайджанского языка до XVII века широко была распространена форма повелительно-го склонения II л. ед. ч. на -g'il, -gyi (jazgyi 'пиши', g'alg'il 'приди' и др.), которая не сохранилась в современном азербайджанском языке. Однако сейчас в разговорном азербайджанском языке функционирует форма повелительного склонения II лица ед. ч. (deg'inän 'скажи', jazg'inän 'пиши'), которая, по мнению ряда азербайджанских лингвистов, восходит к вышеупомянутой форме на -g'il. Наличие в языке уйгуров Ферганской долины факта чередования *l > p* в аффиксе -g'ili, -g'ini лишь раз подтверждает правильность предположения о том, что формант -g'in в составе аффикса -g'inän в азербайджанском разговорном языке восходит к историческому -g'il (ср. alg'ilän > alg'inän).

В книге обстоятельно описаны случаи геминации согласных, которые делятся автором на общетюркские и специфические для изучаемого говора. Убедительным выглядит утверждение автора, что «доминирующим законом, по которому образуются геминаты, является все же не тенденция к сохранению коренного вокализма, а создание экспрессии» (стр. 62).

Вторую часть книги составляют тексты (стр. 73—161). Большой объем текстов, охватывающих почти все жанры устного народного творчества, удачный перевод на русский язык, безусловно, делают книгу ценной не только для лингвистов, но и для фольклористов и литературоведов.

Книга снабжена словарем, охватывающим почти все слова, зафиксированные автором в ферганском говоре. В словарь включены географические названия, а также слова как специфические для говора, так и совпадающие с литературным языком. Автор верно поступил, включив в словарь все фонетические варианты отдельных слов. Ясно, что наличие такого обстоятельного словаря по исследованному говору имеет большое значение как для изучения словарного состава уйгурского языка, так и для выяснения характера связей ферганского говора с другими говорами уйгурского языка. Кроме того, в словаре представлен целый ряд фактов, имеющих важное значение в сравнительно-историческом исследовании лексики тюркских языков.

Так, некоторые слова, зафиксированные автором в ферганском говоре, встречаются в письменных памятниках азербайджанского языка или же в его диалектах и говорах. Глагол *bozlas-*, употребляющийся в ферганском говоре в значении 'горько плакать, причитать' (стр. 180), в аналогичном значении представлен в памятнике «Китаби деде Коркут». Употребляемое в ферганском

говоре слово *ziĵän* 'племянник, племянница' (стр. 191) встречается сейчас в ярдымлинском говоре азербайджанского языка в виде *jeg'än* со значением 'племянник'³. Интересно, что данное слово в других диалектах и говорах азербайджанского языка не встречается. Если учесть, что слово *jeg'än* в значении 'племянник' зафиксировано в древнетюркских памятниках⁴, то станет ясным, что в двух весьма далеких друг от друга говорах тюркских языков сохранилась древнетюркская лексическая единица.

Слово *k'ujav*, употребляемое в ферганском говоре в значении 'жених, молодой муж' (стр. 204), встречается в Кубинском диалекте азербайджанского языка в виде *g'ijog'ijov* в значении 'зять (муж дочери)'⁵.

Глагол *k'uj- ~ k'öj-* 'гореть', употребляемый в ферганском говоре (стр. 205), в форме *k'öj-* со значением 'гореть' широко распространен в письменных памятниках азербайджанского языка XIV—XVI вв.

³ См.: Т. Б. *Һәмзәјев*. Ярдымлы районун шивәләринин лүгәтинә даир бә'зи гејдләр.— «Азәрб. ССР ЕА Хәбәрләри». Әдәбијјат. дил вә инчәсәнәт. 1969, № 2, стр. 99.

⁴ См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 252.

⁵ См.: Азәрбајҹан дилинин диалектологини лүгәти. Бақы, 1964, стр. 282.

Интересен факт фонетического совпадения формы разделительных союзов в ферганском говоре уйгурского языка и шекинском (нухинском) диалекте азербайджанского языка. Дело в том, что в этом диалекте азербайджанского языка разделительный союз ja... ja 'или... или' выступает в значении отрицательного союза pā... pā 'ни... ни'⁶. Примечательно, что данное явление зафиксировано Г. Садвакасовым в ферганском говоре, ср.: jā atamdin äjtmarpu, jā pamdin äjtmarpu 'ни отца мне не суждено иметь, ни матери мне не суждено иметь' (стр. 172); ja gosky jok, ja k'ijimg'i jok 'нет [денег] ни на мясо, ни на одежду' (стр. 196).

Наличие данного явления в территориально отдаленных друг от друга диалектах и говорах различных тюркских языков позволяет предположить, что оно представляет собой остаток того периода, когда p и j были своего рода единой морфемой (ср. случаи p ~ j в диалектах и говорах азербайджанского языка)⁷; лишь впоследствии окончательно определился их фонемный статус; ср.: ja... ja (||jä... jä) и pā... pā уже с дифференцированными синтаксическими функциями.

Книга Г. Садвакасова не лишена и некоторых недостатков, которые относятся в основном к словарной части.

Автор считает, что в словах jakutly 'приятный', op bes jäsli 'пятнадцатилетний' аффикс -ly, -li является фонетическим вариантом -luk, где выпал последний согласный (стр. 54—55). Между тем в современных тюркских языках -ly, -li, -lu, -lü и -lug, -lik', -lug, -lük', как известно, являются отдельными словообразующими аффиксами, с различными функциями. Правда, в тюркологии имеется мнение о том, что аффикс -lu исторически восходит к -lug, однако в синхронном плане это семантически различные аффиксы.

Слово bidām 'без промедления, без задержки; безжалостный, беспомощный' автор сводит к иранскому bidārāng (стр. 179), с чем нельзя согласиться, поскольку оно состоит из префикса بی и слова دم (dām). Последнее в персидском имеет следующие значения: 'дыхание, дуновение; вздох; мгновение', от которых и образовано уйгурское bidām.

Вызывает возражение то, что первую часть глагола dangla- 'хвалить, славить,

прославлять' автор считает иранской. Между тем это исконно тюркское слово, ср. в азербайджанском языке danys- 'говорить, рассказывать, в составе которого нетрудно видеть глагол dan- и залогообразующий аффикс -ys.

Первая часть производного слова davansy 'проводник через горные перевалы', выдаваемое автором за уйгурское (стр. 184), по своему происхождению является иранской: ср. dāvone 'проводить' (äji dāvon 'проводи его') в талышском языке, دوانسن 'гнать, заставлять бегать; погонять; пускать вскачь' в современном персидском языке.

Слово dos-ja: 'друзья, товарищи' автор считает по происхождению иранским (стр. 187). Однако оно состоит из иранского dos (< دوست) и тюркского jag с одним и тем же значением 'друг'. Не случайно, что парное сочетание этих однозначных слов имеет семантику множественности, ср. dos 'друг', jag 'друг', но dos-ja: 'друзья'.

Составной глагол zätyug- 'собирать в одно место; копить, накапливать' представлен автором исконно уйгурским; между тем он состоит из арабского جمع 'собирающие' и тюркского глагола yug-, одно из значений которого 'собирать'.

То же относится к слову zälvu ~ zälvu 'красивое, привлекательное движение, грация' и глаголу zälvu gyl- 'блистать грацией, красотой', которые Г. Садвакасов считает уйгурскими (стр. 191). Между тем ясно, что слово zälvu заимствовано из иранских языков, ср. в современном персидском языке جلوه 'блеск, сияние', جلوه کردن 'блистать, сверкать, появляться, показываться', جلوه گر 'сияющий, лучезарный, блестящий'.

Займствованные из иранских языков слова tiy 'лезвие, острие' (стр. 238), хäsäk' — хüsäk' 'объедки, остатки соломы, сена и т. д.' (стр. 246) ошибочно представлены в книге уйгурскими.

Нельзя согласиться с автором в том, что sähmät 'шахматы' — русское слово (стр. 256). Известно, что оно восходит к сочетанию иранского شاه 'шах' и арабского مات 'умереть, сделать мат'. Возможно, что слово sähmät перешло в уйгурский язык из русского, что и следовало бы указать в книге. Не прав автор и в том

⁶ См.: М. Исламов. Азербайжан диллинги Нуха диалекти. Баку, 1967, стр. 156—157.

⁷ См.: М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные для истории тюркских языков (по материалам азербайджанских диалектов). — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 20—24

случае, когда считает слова ^v *samal* 'ветер' и *simal* 'север' разными по происхождению, т. е. первое — иранским (стр. 255), второе — арабским (стр. 256). Между тем оба они восходят к арабскому ^v *simal* شمال 'север', фонетическая дивергенция которого в уйгурском языке (да и в ряде других тюркских языков) привела к семантической дифференциации.

Неточно представлено в словаре слово *sirat* (стр. 232). Автор не указывает на его арабское происхождение и можно думать, что автор считает его уйгурским. Однако слово *sirat* صراط, употребляемое преимущественно в классическом арабском языке, означает 'путь, дорога', ср *الصراط المستقيم* 'правильный путь'.

М. Ш. Рагимов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СОВЕЩАНИЕ ДИАЛЕКТОЛОГОВ

3—4 декабря 1970 г. в Москве состоялось расширенное заседание Научного совета по диалектологии и истории языка при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, посвященное обсуждению проекта Вопросника «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» и обмену опытом по составлению диалектологических атласов отдельных тюркских языков.

В заседании приняли участие члены Научного совета во главе с его председателем — чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесовым, сотрудники сектора диалектологии Института русского языка АН СССР, сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР, диалектологи из союзных и автономных республик (Азербайджана, Казахстана, Киргизии, Туркмении, Узбекистана, Молдавии, Татарии, Башкирии, Чувашии, Якутии).

С докладом «О ходе работы над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза» выступил акад. АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев (текст доклада публикуется ниже).

С сообщением о работе над проектом Вопросника выступил зав. сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР Э. Р. Тенишев. Он кратко изложил общие принципы составления проекта Вопросника и назвал авторов отдельных разделов: Введение — Л. С. Левитская, Л. А. Покровская. Фонетическая транскрипция — Н. А. Баскаков, I. Фонетика — Л. А. Покровская, Э. В. Севортян. II. Морфология — Н. А. Баскаков, Г. И. Донидзе, А. А. Коклянова, Э. Р. Тенишев. III. Лексика и IV. Семантика — Л. С. Левитская. Проект Вопросника был отредактирован и подготовлен к печати Л. С. Левитской, Л. А. Покровской и А. А. Кокляновой (Ковшовой).

Большую помощь в составлении проекта Вопросника оказали акад. В. М. Жирмунский и председатель оргкомиссии по работе над Атласом акад. АН Азерб. ССР М. Ш. Ширалиев.

Проект Вопросника был предварительно разослан для ознакомления в НИИ тюркоязычных республик.

Сообщение Э. Р. Тенишева дополнили Э. В. Севортян и Н. А. Баскаков. Они подчеркнули, что данный проект Вопросника является первым опытом и начальным этапом в подготовительной работе по составлению Диалектологического атласа тюркских языков. В Вопросник включены только наиболее характерные общетюркские и межтюркские диалектные расхождения; в нем не нашли отражения особенности по ареалам тюркских языков (Кавказ, Средняя Азия, Поволжье, Сибирь).

Н. А. Баскаков внес предложение — провести обсуждение проекта Вопросника отдельно в каждом коллективе диалектологов тюркоязычных республик и областей и принять окончательный вариант Вопросника с учетом результатов этого обсуждения.

В обсуждении проекта Вопросника приняли активное участие диалектологи из тюркоязычных республик: Г. Г. Мусабаев и Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата), Г. Бакинова (Фрунзе).

По общему мнению выступавших, проект Вопросника в целом оставляет хорошее впечатление. Более других разработан раздел «Фонетика». Раздел «Морфология» следовало бы дополнить примерами, иллюстрирующими каждое морфологическое явление, а также увеличить число последних (например, включить все, а не три падежа), приняв общую нумерацию, как в разделе «Фонетика». Разделы «Лексика» и «Семантика» необходимо расширить. 50—60 карт для всего Атласа — явно недостаточно. По характеру Вопросника карт должно быть больше. В ближайшее время необходимо централизованно решить вопрос о составлении сетки и разработать методику составления карт.

Р. Я. Удлер (Кишинев), основываясь на опыте составления Диалектологического атласа молдавского языка, отметил, в частности, нечеткость формулировок отдельных

вопросов, помещенных в разделе «Фонетика», отсутствие тематических подразделений материала в разделе «Лексика». Он предложил оставить только один вариант транскрипции (на русской или на латинской основе), а также не разделять по этапам полевой сбор и картографирование материалов, проводя эту работу параллельно (летом проводить экспедиции, а зимой картографировать собранный материал), и т. д.

М. В. Софронов (Москва) сообщил, что в Институте Дальнего Востока АН СССР будет составляться лингвистический Атлас Китая. Китайцы надеются на помощь тюркологов, которая потребуется при составлении атласа диалектов различных тюркских языков, существующих на территории Китая.

Н. Х. Максютова (Уфа) поддержала предложение *Н. А. Баскакова* — обсудить проект Вопросника в национальных республиках, так как не все диалектологи (в частности, башкирские) успели детально ознакомиться с ним и потому не могли принять активного участия в обсуждении.

В заключение обсуждения выступил *Р. И. Аванесов*. Он подчеркнул, что основная цель Вопросника — выяснить территориальное распространение известных тюркологам языковых явлений. Сейчас задача заключается в том, чтобы проверить этот Вопросник на практике. В Вопросник не должны включаться методические указания, они обычно даются отдельно. Может быть, целесообразно использовать опыт составления Вопросника Общеславянского лингвистического атласа, где имеются систематическая (явления) и тематическая (лексика) части. Полевые материалы собираются по второй части и распределяются по явлениям. Уже пора приступить к составлению карты-основы и сетки, т. е. перечня населенных пунктов, где будет проводиться сбор материала. Лучше вначале взять небольшое количество населенных пунктов, отражающих наиболее различающиеся говоры в каждом из тюркских языков. Уже сейчас надо думать о составлении более полного Вопросника для большого Атласа. Необходимо ускорить темпы работы над Атласом, т. е. провести пробный сбор материала по данному Вопроснику в течение двух лет. После этого следует провести Общесоюзную диалектологическую конференцию, посвященную вопросам Диалектологического атласа тюркских языков.

Затем был зачитан письменный отзыв акад. *В. М. Жирмунского* о проекте Вопросника (текст отзыва публикуется ниже).

Л. А. Покровская от имени авторского коллектива ответила на некоторые вопросы и замечания, высказанные при обсуждении проекта Вопросника. При отборе явлений для Вопросника учитывались в первую очередь имеющиеся программы собирания материалов для атласов отдельных тюркских языков (азербайджанского, татарского, кир-

гизского и др.), а также программы собирания материала для монографического изучения диалектов целого ряда тюркских языков, так как в них получили отражение некоторые общетюркские и межтюркские соотвествия. Не учтены лишь программы, появившиеся в последние два-три года, так как к этому времени составление проекта Вопросника было уже завершено. Тюркские слова-примеры подбирались с таким расчетом, чтобы их можно было максимально использовать во всех разделах Вопросника (т. е. чтобы каждое слово иллюстрировало как можно больше фонетических, морфологических и лексических явлений). В процессе работы был учтен опыт составления Вопросника Общеславянского лингвистического атласа. Совершенно справедливо замечание *Р. И. Аванесова* о том, что Вопросник и методические указания объединять нецелесообразно, их надо разделить. Правомерен также упрек в медлительности, однако продвижение работы зависит в большой мере и от помощи местных диалектологов.

Участники заседания приняли следующее решение:

1. Одобрить проект Вопросника и принять его за основу для пробного сбора материала по общетюркскому атласу.

2. Просить НИИ союзных и автономных республик и областей:

а) организовать обсуждение проекта Вопросника и представить результаты обсуждения в сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР к 15 февраля 1971 г.;

б) выделить сотрудников-диалектологов, ответственных за работу по общетюркскому атласу;

в) включить в планы научно-исследовательских работ институтов на 1971—1975 гг. коллективную тему «Диалектологический атлас тюркских языков СССР»;

г) составить минимальный список населенных пунктов (сетку) для пробного сбора диалектологического материала по общетюркскому атласу.

3. Просить сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР:

а) окончательно отредактировать Вопросник, учитывая рекомендации участников данного заседания, письменный отзыв акад. *В. М. Жирмунского* и результаты обсуждения в НИИ союзных и автономных республик;

б) отредактированный вариант Вопросника представить на очередное региональное совещание по диалектологии тюркских языков, проведение которого намечается в Ташкенте в мае 1971 г.

На заседании были заслушаны и обсуждены также сообщения о состоянии работы по составлению диалектологических атласов киргизского, азербайджанского, казахского, туркменского, чувашского языков. Ниже приводится краткое изложение этих сообщений.

Г. Бакинова (Фрунзе). Работа по изучению диалектов и говоров киргизского языка методом лингвистической географии началась с 60-х годов. В 1962 г. была составлена «Программа сбора материалов для Диалектологического атласа киргизского языка». Она была доработана с учетом результатов пробного сбора материалов и издана в 1963 г. По этой программе в течение восьми лет проводился сбор материала одновременно на территории Киргизии и районов с киргизским населением в Узбекистане и Таджикистане. Собранные материалы обработаны и систематизированы на основе 34 фонетических, 27 морфологических, 2 синтаксических и 74 лексических вопросов. Обследовано всего 379 населенных пунктов, из них на карте отражены 355. В 1969 г. киргизские диалектологи приступили к составлению Атласа. Была составлена карта-основа. Вся система знаков и методика отражения материалов на карте разработаны в виде инструкции по картографированию, теоретической основой которой послужила книга «Вопросы теории лингвистической географии» (М., 1962) и атласы русского и белорусского языков.

В настоящее время впервые составлены карты, отражающие лексические и грамматические особенности диалектов киргизского языка, в 1972 г. должны быть нанесены на карты фонетические особенности этих диалектов. Всего будет представлено примерно 250 карт (170—180 основных и 60—70 сводных). Срок окончания работы над Атласом — 1972 год. Большую помощь в работе оказывает сектор диалектологии русского языка. Научный совет по координации диалектологических исследований должен оказать содействие в издании наших национальных атласов в Москве, так как в республиках таких возможностей нет.

М. И. Исламов (Баку). При современном состоянии азербайджанской диалектологии составление Диалектологического атласа вполне возможно. В 1958 г. была издана программа сбора материалов для Атласа (составители М. Ширалиев и Р. Рустамов). Программа включает 197 вопросов, из них 56 — по фонетике, 47 — по грамматике и 94 — по лексике. На основе этой программы был собран материал и составлен Атлас наиболее исследованной восточной группы азербайджанских диалектов. Атлас состоит из 50 карт; 24 из них отражают фонетические явления, 17 — грамматические и 9 — лексические. На картах фонетических явлений изображены изоглоссы, наиболее характерные для диалектов и говоров восточной группы, показывающие особенности племенных и родовых языков, игравших важную роль в формировании этих диалектов и говоров. На картах, посвященных морфологии, отражены различные особенности, характерные для категорий падежа и принадлежности существительного, степеней сравнения прилагательного, употребления местоимений, категорий

времени и наклона глагола, деепричастий. Карты по лексике отражают особенности терминов родства, а также названий различных реалий и т. д. Атлас восточной группы диалектов и говоров в 1967 г. был представлен к печати. С 1966 г. начался сбор материалов для общего Диалектологического атласа, который будет состоять из 120 карт и охватит все группы диалектов и говоров азербайджанского языка (на территории республик). В 1971 г. сбор материалов будет завершен, а с 1972 г. начнется составление карт. Диалектологический атлас будет иметь значение не только для решения некоторых вопросов самого азербайджанского языка, но и сравнительного изучения тюркских языков и составления общетюркского Диалектологического атласа. Азербайджанские диалектологи просят Научный совет оказать возможное содействие в деле издания давно уже подготовленного Атласа восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, так как в республике нет соответствующей полиграфической базы.

Ш. Ш. Сарыбаев (Алма-Ата). Диалектологический атлас казахского языка предполагается издать в четырех томах. I том будет охватывать южные области Казахстана, II том — западные, III том — центральные-северные и IV том — восточные области. Каждый том Атласа будет включать также территории соседних республик с казахским населением.

Сбор материалов для первого тома был начат в 1966 г. и закончился в 1970 г. Первый том состоит из 257 карт, из которых 132 отражают фонетические, 100 — лексические и 22 — грамматические особенности диалектов казахского языка. Материалы для первого тома собирались по Программе, изданной в 1966 г. При сборе материалов основное внимание уделялось традиционным явлениям, однако при этом учитывались и вторичные, более поздние явления. Большую помощь в работе оказал опыт составления Диалектологического атласа русского языка.

Уже сейчас выявилось важное значение лингвогеографического изучения казахского языка для классификации групп его говоров; карты внесли некоторые коррективы в ранее принятые положения (например, о характере «чоканья» в южных говорах). Они помогут и в нормализации литературного казахского языка, предоставят возможность выбрать литературный вариант среди дублетов в говорах. Кроме того, с помощью карт обнаруживается и степень влияния соседних языков. В связи с совпадением изоглосс некоторых языков с границами племенных расселений казахов возникает ряд новых вопросов. Карты помогают вскрыть пучки изоглоссы в «зонах вибрации». Многочисленные ссылочные материалы в картах будут даны в виде приложения к Атласу.

Г. Сапарова (Ашхабад). С 1967 по 1970 гг. диалектологи Туркменини работали над соз-

данием атласа северных районов, в которых живут носители ёмудского, човдурского, карадашлинского и емрелинского диалектов туркменского языка. Перечисленные диалекты граничат на севере с казахским и каракалпакским языками, на востоке — с узбекским. Атлас отражает характерные черты дифференциации наиболее важных языковых явлений в северных диалектах и говорах Туркмении. На карты Атласа нанесены изоглоссы фонетических (27 карт), морфологических (25 карт) и лексических (27 карт) явлений. Показательно выражение временных форм глаголов, а также — некоторых особенностей лексики. Атлас создавался с учетом опыта азербайджанских диалектологов и является первым трудом молодых туркменских лингвистов в этой области. При сборе материалов возникали некоторые трудности, не всегда удавалось получить нужные ответы от информантов. В таких случаях записывались тексты, из которых затем извлекались необходимые факты. В настоящее время закончены комментарии к картам атласа северных районов Туркменской ССР. На следующее пятилетие (1971—1975 гг.) запланирован сбор материалов в остальных районах Туркмении для составления в 1976—1977 гг. полного Диалектологического атласа.

Л. П. Сергеев (Чебоксары). Диалектологический атлас чувашского языка является результатом пятнадцатилетней работы автора по изучению чувашских говоров на территории Чувашской АССР. При картографировании диалектных различий чувашского языка нами тщательно изучен и учтен опыт диалектологов Москвы, Белоруссии, Украины и других республик, а также интересный и поучительный материал зарубежных лингвистических атласов, опубликованных в последнее время в Чехословакии, Польше, ГДР, Болгарии. Карты нашего Атласа дали возможность не только уточнить диалектное членение чувашской языковой области, но и наглядно показать пути диалектных миграций в направлении их современной локализации. Они отражают и такие явления, которые объясняются влиянием субстрата. Атлас является ценным пособием в работе лингвиста, историка, этнографа. Он имеет не только научное, но и практическое, прикладное значение: может служить основанием при разработке научно обоснованных орфоэпических и орфографических норм современного чувашского литературного языка.

Атлас состоит из двух частей. Первую часть составляют вступительные статьи, комментарии к картам и справочный материал. Вторая часть атласа — сами карты (их всего 448): 399 карт отдельных языковых явлений, 35 сводных карт языковых явлений, 14 вспомогательных карт. К атласу приложен «Словарь чувашских народных говоров». Он состоит из двух частей: I часть — «Лексические диалектизмы» (изда-

на отдельной книгой в 1968 г.), II часть — «Фонетические диалектизмы».

Исходным материалом для картографирования явились отчеты диалектологических экспедиций НИИ послевоенных лет, диалектологические работы студентов, материалы Т. И. Матвеева (1926—1928 гг.), «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина и другие работы. Основным материалом для Атласа послужили полевые записки автора, собранные в 1951—1969 гг. В ходе работы над картами автор обследовал 42 населенных пункта, включенных в состав Атласа, и ряд смежных селений. Всего в Атлас включен 201 населенный пункт. Исходя из особенностей всех ярусов языка (фонетики, грамматики и лексики) и их проекции на карту, в чувашском языке выделяются два диалекта: верховой и низовой. Между ними исторически образовалась довольно широкая переходная зона («зона вибраций»)¹.

Насыров (Ташкент) выступил с краткой информацией о работе по созданию Диалектологического атласа узбекского языка. В настоящее время ведется работа по сбору материалов для региональных атласов. По говорам Ташкентской области уже собран материал, составлен Вопросник, готовы карты. Разрабатываются региональные атласы Ферганской, Наманганской и других областей.

М. Акмамедов (Ашхабад) сделал сообщение о карадашлинском диалекте туркменского языка и его лексических особенностях.

Р. И. Аванесов, обобщая выступления, отметил, что доклады и сообщения свидетельствуют о большой работе, проводимой диалектологами тюркоязычных союзных и автономных республик в области лингвистической географии. Недостатком, однако, является разобщенность лингвистов национальных республик и отсутствие координации. Каждый из Вопросников по национальным атласам — это самостоятельная работа. При соединении всех вопросников не получится общетюркского Вопросника, так же как атласы отдельных тюркских языков не составят общетюркского Диалектологического атласа. У них разные задачи. После IV съезда славистов в Москве выяснилось, что общеславянский Атлас — это явление, отличное от региональных атласов.

Данные атласа хороши тогда, когда они относительно синхронны, т. е. когда материал собран примерно в одни и те же годы по всем языкам и явлениям, включенным в атлас. Иначе получится искаженная проекция структуры языка на географической карте.

Совпадение диалектных границ с племенными — очень примечательное явление для общей теории лингвогеографии. Работа над

¹ Подробнее см.: *Л. П. Сергеев*. О диалектологическом атласе чувашского языка. Журн. «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 105—120.

составлением региональных атласов обогащает эту теорию.

Массовость материала нейтрализует его относительную недоброкачественность. Необходимо больше встречаться и консультироваться друг с другом по всем трудным и важным вопросам.

Атласы можно издавать по-разному, но предпочтительными являются черно-белые карты. Необходимо также добиваться краткости комментариев.

Э. Р. Тенишев отметил, что работа сове-

щания была плодотворной, но, к сожалению, на совещании не было составителей Атласа татарских диалектов, отсутствовали ведущие диалектологи из Узбекистана.

Э. Р. Тенишев обратился к диалектологам с просьбой присылать в сектор тюркских языков Института языкознания все новые программы-вопросники для сбора материалов создаваемых национальных атласов.

Л. А. Покровская

* * *

ИЗ ТЕКСТА ОТЗЫВА В. М. ЖИРМУНСКОГО НА ПРОЕКТ ВОПРОСНИКА

...Вопросы подготовки «Атласа тюркских языков и диалектов» по-прежнему продолжают меня живо интересовать, и я хотел бы принять участие в обсуждении подготовленного «Вопросника» по крайней мере в письменной форме, также по необходимости — кратко, так как состояние здоровья лишает меня возможности писать более пространно.

1. Вопросник, составленный сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР, представляется мне явлением выдающимся в советской тюркологии. Авторы сумели в сжатой и вместе с тем достаточно полной форме объединить в нем основные дифференциальные признаки современных тюркских языков и диалектов в области фонетики и морфологии, присоединив к ним ряд примеров лексических и лексико-семантических расхождений. К этому следует добавить составленную Н. А. Баскаковым очень точную и детальную унифицированную фонетическую транскрипцию (на русской и на латинской основах), а также полезные методические указания для собирателей. Все это заставляет думать, что Вопросник в течение ряда лет будет служить источником поучения для специалистов, работающих в области описания и сравнительно-сопоставительного изучения тюркских языков и диалектов. На критических замечаниях частного характера, которые, разумеется, возможны, я не хотел бы останавливаться, учитывая большое положительное значение достигнутых общих результатов.

Тем не менее именно в качестве Вопросника, то есть как своего рода универсальная диалектологическая анкета, работа, подлежащая нашему обсуждению, вызывает у меня некоторые возражения методического характера. В сущности — это не анкета, а материал для ряда будущих анкет, которые должны учесть систематизированные в Вопроснике дифференциальные признаки и отобрать из них те, которые составят содержание того, что можно будет назвать «анкетой». Составление таких анкет представляет, как мне кажется, едва ли

не самую трудную часть работы. Необходим последовательно отобранный ряд анкет. Каждая из них должна быть не слишком громоздкой по своему объему, а первая, в соответствии с решением комиссии по подготовке Атласа, рассматривается нами как пробная (в методическом отношении): ее результаты, представляющие по возможности различные разделы фонетики, грамматики и лексики, должны быть нанесены на карты и в меру своей пригодности (не обязательно все!) опубликованы, чтобы послужить предметом дальнейшего методического обсуждения участников работы.

Мне хотелось бы в особенности подчеркнуть, что ни отдельная анкета, ни совокупность анкет, ни лингвистический атлас в целом не могут и не должны исчерпать все дифференциальные различия языка. Поэтому вопросы типа: «Записать полную парадигму...» (стр. 28, 29 и т. д.) в разделе «Морфология» свидетельствуют об установке составителя (или составителей) не на будущий лингвистический атлас, а на монографическое описание диалекта. Следует отбирать явления, подлежащие картографированию, учитывая их способность давать на карте достаточно рельефные изоглоссы. Для пробного атласа в особенности бесполезны явления, недостаточно четко дифференцированные, способные вызвать затруднения у диалектолога-собираателя или информанта (как многие «оттенки звуков», отмечаемые транскрипцией, стр. 4—7).

С другой стороны, желательно уже при первом опыте картографической съемки (то есть в пробной анкетке) учесть и функциональное значение отбираемого явления для общей географической дифференциации тюркских языков и наречий. В этом смысле подсказкой для первого отбора могли бы послужить, как мне кажется, изоглоссы, выделенные в классификации А. Н. Самойловича, с дополнениями И. А. Батманова («Краткое введение в изучение киргизского языка», стр. 86—96) и немногочисленные другие, добавленные современной советской

тюркологией (в классификации Н. А. Баскакова и др.).

Позволяю себе еще раз напомнить, что с самого начала как принципиально, так и на практике каждое фонетическое явление должно быть непременно представлено *несколькими примерами*, частично расходящимися в своих границах (ср. Вопросник, №№ 57—64 для начального й и др.): иначе лингвистический атлас не сумеет осуществить свою задачу — *показать реальную дифференциацию изоглосс*.

2. Одновременно с составлением анкеты (прежде всего *пробной анкеты*) очередной задачей комиссии по тюркскому атласу представляется мне установление числа и географической сети опорных пунктов для анкетирования. Задача эта не терпит отлагательства, так как от нее зависит фактически успех всей работы. Она не может быть выполнена без активного участия республиканских и других местных научных центров, но не может быть *предоставлена всецело на их усмотрение*. Исходя из *общих предварительных сведений* о территориальной дифференциации тюркских языков и диалектов, следует наметить сеть опорных

пунктов, достаточно густую, чтобы представить на карте все основные предполагаемые расхождения между изоглоссами каждого данного района. В соответствующих опорных пунктах (если признавать необходимость ряда последовательных анкет) должны иметься постоянные информанты, к которым будут обращаться за материалом диалектологи-сборатели из соответствующего местного научного центра.

Следует иметь в виду, что фонетическая и грамматическая терминология Вопросника предполагает наличие у диалектологов-сборателей очень высокого уровня лингвистических знаний. Я не уверен, что такие знания имеются повсюду. Поэтому потребуется, по-видимому, специальное обучение будущих сборателей и издание соответствующих разъяснительных инструкций, либо упрощение способа изложения, а иногда и самой проблематики.

Необходимо, во избежание недоразумений, остановиться на одном виде транскрипции — русском или латинском. Я полагаю, что первое удобнее, учитывая подготовку сборателей.

* * *

ИЗ ДОКЛАДА М. Ш. ШИРАЛИЕВА «О ХОДЕ РАБОТЫ НАД ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ АТЛАСОМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»

Все согласны с мнением, что значение диалектологического атласа тюркских языков, помимо всего прочего, заключается прежде всего в том, что он осуществит синтез всех общих и различительных признаков тюркских языков. Это позволит объективно решить ряд спорных вопросов их типологии и истории, а также установить основные направления и тенденции их развития. Изоглоссы диалектологического атласа раскроют не только процессы исторической дифференциации тюркских языков, но и частные случаи интеграции, т. е. атлас даст новый ценный материал для дальнейшего сравнительно-исторического исследования тюркских языков и создания более точной их классификации. Ввиду того, что исторические процессы расселения и перемещения тюркских народов, их взаимодействия и связи неизбежно отражаются на языке, образуя границы диалектных явлений, составление диалектологического атласа тюркских языков открывает также широкие перспективы для изучения истории тюркоязычных народов¹.

¹ Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, Л. А. Покровская, Э. В. Севортян. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 3.

Идея создания диалектологического атласа тюркских языков принадлежит академику Льву Владимировичу Щербе, который, выступая в 1926 году на I Тюркологическом съезде, указал на необходимость начать подготовительные работы по изданию атласа тюркских языков. Л. В. Щерба подчеркнул огромное значение этого трудного и сложного дела и высказал мнение, что диалектологический атлас не только обобщит богатый материал для уточнения и углубления наших сведений об отдельных тюркских диалектах, но и откроет перспективы для новых исследований, поможет в создании научной классификации тюркских языков.

В то время тюркологи еще не были готовы к выполнению этой грандиозной работы, так как диалекты и говоры тюркских языков еще не были изучены монографическим путем. В те годы лингвисты тюркоязычных республик были заняты решением актуальных практических задач культурного строительства: созданием алфавитов, разработкой правил орфографии, составлением учебников на родном языке и т. д. Решение этих вопросов должно было предшествовать работе по подготовке лингвистического атласа.

Применение лингвогеографического метода исследований в тюркской диалектологии началось в основном с конца 50-х годов.

В Азербайджане, Татарии, Узбекистане, Киргизии, Чувашии в планы академических институтов языкознания были включены научно-исследовательские работы по составлению диалектологического атласа национального языка.

В Азербайджане в настоящее время впервые в истории тюркологии подготовлен к печати диалектологический атлас восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, включающий 50 карт.

За последние годы появилось большое количество монографических исследований по тюркской диалектологии, на основе которых могут быть выделены соответствующие изоглоссы.

В Азербайджане, Татарии, Узбекистане, Киргизии и других тюркоязычных республиках и областях проделана определенная работа по составлению национальных диалектологических атласов, выросли кадры специалистов-диалектологов. В их работе большую помощь оказывает опыт составления диалектологического атласа русского и белорусского языков.

В 1963 году в г. Фрунзе на IV региональном совещании по тюркской диалектологии по инициативе академика В. М. Жирмунского был поднят вопрос о составлении Диалектологического атласа тюркских языков. В докладе В. М. Жирмунского и в его статьях на страницах журнала «Вопросы языкознания» и «Тюркологического сборника» были изложены теоретические основы диалектологического атласа тюркских языков СССР и намечен комплекс мероприятий для решения этой задачи.

Совещание избрало комиссию и поручило ей подготовить конкретные предложения. По указанию комиссии сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР в течение 1965 года занимался отбором материала (явлений и слов) для будущего атласа.

В октябре 1965 г. на состоявшемся в Баку V совещании по вопросам диалектологии тюркских языков группа ученых в составе Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, Л. А. Покровской и Э. В. Севортяна представила коллективный доклад «О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза».

Заслушанные на совещании научные доклады, сопровождавшиеся богатым иллюстративным материалом, а также выступления, посвященные составлению Диалектологического атласа тюркских языков, подтвердили готовность диалектологов к этой большой и ответственной работе.

Совещание приняло постановление о создании Диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, горячо поддержанное научной общественностью.

В 1966 году в городе Анкаре, на XI турецком лингвистическом съезде, созванном

Турецким лингвистическим обществом, мною был прочитан доклад «Диалектологический атлас тюркских языков Советского Союза». Грандиозное начинание советских тюркологов вызвало живой интерес зарубежных лингвистов.

Составление диалектологического атласа тюркских языков предполагает два этапа работы: первый этап — это создание малого диалектологического атласа тюркских языков народов Советского Союза; второй этап — создание большого атласа, охватывающего диалекты тюркских языков как Советского Союза, так и зарубежные. Малый диалектологический атлас будет включать 50—60 карт, отражающих общие черты диалектов тюркских языков Советского Союза.

В отличие от монографического исследования составление атласа требует предварительной разработки основных документов, а именно: 1) программы, 2) системы транскрипции, 3) приемов картографирования.

Самым трудным вопросом составления атласа является выбор изоглоссных явлений, которые в зависимости от территории по-разному реализуются. В настоящее время имеется достаточное количество общих изоглосс, отличающих тюркские диалекты друг от друга в области фонетики, грамматики и лексики. Задача составителей атласа заключается в том, чтобы выяснить территориальное распределение уже известных в основном языковых фактов.

Составление программы и инструкций для сбора диалектологических материалов, выработка единой транскрипции для атласа были поручены сектору тюркских языков Института языкознания АН СССР. Сектор в течение года занимался отбором явлений и слов для Вопросника, а также обсуждением отобранного материала.

В начале 1967 года академику В. М. Жирмунскому был представлен на рассмотрение первый черновой вариант Вопросника.

Ознакомившись с материалами-примерами анкеты-вопросника для малого диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза, В. М. Жирмунский сделал ряд существенных критических замечаний, касающихся оценки этого материала с точки зрения принципов лингвистической географии.

В 1967 году эти замечания обсуждались на заседании сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР.

На этом же заседании были утверждены русский и латинский варианты транскрипции.

В настоящее время Вопросник Диалектологического атласа тюркских языков СССР уже составлен.

Он включает четыре раздела: фонетику, морфологию (словоизменение и словообразование), лексику и семантику.

В состав разделов Вопросника включаются:

1. Перечень явлений, то есть фонетических, морфологических, лексических и семантических расхождений между языками (диалектами), и слова-примеры, иллюстрирующие эти явления.

2. Вопросы-задания диалектологу — собирателю материала.

3. Образцы вопросов информанту.

4. Методические указания, которыми должен пользоваться диалектолог при сборе материала.

Тюркские слова и аффиксы, включенные в Вопросник, записаны знаками принятой для атласа фонетической транскрипции на русской графической основе. Каждое слово или аффикс приводится в нескольких фонетических вариантах, отражающих основные фонетические расхождения, характерные для данного слова или аффикса в большинстве тюркских языков.

Например: бен/б'ан/мен/мэн/мин «я», -ын, -ан..., -нын, -тын..., -ны...² (аффикс родительного падежа).

Приведенные варианты слов и аффиксов не снабжены пометами, указывающими на конкретные тюркские языки, из которых они взяты, с той целью, чтобы заранее не ориентировать диалектолога на определенный вариант данного слова или аффикса в обследуемом тюркском языке (диалекте, говоре).

Так как сбор материала будет осуществляться среди носителей разных тюркских языков (диалектов, говоров), в разнообразных географических, экономических, бытовых и прочих условиях, в Вопроснике не могут быть предусмотрены все конкретные ситуации, в которых окажется диалектолог-собирающий.

В зависимости от места сбора материала, а также возраста, пола, образования и характера занятий информанта, степени его знания литературного тюркского (азербайджанского, киргизского и т. д.) и русского языков диалектолог-собирающий может пользоваться различными приемами: задавать прямой вопрос на тюркском языке (диалекте, говоре) с указанием на предмет или его изображение, ставить вопрос на русском языке, вести тематическую беседу, записывать текст.

Вопросы типа «как у вас называют?» (с указанием на предмет) можно использовать для выявления фонетических и лексических особенностей диалекта (говора).

Вопросы на русском языке удобны в тех случаях, когда необходимо выяснить наз-

вание предмета, который нельзя показать информанту (например, имя с абстрактным значением, местоимение), или название признака³.

В Вопроснике значительное место отведено фонетике. В этом разделе охвачено 165 основных фонетических явлений, которые по-разному реализуются в тюркских языках.

Для морфологических особенностей диалектов тюркских языков отобраны 23, а для лексических особенностей — 20 явлений.

Вопросник-проект должен быть обсужден и уточнен.

С 1971 года планируются выявление пунктов исследования, внесение этих пунктов в сетку и сбор диалектологического материала на основе Вопросника.

Дальнейшая работа над составлением атласа будет осуществляться по следующим этапам:

1 этап — 1971—1973 годы — сбор диалектологических материалов на основе утвержденного Вопросника и их камеральная обработка;

2 этап — 1974—1976 годы — картографирование;

3 этап — 1977—1980 годы — написание комментариев к картам, редактирование и рецензирование.

Обширность пространства расселения тюркоязычных народов (от Якутии до Молдавии включительно) делает невозможным осуществление практического руководства этой работой из единого центра. Поэтому для реального и успешного руководства составлением атласа необходимо выделить четыре зоны с самостоятельными центрами:

1 зона — Сибирская, с центром в гор. Новосибирске. Сюда войдут якутский, тувинский, хакасский, горно-алтайский языки.

2 зона — Среднеазиатская, с центром в гор. Ташкенте. В эту зону войдут: казахский, киргизский, узбекский, туркменский, уйгурский, каракалпакский языки.

3 зона — Поволжская, с центром в гор. Казани. Сюда войдут татарский, башкирский, чувашский языки.

4 зона — Кавказская, с центром в гор. Баку. В эту зону войдут азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, гагаузский, караимский языки.

Создание диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза — работа очень трудоемкая и сложная, и в ней нам должны помочь русские диалектологи, имеющие большой опыт в изучении диалектов и составлении диалектологических атласов. Мы обращаемся с просьбой к Научному совету по диалектологии и истории языка

² Многоточие указывает на то, что перечень вариантов данного слова (аффикса) не исчерпан и может быть дополнен собирателем материала.

³ См.: Вопросник «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (проект). М., 1969, стр. 1—2.

при ОЛЯ АН СССР помочь нам в организации и проведении семинара для составителей атласа. С этой целью необходимо выделить специалистов, которые ознакомили бы участников семинара с методами сбора и камеральной обработки, картографированием и другими элементами работы. Слс-

довало бы обязать все языковедческие научно-исследовательские учреждения тюркоязычных республик и областей включить в планы научно-исследовательских работ (начиная с 1971 года) комплексную тему «Диалектологический атлас тюркских языков Советского Союза».

СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА А. Е. КРЫМСКОГО

С 13 по 15 января с. г. в Киеве проходила научная сессия ордена Ленина Академии наук Украинской ССР, посвященная столетию со дня рождения крупного востоковеда и слависта, писателя и переводчика, академика АН УССР Агафангела Ефимовича Крымского. В работе сессии приняли участие ученые Украины и других республик страны. Президент Академии наук УССР академик *Б. Е. Патон* в своем вступительном слове указал на большие заслуги А. Е. Крымского в организации Академии наук Украины и в развитии науки. Юбилей А. Е. Крымского, подчеркнул президент, включен ЮНЕСКО в перечень выдающихся событий, отмечаемых во всем мире.

Председатель Юбилейной комиссии вице-президент АН УССР академик АН УССР *И. К. Белолед* в своем докладе «Творческий подвиг ученого» проанализировал различные этапы многогранной востоковедной, славистической, научно-организаторской и литературной деятельности А. Е. Крымского. «Наследие А. Е. Крымского, — сказал *И. К. Белолед*, — активный фактор развития науки и культуры украинского народа, всех народов СССР. Оно представляет собою весомый вклад в развитие мировой цивилизации, служит делу мира, прогресса, единения людей доброй воли во всем мире».

Доклад д-ра филол. наук *А. Е. Засенко* (Киев) «А. Е. Крымский — исследователь и критик украинской литературы» был посвящен характеристике некоторых сложных вопросов, связанных с изучением литературно-критического наследия А. Е. Крымского, в частности эволюции идейно-политических взглядов ученого в области истории и критики древней и новой украинской литературы.

В докладе канд. ист. наук *И. М. Смилянской* (Москва) «А. Е. Крымский как востоковед-арабист» отмечалось, что изучение проблемы разносторонних культурно-исторических связей народов Ближнего и Сред-

него Востока всегда являлось одним из магистральных направлений научной деятельности академика А. Е. Крымского. Докладчик подробно рассмотрела целый ряд исследований ученого, связанных с изучением так называемых «бродячих сюжетов» художественной литературы, а также социально-экономической природы оппозиционных течений в истории религиозно-философской мысли Востока. *И. М. Смилянская* подчеркнула непреходящую ценность и значимость фундаментального рукописного труда А. Е. Крымского «История новой арабской литературы».

На заседаниях Секции украинистики было заслушано 13 докладов: «А. Е. Крымский о некоторых проблемах истории Украины» (чл.-корр. АН УССР *А. И. Гуржий*,

Киев), «Поэтическое творчество А. Е. Крымского» (канд. филол. наук *А. А. Каспрук*, Киев), «Роман А. Е. Крымского «Андрій Лаговський» (д-р филол. наук *Л. И. Колесник*, Киев), «А. Е. Крымский — исследователь украинского устного народного творчества» (д-р филол. наук *А. И. Дей*, Киев). Ряд других докладов на этой секции был посвящен собственно языковедческим проблемам, связанным с разработкой А. Е. Крымским актуальных вопросов украинского языкознания.

В докладе д-ра филол. наук *М. А. Жовтобрюха* (Киев) «Проблемы исторической фонетики в работах А. Е. Крымского» отмечалось, что выдающийся украинский ученый намного точнее, чем его предшественники и современники, определил специфические фонетические особенности украинского языка на разных этапах его исторического развития. Труды А. Е. Крымского по исторической фонетике украинского языка составляют один из серьезнейших этапов в развитии современного украинского языкознания.

В докладе д-ра филол. наук *В. М. Русановского* (Киев) «Проблемы исторической грамматики в работах А. Е. Крымского» отмечалось, что «истолкование фактов истории грамматической структуры ученый согласовал с материалами древнейшего периода в истории восточнославянских языков, представленного памятниками письменности XI—XIV вв. Внимание ученого в основном было направлено на период общедревнерусского единства и его распада, на начало и интенсификацию дивергентных процессов в восточнославянском языковом мире, которые, в конечном итоге, и привели к образованию трех восточнославянских языков». Значителен вклад А. Е. Крымского и в изучение проблем, связанных с успешным разрешением сложных вопросов истории восточнославянского единства, в том числе и языкового.

Детальной характеристике многообразных научных задач, обусловленных определенной традицией изучения и издания исторических памятников письменности украинского языка, посвятил свой доклад «Памятники украинского языка в работах А. Е. Крымского» канд. филол. наук *В. В. Нимчук* (Киев).

Значительный круг и поныне не утративших своей актуальности теоретических и практических вопросов, связанных с исследованиями А. Е. Крымского в области украинской диалектологии, осветил в своем докладе «Вопросы украинской диалектологии в работах А. Е. Крымского» д-р филол. наук *И. Г. Матвиас* (Киев).

Другие аспекты языковедческого наследия академика А. Е. Крымского были широко освещены в докладах «Вопросы развития украинского литературного языка в работах А. Е. Крымского» (канд. филол. наук *П. Д. Тимошенко*, Киев), «А. Е. Крымский как лексикограф» (канд. филол. наук

С. И. Головащук, Киев), «Роль А. Е. Крымского в истории украинского правописания» (канд. филол. наук *А. М. Москаленко*, Одесса), «Ономастика в работах А. Е. Крымского» (канд. филол. наук *А. П. Непокупный*, Киев).

На заседаниях Секции востоковедения было заслушано и обсуждено 22 доклада.

В докладе канд. филол. наук *Г. И. Никulina* (Киев) «А. Е. Крымский — исследователь языков Ближнего и Среднего Востока» была дана общая характеристика некоторых важнейших лингвистических проблем, связанных с изучением природы взаимодействия близкородственных и разнородных языков; общих и частных, внутренних и внешних причин и факторов языковых эволюций, нашедших освещение в таком широко известном труде, как «Семитские языки и народы» Т. Нёльдеке в обработке А. Е. Крымского (с участием академика *П. К. Коковцева*), в работах А. Е. Крымского «Тюрки, їх мови та літератури» и в «Лінгвістична приналежність хазарів (і одномовних з ними булгарів) як хронологічний ключ для найдавнішої історії» (неопубликована, хранится в Рукописном фонде Центральной научной библиотеки АН УССР).

Как известно, подавляющее большинство востоковедческих работ А. Е. Крымского посвящено специальным исследованиям в области истории (в том числе — истории религии), этнографии, культуры и просвещения семитских, иранских и тюркоязычных народов Ближнего и Среднего Востока. Отдельные аспекты этой необычайно широкой проблематики нашли отражение в докладах Секции востоковедения.

Канд. ист. наук *Н. А. Кузнецова* (Москва) выступила с докладом «Труды А. Е. Крымского по иранистике». Отмечая энциклопедическую широту интересов ученого, докладчик подчеркнула его роль в развитии комплексного подхода к исследованию иранской проблематики с историко-географических, историко-филологических, философских, религиозных и просветительских позиций. Далее в докладе говорилось о том значительном вкладе, который внес А. Е. Крымский в изучение влияния иранского элемента на историю культуры народов Средней Азии, Кавказа и Причерноморья, а также на развитие и формирование цивилизации на Ближнем и Среднем Востоке. Ученый в своих работах последовательно развивал тезис о многонациональности арабоязычной культуры, подчеркивая участие персов, арабов, тюрков, сирийцев и других народов в создании средневековой культуры Востока.

С докладом «А. Е. Крымский — талантливый украинский переводчик и исследователь литератур народов Востока» выступил канд. ист. наук *А. И. Ганусец* (Киев). Он особо подчеркнул, что А. Е. Крымский первым в истории украинской культуры пе-

ревел на украинский язык непосредственно с языка оригинала турецкие народные песни, стихи Омара Хайяма, Гафиза, Саади, Фирдоуси. Ученый много и плодотворно работал над исследованиями в области истории турецкой, персидской и особенно арабской литературы.

С докладом «Вклад А. Е. Крымского в изучение новой арабской литературы» выступил Ю. Н. Кочубей (Киев).

Собственно исторической проблематике в востоковедном наследии выдающегося ученого был посвящен доклад канд. ист. наук А. Г. Зыбиной (Киев) «А. Е. Крымский — выдающийся исследователь истории арабского Востока».

В докладе канд. ист. наук И. Ф. Черникова (Киев) «А. Е. Крымский и разработка вопросов истории Турции» была дана характеристика комплекса важнейших проблем, связанных с изучением А. Е. Крымским социально-экономической природы обстоятельств и причин, обусловивших рост и расцвет Османской империи, а затем ее упадок и разложение (на материале целого ряда широко известных трудов ученого: «История Турции и ее литературы от возникновения до начала расцвета», «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка», «История Туреччины» и других).

В сообщении канд. ист. наук С. М. Алиева (Москва) «Вклад А. Е. Крымского в изучение истории культуры Азербайджана» было отмечено, что А. Е. Крымский был первым советским ученым, опубликовавшим оригинальные исследования по истории Кавказской Албании, по истории азербайджанских городов Шеки и Кабала, раскрывшим некоторые неизвестные страницы истории Северного Азербайджана II—X вв. Часть доклада была посвящена характеристике взглядов А. Е. Крымского на персоязычную литературу Азербайджана эпохи сельджукидов и его неопубликованной монографии «Низами и его современники».

На материале интересных архивных данных было построено сообщение канд. ист. наук А. П. Базиянца (Москва) «Научная и педагогическая деятельность А. Е. Крымского в Лазаревском институте восточных языков».

В докладе д-ра филол. наук Н. А. Баскакова (Москва) «К столетию академика Академии наук УССР А. Е. Крымского (из писем А. Е. Крымского к В. А. Гордлевскому)» на широком культурно-историческом фоне были раскрыты важнейшие этапы научно-педагогической деятельности А. Е. Крымского — крупнейшего слависта и ориенталиста широкого профиля, писателя и поэта, выдающегося деятеля русской и украинской культуры и науки.

Целый ряд докладов Секции востоковедения был связан с разработкой проблематики Третьего всесоюзного симпозиума «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках», соз-

ванного по инициативе Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» Институтом языкознания АН СССР и Институтом языковедения им. О. О. Потееби АН УССР и приуроченного к столетию со дня рождения академика А. Е. Крымского. Здесь были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения, посвященные в основном: 1) историко-этимологическому изучению тюркских лексических элементов восточнославянских языков, теории и практике составления национальных, региональных, ареально-профессиональных и лексико-тематических словарей тюркизмов; 2) общелингвистическим проблемам и обобщающим построениям в области теории языковых контактов и взаимодействий, билингвизма и полилингвизма, фонетико-морфологических субституций и собственно семантических ассимиляционных сдвигов в условиях иноязычного заимствования на материале тюркских лексических элементов славянских языков.

Наиболее общие вопросы, связанные с различными аспектами теории и практики историко-этимологических исследований в области проблемы Turco — Slavica и Slavica — Turcica, были рассмотрены в коллективном докладе д-ра филол. наук Н. А. Баскакова, канд. филол. наук Р. В. Болдырева (Киев), канд. филол. наук И. Г. Добродолова (Москва), д-ра филол. наук А. Е. Супруна (Минск) «Проект инструкции для составления национальных словарей тюркизмов».

Специфике и «моделированию» лингвистической интерференции языковых контактов в связи с теоретическими изысканиями в области общей интерлингвистики был посвящен доклад д-ра филол. наук А. М. Рота (Ужгород) «Проблемы восточнославянских языковых контактов и взаимодействие языков и диалектов Карпатского ареала». Характеризуя взаимосвязь типа языковых контактов с динамикой лингвистической интерференции, автор отметил необходимость расчленения тюркских лексических элементов в восточных и западных славянских языках и диалектах по их «первичным историческим» и «историческим» источникам заимствования.

С докладом «Тюркские лексические элементы в древнерусских повестях и сказаниях XIII—XV вв.» выступил д-р филол. наук В. Д. Аракин (Москва). Проведенный им историко-этимологический анализ убедительно показал, что обнаруженные в текстах памятников тюркские лексические элементы в основном представляют собой заимствования из кыпчакского языка населения Золотой Орды. Автор подробно остановился также на вопросах ассимиляции древнерусским языком тюркизмов в различных сферах — фонетико-морфологической и синтактико-лексической.

Некоторым общим и частным вопросам историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов в белорусском языке был посвящен доклад д-ра филол. наук *А. К. Антоновича* (Вильнюс) «К вопросу о татаризмах, проникших в белорусский язык из татарско-мусульманской письменности на белорусском языке» и сообщение д-ра филол. наук *М. Г. Булахова* (Минск) «Из истории тюркизмов в белорусском языке».

Различные аспекты историко-этимологической и ареально-функциональной характеристики тюркских лексических элементов в русском языке были представлены в докладах: «Тюркизмы в первых академических словарях русского языка» (канд. филол. наук *Г. Н. Асланов*, Баку), «Состав, функционирование и ареалы распространения тюркизмов в русских аргос» (д-р филол. наук *В. Д. Бондалетов*, Пенза), «Тюркизмы в русской речи жителей Среднеазиатского ареала» (канд. филол. наук *Э. Н. Кушлина*, Душанбе), «Тюркизмы в русских названиях хищных животных» (*Д. С. Сетаров*, Карши).

Сложный комплекс вопросов, связанных с многоплановым изучением проблемы восточнославянско-булгарских языковых контактов, нашел отражение в докладе канд. филол. наук *И. Г. Добродомова* (Москва) «О булгарских элементах украинского языка».

С докладом «Тюркские лексические элементы в «Летописи» С. Величко» выступил *Г. И. Халимоненко* (Москва).

В докладе канд. филол. наук *Г. Ф. Благовой* (Москва) «Распадение лексического микрополя в результате одновременных заимствований» на материале тюркских лексических элементов русского языка рассматривались общелингвистические аспекты изучения природы, структуры и характера процессов семантических сближений и расхождений при заимствовании.

Характеристике различных по своей природе и направлению семантических процессов, сопутствующих переходу слов из тюркских языков в русский, посвящен был доклад *К. Р. Бабаева* (Бухара) «Семантические изменения тюркизмов при их заимствовании».

В Оргкомитет юбилейной научной сессии были также представлены следующие дополнительные материалы, связанные с историко-этимологическим изучением тюркских лексических элементов восточнославянских языков: «Тюркизмы в лексико-семантических системах восточнославянских языков» (проф. *И. С. Козырев*, Орел), «Об историко-этимологическом словаре белорусских тюркизмов» (д-ра филол. наук *А. И. Журавский*, *А. Е. Супрун*, Минск), «О словаре тюркизмов русского литературного языка» (*К. Р. Бабаев*, Фрунзе), «Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии» (канд. филол. наук *З. С. Шеломенцева*, Фрунзе), «Происхождение названия «Тьмутаракань» (канд. филол. наук *И. Г. Добродомов*, Москва), «К вопросу о происхождении и значении этнонима *чумак*» (проф. *В. И. Филоненко*, Пятигорск).

Состоявшийся на заседаниях Секции востоковедения обмен мнениями по проблемам изучения научного и литературно-критического востоковедного наследия *А. Е. Крымского* был, несомненно, полезен не только для широкой популяризации имени и работ выдающегося ученого, но и для объективно-критического осмысления целой эпохи в развитии отечественной ориенталистики конца XIX — середины XX века, неразрывно связанной с именем академика *А. Е. Крымского*.

Выступавшие в прениях участники сессии (*В. Д. Аракин*, *Н. А. Баскаков*, *А. Е. Супрун*, *А. М. Рот*, *В. Д. Бондалетов*, *И. Г. Добродомов*, *Р. В. Болдырев* и др.), касаясь различных вопросов, связанных с многосторонней характеристикой тюрко-славянских взаимодействий, не раз подчеркивали важность и полезность объединения усилий тюркологов и славистов Советского Союза при разработке теории и практики историко-лингвистических исследований в области глубокого и всестороннего изучения тюркских лексических элементов в восточнославянских языках.

Было принято решение о публикации материалов юбилейной сессии.

Р. В. Болдырев

«СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФОНЕТИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ»

28 декабря 1970 года состоялось обсуждение книги д-ра филол. наук А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» (Л., 1970), организованное Институтом языкознания Академии наук Азербайджанской ССР и редакцией журнала «Советская тюркология». В обсуждении, кроме самого автора, рецензентов, сотрудников Института и редакции журнала, приняли участие также сотрудники языковедческих кафедр Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова и других вузов республики.

Обсуждение кратким вступительным словом открыл директор Института языкознания АН Азербайджанской ССР, главный редактор журнала «Советская тюркология» академик М. Ш. Ширалиев, сказавший о целях и значении проводимого обсуждения.

Выступивший после него А. М. Щербак поблагодарил дирекцию Института и редакцию журнала за организацию обсуждения его книги и отметил, что «Сравнительная фонетика тюркских языков» представляет собой первую часть задуманного им большого исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, состоящего из трех частей: «Сравнительная фонетика», «Сравнительная морфология», «Введение в сравнительное изучение тюркских языков», работа над которыми должна быть завершена примерно через десять лет. А. М. Щербак отдельно остановился на третьей части, которая, по его словам, будет содержать очерк этнической истории тюркских народов, сведения по истории культуры, письменности, религии, а также классификацию тюркских языков.

Сотрудник Института языкознания А. М. Мамедов в своем развернутом выступлении подчеркнул, что работа А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков» на долгие годы станет настольной книгой всех тюркологов. А. М. Мамедов остановился на ряде общих вопросов сравнительно-исторического изучения языков, получивших освещение в книге, генетическом родстве

и типологических схождениях в звуковом строе тюркских языков, на отдельных фонематических теориях и др. Он отметил также, что сравнительно-исторические исследования в области фонетики тюркских языков до сих пор имели существенные недостатки: регистрируя отдельные звукосоответствия и звукопереходы, они не вскрывали причин звуковых изменений. Как правило, тюркологи не занимались вопросами реконструкции вокализма и консонантизма тюркского языка-основы. Исторические экскурсы, сделанные В. Грэнбеком, В. В. Радловым, М. Рясняном, А. Дж. Эмре, не давали целостного представления об основных этапах и направлениях эволюции тюркской фонетической системы. В противовес установившейся традиции книга А. М. Щербака использует богатейший фактический материал как основу для рассмотрения именно узловых вопросов вокализма и консонантизма и представляет собой значительный вклад в тюркологическую науку, в развитие сравнительно-исторической тюркологии.

Ныне гипотеза о типологическом и генетическом родстве алтайских языков не может быть принята или же отброшена безоговорочно (генетическое и типологическое родство взаимообусловлены, генетически родственные языки в течение длительного времени остаются и типологически родственными)¹. Нельзя пренебрегать и фактами общеалтайского ареала, ибо некоторые из них имеют регулярный характер. С методологической точки зрения вполне допустимо опираться на работы, в которых проводится сравнение восстанавливаемых праязыков крупных языковых семей Старого Света — алтайской, уральской, дравидской, индоевропейской, картвельской, семитохамит-

¹ В. М. Солнцев. Связь генеалогии и типологии и универсальные закономерности языков. — «Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 74—77.

ской, — связанных отдаленным языковым родством. Разумеется, степень надежности реконструкций при этом различна. И тем не менее сравнения основных черт, восстановленных с достаточной достоверностью, обнаруживают бесспорное сходство.

Во введении книги А. М. Щербака даны основные теоретические предпосылки исследования и методы изучения звуковой системы тюркских языков как в синхроническом, так и диахроническом плане. Возражение может вызвать лишь утверждение автора (стр. 13), что при определении «фонемного инвентаря» допустимо сочетать разные приемы установления фонологических единиц. Как известно, этими приемами исследователи останавливают фонемы различного уровня абстракции. Так, например, фонема Московской фонологической школы и фонема Ленинградской школы — это в сущности концептуальные построения разных уровней обобщения.

В первой главе книги «Фонология синхронных срезов» рассматриваются состав фонем и особенности их фонетической реализации в современных и древних тюркских языках, а также реконструируется фонологическая система тюркского праязыка. В этой главе содержится очень много ценных выводов автора.

А. М. Щербак не соглашается с теорией корневыделительности древнетюркского ударения, и поэтому связь редукции с силовым ударением ему представляется «чисто умозрительным решением». Несогласие автора с допущением корневыделительности древнетюркского ударения вполне объяснимо: ведь в версии о корневыделительном характере древнетюркского ударения решающую роль сыграли алтаистические материалы, исключаемые при изучении эволюции звукового строя тюркских языков.

Особо останавливается А. М. Щербак на фарингализованности и количественных признаках гласных, между которыми существует несомненная связь.

Когда речь идет о количественных признаках гласных в тюркских языках, прежде всего встает вопрос о так называемой «первичной долготе». Осознавая исключительную важность разработки данной проблемы, автор рассматривает ее в специальном разделе под названием «Происхождение первичных долгих».

А. М. Щербак предполагает, что в тюркском протоязыке, где господствовал моносиллабизм, большую роль играли слоговые акценты, которые, как и слоговой сингармонизм, являлись одновременно и различительным и разграничительным средством: «будучи принадлежностью слога в целом, слоговые акценты получали преимущественное выражение в выделении какого-либо слогового компонента или в способе соединения одного из них с другим» (стр. 136). По мнению А. М. Щербака, долгота/краткость гласных и озвончение согласных в конце односложных слов восходят к пра-

тюркской корреляции разновершинных слогов — вокальновершинного и консонантновершинного. Что же касается способа соединения разных компонентов слога, то этот способ лег в основу корреляции примыкания: непосредственное примыкание гласного к согласному — прерывная корреляция (ср. противопоставление в тувинском языке «чистых» и «фарингализованных» гласных).

А. М. Щербак типологически уподобляет тюркские слоговые акценты литовской тоновой оппозиции, датскому толчку, шведско-норвежской и центрально-баварской просодической оппозиции длительности, в основе которых лежит различие двух ритмических типов долгого слога — начальновершинного и конечновершинного.

Типологическое сопоставление тюркских языков с уральскими и другими алтайскими языками показывает, что противопоставление согласных по глухости/звонкости на стыке первого и второго слогов и в конце односложных слов напоминает ступени чередования согласных в уральских языках и противопоставление глухих и звонких согласных в интервокальном положении двусложных основ в монгольских языках. При этом тюркские языки в большей мере приближаются к монгольским языкам, что подтверждается тюрко-монгольскими соответствиями.

Исторически для тюркских языков характерен закон контрастной корреляции количества. Ввиду того, что все односложные слова-корни были ударными, долгие звуки противопоставлялись друг другу по месту вершины, которое автоматически определялось законом озвончения согласных в интервокальном положении и фонологизацией признака «глухость/звонкость» в конце некоторых односложных слов. Там, где имелся звонкий согласный, вершина падала на вокальный сегмент, а там, где сохранялся глухой коррелят, вершиной слога выступал консонантный сегмент. Таким образом, внутри тюркского ударного первого слога выделялись два фонологизованных тона — вокальновершинный и консонантновершинный.

Выступившая затем канд. филол. наук С. Моллазаде подчеркнула значение книги А. М. Щербака для изучения фонетических законов тюркских языков. «Сравнительная фонетика тюркских языков» открывает новый этап в области применения сравнительно-исторического метода в тюркологии. В работе анализируются фонетические особенности гласных и согласных звуков тюркских языков, исследуются ударные и безударные слоги, освещается ряд актуальных вопросов фонетики. Автор книги систематизировал, можно сказать, все существующие в тюркологии высказывания и замечания о фонетических особенностях отдельных тюркских языков и на основе новых фактов стремился решить ряд спорных проблем. Один из разделов книги посвящен проблеме первичных долгих гласных. Как известно, вопрос

о первичной долготе гласных в тюркских языках до сих пор является предметом разногласий среди тюркологов. Исследования ряда ученых, таких, как О. Бётлингк, И. Буденц, Е. Д. Поливанов, Л. Лигети и др. в области установления первичных долгих гласных в тюркских языках, а также анализ фактов, зафиксированных в древнетюркских памятниках, подтверждают, по мнению А. М. Щербака, существование общетюркской количественной оппозиции гласных на стадии праязыка (стр. 56). Весьма ценным является то, что в памятниках древних тюркских языков в отдельных случаях имеется графическое отображение долгих гласных (стр. 53). Автор рассматривает все тюркские языки, в которых в той или иной степени сохранилась первичная долгота гласных. Приведенные им факты убедительны и не вызывают сомнений.

Для современного азербайджанского языка, как известно, не характерна первичная долгота гласных. Однако в некоторых его диалектах и говорах первичные долгие гласные сохранились. В этом отношении характерны кахские говоры. С. Моллазаде сделала сообщение о ряде фактов первичной долготы, установленных в кахских говорах. Ею зафиксировано около семидесяти квазиомонимов — односложных слов с первичными, по мнению исследователя, долгими гласными. Интересно отметить, что встречающаяся в кахских говорах первичная долгота свойственна почти всем гласным, за исключением *ы*, то есть здесь налицо случаи количественной оппозиции гласных: ср.: *gān* 'скалка' — *gān* 'кровь', *gōs* 'кровля (чердак)' — *gōs* 'лоскут', *gāt* 'скорлупа яйца' — *gāt* 'слой', *āba* 'поцелуй' — *āba* 'мать', *xāl* 'пруд' — *xāl* 'родинка'.

Зафиксированы и другие слова с первичными долгими гласными, в основном с долгими *а* и *о*. Долгие гласные в кахских говорах отличаются большей напряженностью и интенсивностью. Нарушение долготы гласных при их произношении приводит к изменению значения слова.

Первичные долгие гласные в кахских говорах азербайджанского языка отображают одну из древнейших особенностей фонетического строя тюркских языков, для исследования которого так много сделала книга А. М. Щербака «Сравнительная фонетика тюркских языков».

Канд. филол. наук Н. С. Джидалаев выступил с замечаниями, направленными на уточнение и дополнение интерпретации схемы диахронических звукопереходов (рефлексов пратюркского *ϕ* с глухой и звонкой дивергенцией), помещенной в разделе «Фонетическая эволюция согласных» книги А. М. Щербака (стр. 160), и привел ряд интересных фактов отражения древнетюркских фонетических явлений в лакском языке.

Согласно схеме А. М. Щербака, глухие со-

гласные предшествуют звонким. «Ослабление, с последующим озвончением или сонантизацией, произошло во всех тюркских языках за пределами Сибири и Алтая; в чувашском и сибирских тюркских языках рефлексами *ϕ являются глухие согласные. В этом отношении последние оказываются более древними, чем все другие тюркские языки» (стр. 160). В данном случае, поскольку речь идет о конкретном звуке *s* (*s'*), возникает вопрос: восстановлен ли предварительно сравнительным методом диахронический уровень *s (*s'*)? Если бы постулированный таким образом гипотетический звук действительно совпал с реальным *s* (*s'*), представленным в чувашском языке, тогда и только тогда можно было бы считать чувашский *s* (*s'*) диахронически предшествующим соответствующим ему звукам других тюркских языков.

Кроме того, явления $j > z$ и $z > j$ относятся к числу фонетических универсалий и присущи не только тюркским языкам, так что вряд ли можно говорить о фонетической эволюции $z > j$.

Далее в книге приводятся (со ссылкой на статью М. Ш. Ширалиева) данные джебраильского говора азербайджанского языка, в котором представлен *z*, соответствующий *j*: *zax* «щека», *zāpān* «плохо», *zālīn* «голый» (стр. 159). Однако весьма сомнителен статус этого звука: он не характерен для всего говора, а представлен только в одном селе и встречается всего лишь в трех словах².

В лакском языке, который с очень отдаленных времен соседствует с тюркскими языками Кавказа, до сегодняшнего дня сохранился значительный лексико-грамматический инвентарь тюркского происхождения. Этот инвентарь может быть в некоторых случаях использован при решении отдельных принципиальных вопросов истории тюркских языков. Например, тюркский аффикс множественного числа *-t* уже в эпоху создания орхоно-енисейских памятников был реликтовым. Между тем в лакском языке среди большого количества аффиксов множественности (тюркского и нетюркского происхождения) представлен и этот аффикс, еще не так давно имевший активный грамматический статус. Достаточно сказать, что лакские названия птиц (в подавляющем большинстве тюркского происхождения) форму множественного числа образуют посредством аффикса *-t*. Отсюда естественно заключить, что в языке тех тюрков, которые контактировали с носителями лакского языка, аффикс множественного числа *-t* еще обладал активной грамматической функцией.

А. М. Щербак выделяет случай появления на месте *ϕ звука *п* как результат асси-

² Т. Гаджиев. Джебраильский говор азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962.

милитивного воздействия носовых согласных (стр. 160). Действительно, приводимый автором иллюстративный материал вполне убеждает в этом. Однако хотелось бы уточнить сказанное: звук *p* мог появиться только вместо среднеязычного спиранта *j*, так как *ϕ* не может непосредственно перейти в *p*. Кроме того, думается, что появление *p* вызвано не только ассимилятивным процессом. В лакском языке представлено значительное количество тюркизмов с анлаутным *l*, который соответствует спирantu *j*³, причем в этих словах анлаутный сонорный *l* представлен и тогда, когда в основе слова отсутствуют какие-либо условия для такого ассимилятивного процесса. Так как на лакской почве переход тюркского *j* в сонорный *l* не мог произойти, то следует предположить, что в источнике заимствования такие тюркизмы были представлены с каким-то другим звуком, который на лакской почве перешел в *l*. Таким звуком мог быть сонорный *p*, видимо, представленный в хазарско-булгарско-суварской среде.

Д-р филол. наук *М. Ш. Рагимов* отметил, что книга *А. М. Щербака* является базой для создания исторической фонетики конкретных тюркских языков. Далее он остановился на методах изучения автором истории тюркских языков, позволивших ему выяснить целый ряд моментов, связанных с происхождением и функционированием отдельных фонем и морфем.

Канд. филол. наук *В. И. Асланов* обратил внимание на то, что в книге *А. М. Щербака* нередко после данного им критического обзора некоторые вопросы остаются открытыми. По его мнению, будучи весьма осторожным в своих высказываниях и суждениях, автор по возможности избегает делать категорические и окончательные выводы. *В. И. Асланов* выразил пожелание, чтобы понятия «первичного корня» и «первичной долготы» фигурировали условно, с оговорками, как относительные понятия. Он указал также на случаи перехода полисиллабизма в моносиллабизм, с развитием долготы (например: *ун <увун*).

Академик *М. Ш. Ширалиев* в своем выступлении отметил, что книга *А. М. Щербака* «Сравнительная фонетика тюркских языков» представляет собой новый, значительный вклад в советскую тюркологию. Это по сути дела сравнительно-историческая фонетика. Исследователь умело использовал огромный диалектологический материал, эту «живую старину» всех тюркских языков. Книга богата фактами и идеями. Ведь до последнего времени сравнительно-исторический метод в тюркологии находился на положении пасынка, а сравнительная фонетика тюркских языков не шла далее известного труда *Марти Рясяна*, опиравшегося в основном на материалы, опубликованные до

30-х годов. Не секрет, что на протяжении длительного времени у нас путали научную методологию с конкретными методами изучения закономерностей развития языков и диалектов, третиrowали сравнительно-исторический метод, разрабатывали различные фонетические «теории» (вроде мидийской, аккадской и др.). Данные орхоно-енисейских памятников долгое время служили для исследователей своего рода эталоном, меркой, под которую подгонялись факты исторического развития тюркских языков и диалектов. То, чего не находили в памятниках древнетюркской письменности, объявляли результатом чужеродного влияния, заимствований и пр. Так было и в области исследования синтаксиса сложного предложения и анализа отдельных фонетических явлений.

Достоинством книги *А. М. Щербака* является и то, что ее положения неизменно опираются на ископный строй, собственную систему тюркского вокализма и консонантизма. Разумеется, книга *А. М. Щербака* не претендует на окончательное решение всех вопросов и выяснение всех спорных положений в области научного сравнения тюркских языков и освещения системного развития их звукового строя. Так, например, не совсем ясна историческая судьба аффрикат, древних диффузных звуков, протетических *h*, *v* и т. д. Но все это частные явления, допускающие различные объяснения в ареальной и диахронической плоскостях.

В заключение обсуждения выступил *А. М. Щербак*: Я признателен выступавшим коллегам за очень высокую оценку моей книги, но хочу заявить со всей искренностью и откровенностью, что она представляет собой, в сущности, коллективный труд, так как одним из важнейших факторов, обеспечивших ее написание, является наличие огромного количества диалектологических работ, которые изданы главным образом тюркологами республиканских и областных центров нашей страны.

Благодарю дирекцию Института языкознания АН Азербайджанской ССР и редколлегию журнала «Советская тюркология» за организацию обсуждения «Сравнительной фонетики тюркских языков» и предоставленную мне возможность участвовать в нем. Как справедливо заметил проф. *М. Ш. Ширалиев*, проведение этого обсуждения в Баку не случайно: именно здесь, в Институте языкознания, несколько лет тому назад рецензировалась рукопись обсуждаемой книги в связи с представлением ее на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Кратко отвечу на вопросы и критические замечания, сделанные в ходе обсуждения.

Сравнительный метод действительно имеет серьезные недостатки, перечень которых приводится почти в каждой специальной работе. Все же пока это единственный метод исторического языкознания. Некоторые тюркологи считают его устаревшим или не от-

³ *Н. С. Джидалаев* О диахронии тюрко-дагестанских языковых контактов. — «Советская тюркология», 1970, № 3.

вещающим специфике тюркских языков и предлагают заменить типологическим, историко-типологическим или каким-либо другим методом, однако все предложения такого рода носят чисто декларативный характер: мы не знаем ни одной работы, в которой бы отразилось применение иных методов. И, конечно, нет никаких оснований считать сравнительный метод непригодным для исследования тюркских языков. Тюркологи мало пользовались этим методом и пока не вправе давать ему свою оценку.

Многие из выступавших здесь касались алтайской гипотезы и высказывали разные мнения относительно возможности учета ее при написании сравнительной грамматики тюркских языков. В монгольских и тунгусо-маньчжурских языках имеется значительное количество разновременных заимствований из тюркских языков и они, естественно, должны учитываться тюркологами. Что же касается использования монгольских и тунгусо-маньчжурских языковых материалов в целом при реконструкции тюркских праформ, то оно допустимо только как способ проверки самой гипотезы. Такое использование указанных материалов уже имело место, но не увенчалось успехом. Я глубоко убежден (это мое личное убеждение, которое я никому не навязываю), что подведение алтаистической основы под сравнительную грамматику тюркских языков будет и впредь бесполезным и бесперспективным занятием, отвлекающим тюркологов от выполнения их основной задачи. Именно поэтому в одном из разделов книги я выразил свое отрицательное отношение к алтайской гипотезе.

Алтайская гипотеза, то есть гипотеза о генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков, появилась в первой половине прошлого столетия и была связана с зарождением и развитием сравнительного языкознания, успехи которого в изучении индоевропейских языков привлекали внимание широкого круга специалистов и способствовали поискам других языковых общностей.

Предположение о генетическом родстве делало естественным и даже необходимым применение сравнительного метода, реконструкцию праформ и проецирование их в современное состояние каждого конкретного языка. Однако освоение классических приемов сравнительного исследования шло чрезвычайно медленно, так как продолжительное время в центре внимания алтаистов находилась проблема научного обоснования генетического родства алтайских языков. Кстати сказать, огромные усилия, приложенные для ее решения, не дали ожидаемых результатов. В связи с этим О. Бётлингк писал в 1853 г.: «Попытку доказать родство тюркского, монгольского и тунгусского языков сходством грамматических форм надобно признать неудачной, потому что в ней только весьма немногим из окончаний уда-

лось приобрести некоторый признак первобытного тождества»⁴. Приблизительно то же самое было отмечено пятьдесят лет спустя П. М. Мелиоранским: «Имеются еще теперь ученые., которые верят в общее происхождение и «внутреннее» родство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и даже финских, самодийских и японского языков. Однако основания, которые обычно приводятся, или ничего не доказывают, или не могут выдержать настоящую научную критику»⁵.

Сравнительное изучение алтайских языков в традиционно-компаративистском плане фактически началось лишь в тридцатые годы нынешнего столетия и связано с именами Г. И. Рамstedта, В. Котвича, Б. Я. Владимирцова, Н. Поппе. К настоящему времени опубликовано большое количество работ, посвященных разбору отдельных лексических и морфологических параллелей и реконструкции праформ, а также две сравнительные грамматики. Заметно расширился и круг алтаистов. Все же метод, которым пользуется большинство из них, имеет мало общего с классическим сравнительным методом. Основная цель исследования заключается обычно в поиске или «угадывании» близких по составу звуков и значению слов и морфологических показателей, и сама констатация материальных сходств рассматривается как «неопровержимый» аргумент в пользу гипотезы о генетическом родстве. Между тем хорошо известно, что каким бы существенным ни было материальное сходство, решающим в определении генетического родства является не число материально сходных или совпадающих фактов, а возможность использования сравнительного метода в целях воссоздания истории языка.

Совершенно очевидно, что алтайская гипотеза требует дополнительной проверки и что споры, происходящие вокруг нее, будут продолжаться еще некоторое время. И в этом нет ничего страшного, так как в науке нельзя обойтись без подобных споров. Опасения вызывает лишь то обстоятельство, что каждое новое поколение алтаистов воспринимает материальные сходства и совпадения в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках как собственное открытие и повторяет, иногда в худшем варианте, путь, пройденный предшествующими поколениями алтаистов.

В ходе обсуждения было сделано много частных замечаний, которые будут с благодарностью учтены или, по крайней мере, приняты к сведению. Ряд замечаний вызывает необходимость уточнения или разъяснения позиции автора.

Говоря о целесообразности и полезности

⁴ О. Бётлингк. О языке якутов. — «Ученые записки АН по первому и третьему отделениям», I. СПб., 1853, вып. 4, стр. 417.

⁵ P. Melioranskij. [Рец. на кн.]: V. Grönbech. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København. 1902. — «Göttingische gelehrte Anzeigen», № 6, 1904, стр. 496.

сочетания разных приемов выделения фонем, я имею в виду только такие приемы, которые дополняют, но не исключают друг друга.

Вопрос о слоговых акцентах в книге не получил достаточно полного раскрытия. Дело в том, что ни в одном из тюркских языков слоговые акценты не сохранились. О существовании их на уровне древнего состояния праязыка свидетельствует наличие в тувинском языке оппозиции «чистых» и «фарингализованных» гласных и связь этой оппозиции с противопоставлением первичных долгих и кратких гласных в других тюркских языках. Это все, чем мы располагаем, если не иметь в виду типологические данные, важность которых для сравнительно-исторического языкознания не вызывает сомнений⁶.

Слоговые акценты, по всей видимости, играли важную роль на той стадии развития, когда господствовал моносиллабизм. Однако из этого не следует, что моносиллабизм в тюркских языках изначален, первичен. Мы вправе говорить лишь об его относительной изначальности, принимая за точку отсчета реконструируемое состояние праязыка или протоязыка.

В настоящее время отрицание так называемой первичной долготы гласных является скорее выражением большой силы инерции первоначального скептицизма, чем следствием отсутствия убедительных доказательств. Первичная долгота сохранилась в немногих тюркских языках, но следы ее обнаруживаются почти в каждом из них. Так, например, недавно были отмечены особенности отражения первичных долгих гласных в уйгурском языке: широкие гласные *a, ä* в словах *qaz, saz, bar, kar, sar, jar,*

bäs, fär и так далее, обычно рассматриваемые как рефлексы долгих, не подчиняются влиянию последующего узкого *i* или, иначе говоря, оказываются вне действия *умлаута*⁷.

Противопоставление первичных долгих и кратких гласных в протоязыке — один из частных случаев выражения просодической оппозиции слогов. Другим частным случаем выражения этой оппозиции могло быть противопоставление первичных геминированных и одинарных согласных.

По вопросу о происхождении редукции гласных в тюркских языках существуют две точки зрения: 1) редукция гласных наблюдается в языках Поволжья, в которых она развилась вследствие продолжительных контактов и взаимодействия с финно-угорскими языками; 2) редукция гласных наблюдается не только в языках Поволжья,

что свидетельствует о возможности ее самостоятельного возникновения на тюркской почве. Я придерживаюсь второй точки зрения, хотя и не отрицаю того, что в формировании специфических признаков поволжского ареала тюркских языков финно-угорские языки сыграли большую роль. Вообще финно-угорские языки должны быть постоянно в поле зрения тюркологов по многим причинам. Прежде всего, бесспорно их влияние на тюркские языки Поволжья, затем в них много типологически сходного с тюркскими языками и, наконец, сами финно-угорские языки подверглись сильному влиянию некоторых тюркских языков и содержат большое количество заимствований, относящихся к разным периодам времени⁸. Учет последних способствует, в частности, созданию более ясного представления о фонетике древнечувацкого языка, материалам которого придается особое значение при реконструкции тюркских праформ.

Объяснение колебаний качества шумных согласных в анлауте в языках огузской группы сопряжено с определенными трудностями независимо от того, реконструируются ли в праязыке в соответствующей позиции только сильные (глухие), только слабые (звонкие, полувзвонкие) или же и те и другие. Мысль о том, что все слова с начальными глухими *k* и *t* в огузских языках являются заимствованиями из кипчакских языков, была высказана не мною, а У. Пошем⁹. Нескольким иное решение данной проблемы предложено Г. Дёрфером в связи с критическим разбором статьи В. М. Иллича-Свитыча¹⁰. Попутно замечу, что попытка В. М. Иллича-Свитыча реконструировать двухчленную или даже трехчленную оппозицию анлаутных шумных согласных в тюркском праязыке имела в качестве первопричины не результаты анализа тюркских материалов, а стремление привести фонологическую систему тюркского праязыка в соответствие с фонологическими системами индоевропейского и других праязыков в рамках ностратической гипотезы.

Отсутствие в некоторых разделах книги примеров из азербайджанского языка объясняется либо тем, что соответствующие примеры не были известны мне, либо тем, что в этих разделах приведены аналогичные примеры из других огузских языков.

⁸ См.: М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, 1; Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1965.

⁹ U. Posch. Concerning the sonorization of the south-west Turkic languages. — «Central Asiatic Journal», IV, 3. Wiesbaden, 1959, стр. 173.

¹⁰ G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd. 62. Wien, 1969.

⁶ См.: Р. Якобсон. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание. — Сб. «Новое в лингвистике», III. М., 1963, стр. 95—105.

⁷ См.: Г. Савакасов. Язык уйгуров Ферганской долины, I. Алма-Ата, 1970, стр. 22—23.

На вопрос — почему в словах типа казахского *kögük* 'кузнечные мехи' узкий гласный, оказываясь в безударном слого, не выпадает — пока трудно дать удовлетворительный ответ.

Все случаи противопоставления долгих и кратких гласных в кахском говоре азербайджанского языка должны быть тщательно проверены. Только после этого станет ясно, сохранились ли на самом деле в названном говоре следы первичной долготы гласных.

Необходимо различать *ʋ* и *ɖ* в реконструированной системе праязыка, с одной стороны, и *ʋ* и *ɖ* в башкирском и туркменском языках (<*s* и *z*), с другой.

Не исключено, что с (*ц*) в тюркских языках развился самостоятельно.

Лабияльная гармония не дает сочетания гласных типа *и—о*. В таких словах, как *buzov* 'теленка', *о* во втором слого появился не в результате действия лабиальной гармонии, а под влиянием конечного согласного.

Учет различных фактов, относящихся к взаимодействию тюркских языков с кавказскими в историческом плане, будет полезным вкладом и в тюркологию и в кавказоведение. Вообще, выделение тюркских заимствований, особенно древних, в нетюркских языках заслуживает самого серьезного внимания: «независимо от степени адаптации, заимствования сохраняют определенные черты фонетического облика оригиналов и являются одним из источников изучения истории языка».

Слово *ип* 'мука' образовано от глагольноименной основы *и* (<^v*и> 'мелкий', 'растирать', ср. азерб. *usaγ* (*u-sa-γ*) 'ребенок'. Ст.-узб. *иγ* 'мять, растирать' — вторичная основа. В древнетюркском языке или, скорее, в праязыке аффиксы *γ* (*g*) и *k* использовались для образования как имен, так и глаголов. Мы нередко говорим о лексикограмматическом синкретизме корней, например, в якутском языке *baĵ* 'богатый' и 'богатеть', тогда как в туркменском — *baĵ* 'богатый', а *baĵu* 'богатеть', то есть посредством присоединения аффикса -*у* именная и глагольная основы оказываются морфологически разграниченными. Вместе с тем не сле-

дует забывать и о существовании лексикограмматического синкретизма словообразовательных аффиксов¹¹.

Хотя наличие огромного количества диалектологических работ в значительной мере компенсирует отсутствие диалектологического атласа, составление последнего является одной из первоочередных задач советской тюркологии, и оно безусловно облегчит решение спорных вопросов исторической грамматики тюркских языков.

Звуковые изменения происходят в разных направлениях: аффрикаты становятся простыми согласными, а простые согласные — аффрикатами. Так, в определенных фонетических условиях в чувашском языке общетюркский *t перешел в *c*: *cer* 'колени' (<^v**t̄ys*), *cem* 'дыхание' (<^v**t̄yn*), а в говорах турецкого языка общетюркский *k изменился сначала в *g*, а затем в *z*: *käl > *gäl* > *zäl* 'приходить'. Следовательно, аффрикаты не всегда первичны по отношению к простым согласным.

Параллельное развитие протетических согласных в разных языках мира обусловлено определенными особенностями произнесения начальных гласных («аттакирование», «приступ», «кнаклаут»). Одна из отличительных особенностей протетических согласных их нерегулярность.

В конце обсуждения А. М. Щербак ответил на вопросы присутствующих.

А. К. Алекперов

¹¹ См.: Н. К. Антонов. К вопросу о словообразовании имен в якутском языке. — «Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР», вып. 5. Якутск, 1958, стр. 68—75; G. Clauson. Three notes on early Turkish, 1. Deverbal nominal suffixes. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten 1966 'dan ayırbasım». Ankara, 1967, стр. 1—11.

PERSONALIA

УМАР БАБЛАШЕВИЧ АЛИЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

31 января 1971 года исполнилось 60 лет со дня рождения и 40 лет трудовой и научно-педагогической деятельности доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка Карачаево-Черкесского госпединститута Умара Баблашевича Алиева.

У. Б. Алиев родился в ауле Огары Теберди (Верхняя Теберда) Карачаевского района Карачаево-Черкесской автономной области в бедной крестьянской семье. В 1933 г. У. Б. Алиев окончил Ростовский педагогический институт. В годы учебы он прошел основательную тюркологическую подготовку у А. Самойловича и У. Алиева-старшего.

Свою научно-педагогическую деятельность У. Б. Алиев начал в 1934 году преподавателем карачаево-балкарского языка в Кабардино-Балкарском госпединституте. С тех пор он работал в различных вузах страны, занимая должности доцента, профессора, зав. кафедрой, декана, проректора, ректора.

В 1943 году ему была присвоена ученая степень кандидата, а в 1962 г.—доктора филологических наук.

За время работы в вузах У. Б. Алиевым были созданы оригинальные курсы лекций по современному русскому языку, общему языкознанию, сопоставительной грамматике, карачаево-балкарской филологии. Он по праву считается первым ученым, разработавшим вузовские курсы по карачаево-балкарскому языку и карачаево-балкарской литературе.

В 1937—1938 гг. У. Б. Алиевым были созданы первые стабильные школьные учебники для II—IV, V—VII классов балкарских школ, составлены школьные программы по родному языку и литературе, разработаны вопросы орфографии карачаево-балкарского языка. Учебники У. Б. Алиева неоднократно пересдавались. Они используются в карачаевских и балкарских школах и поныне.

У. Б. Алиев является видным ученым-тюркологом и русистом. Им написано свыше 30 научных работ общим объемом до 150 п. л. Частично или в основном опубликованы следующие работы У. Б. Алиева: «Слово и части речи» (20 п. л.) — посвящена анализу единства лексического и грамматического значений в слове и нарушению этого единства, являющемуся движущим началом развития слова; «Вопросы сложного предложения в русском и карачаево-балкарском языках» (10 п. л.) — посвящена изучению природы сложного предложения. В настоящее время находится в печати книга «Научный синтаксис карачаево-балкарского языка» (35 п. л.),

посвященная типам и видам словосочетаний, предложений, особенностям членов предложения, порядку слов в предложении.

Большое научное и практическое значение имеют статьи У. Б. Алиева, опубликованные в разное время в сборниках: «Причастие и деепричастие в карачаево-балкарском языке», «Времена и наклонения глагола в карачаево-балкарском языке», «Вопрос о залогах в карачаево-балкарском языке», «Проблема корня и основы в карачаево-балкарском языке», «Сложное предложение в карачаево-балкарском языке», «Главные члены предложения в карачаево-балкарском языке», «Диалектное членение в карачаево-балкарском языке» и др.

Много сил и энергии отдает профессор У. Б. Алиев делу подготовки молодых ученых по карачаево-балкарскому, кумыкскому и чеченскому языкам. Сотни учителей, бывшие студенты У. Б. Алиева, работают в аулах, сельских и городских школах республик и областей нашей страны.

У. Б. Алиев известен в Карачаеве и Балкарнии и как поэт.

В настоящее время У. Б. Алиев — профессор кафедры русского языка, член Экспертной комиссии по языкознанию Северо-Кавказского Совета по Координации научных исследований.

М. А. Хабичев

ХРОНИКА

«НАКЛОНЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ»

В декабре 1970 года в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР на заседании Объединенного Ученого совета по историко-филологическим наукам состоялась защита докторской диссертации директором Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР Е. И. Коркиной. В качестве диссертации была представлена опубликованная монография «Наклонения глагола в якутском языке».

Работа состоит из двух частей: «Изъявительное наклонение» и «Косвенные наклонения».

В монографии дается краткое описание истории изучения глагола в якутском и других тюркских языках, определяется категория модальности, приводится перечень наклонений, дается общая характеристика их морфологического выражения и соотношения синтетического и аналитического построения, отношения к формам, грамматически выражающим в якутском языке время, приводится классификация аналитических глагольных форм.

Большое место в исследовании отводится изъявительному наклонению. Дается описание отдельных времен: настоящего-будущего, а также прошедших времен, значительная часть которых выявлена Е. И. Коркиной (например, прошедшее результативное второе, давнопрошедшее эпизодическое).

Вторая часть монографии, названная «Косвенные наклонения», посвящена девяти наклонениям глагола якутского языка: повелительному, условному, утвердитель-

ному, должноствительному, наклонению обычно совершаемого действия, возможно-наклонению несовершившегося действия, сослагательному, предположительному.

В заключение рассматриваются формы, которые Е. И. Коркина не относит к формам наклонения (-аа ини, -аахтаа-).

Исследование Е. И. Коркиной выполнено на основе добротного фактического материала, охватывающего почти всю современную якутскую художественную литературу. Автор умело использует при описании форм наклонений и их значений диалектные особенности языка, приводит сравнения и проводит сопоставления с аналогичными явлениями и фактами других тюркских языков.

Монография Е. И. Коркиной, вышедшая в свет весной 1970 года, вызвала большой интерес у языковедов-тюркологов. Многие языковедческие учреждения страны и видные ученые-тюркологи прислали на нее положительные отзывы.

Официальные оппоненты диссертанта — доктора филологических наук А. П. Дульзон, Е. И. Убрятова и А. А. Юлдашев и присутствовавший на защите член-корреспондент АН СССР В. А. Аврорин — дали высокую оценку труду Е. И. Коркиной, подчеркнув, что его появление — крупное событие в исследовании современного якутского языка.

Члены Ученого совета единодушно проголосовали за присвоение Е. И. Коркиной ученой степени доктора филологических наук.

С. Ф. Табаровская

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Стр.

А. Н. Кононов (Ленинград). История приобретения, переводов, изданий и изучения сочинения Абу-л-Гази «Родословная тюрков»	3
Б. А. Сребренников (Москва). Что было первичным г ² или z?	12
А. П. Дульзон (Томск). Кетско-тюркские параллели в области склонения	20
З. Б. Мухамедова (Ашхабад). Огузско-туркменские этнонимы	27
М. А. Сейидов (Баку). Об этимологии слова <i>ozan uzan</i>	38
Ю. Саидов (Фергана). Формы глагола, выражающие нереальность в современном узбекском языке	49
З. Х. Таги-заде (Баку), Р. К. Потапова (Москва). Акустический анализ гласных современного азербайджанского литературного языка	60

* *
*

Г. П. Грунин (Мытищи). А. Е. Крымский	70
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Э. А. Умаров (Ташкент). Прием <i>ийхом</i> в произведениях Алишера Навои	76
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Э. Н. Фазылов, Н. Расулова (Ташкент). Языкознание в Узбекистане за последние годы	82
И. Агазде (Баку). J. Nemeth. Die türkische Sprache in Ungarn im Siebzehnten Jahrhundert	90
Н. А. Дулина (Ленинград). О тюркологическом ежегоднике, издаваемом в Париже	108

РЕЦЕНЗИИ

М. Ш. Рагимов (Баку). Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины	110
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Л. А. Покровская (Москва). Совещание диалектологов	115
Р. В. Болдырев (Киев). Столетие со дня рождения академика А. Е. Крымского	124
А. К. Алексиеров (Баку). «Сравнительная фонетика тюркских языков»	128

PERSONALIA

М. А. Хабицев (Карачаевск). У. Б. Алпев	135
---	-----

ХРОНИКА

«Наклонения глагола в якутском языке»	137
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

A. N. Kononov (Leningrad). The story of purchasing, translating, publishing and studying the work «Genealogy of the Turks» by Abu-l-Gasi	3
B. A. Serebrennikov (Moscow). Which was primary: «g ² » or «z»?	13

<i>A. P. Dulson</i> (Tomsk). Kettish and Turkic parallels in the declension	20
<i>Z. B. Mukhamedova</i> (Ashkhabad). Ogus and Turkmen ethnonyms	27
<i>M. A. Seyidov</i> (Baku). On the etymology of <i>ozan uzan</i>	38
<i>Yu. Saidov</i> (Fergana). The forms of verbs denoting irrealty in the modern Uzbek language	49
<i>Z. Ch. Tagizade</i> (Baku), <i>P. K. Potapova</i> (Moscow). Acoustic analysis of the vowels in the modern literary Azerbaijanian	60

* *
*

T. I. Gruntin (Mytishtchl). <i>A. E. Krymsky</i>	70
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>E. A. Umarov</i> (Tashkent). The «iyham» device in the works of Alisher Navoi	76
--	----

NOTES, REVIEWS

<i>E. I. Fazylov, N. Rasulova</i> (Tashkent). On the linguistic Life in Uzbekistan in recent years	82
<i>N. Agazade</i> (Baku). <i>J. Német</i> . Die türkische Sprache in Ungarn im Siebzehnten Jahrhundert	90
<i>N. A. Dulina</i> (Leningrad). On the Turkological annual published in Paris	108

CRITICS

<i>M. Sh. Rahimov</i> (Baku). <i>G. Sadvakhasov</i> . The language of the Uigurs from the Fergana valley	113
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>L. A. Pokrovskaya</i> (Moscow). Dialectologists meet	115
<i>R. V. Boldyrev</i> (Kiev). Centenary of <i>A. E. Krymsky</i>	121
<i>A. K. Alekperov</i> (Baku). «Comparative phonetics of the Turkic languages»	128

PERSONALIA

<i>M. A. Khabichev</i> (Karachajevsk). <i>U. B. Alijev</i>	135
--	-----

CHRONICLE

«Mood of the verb in the Yakut language»	137
--	-----

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *А. Е. Сорокина, С. В. Лисикова*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 14/IV 1971 г. Подписано к печати 24/V 1971 г. ФГ 10176. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,38. Физ. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,5. Заказ № 2038.

Тираж 4100. Цена 1 руб.

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ ТРАНСКРИПЦИЯ
НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА „СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ“

Г Л А С Н Ы Е

A a — а
 Ä ä — э
 U u — у
 I i — и
 O o — о
 Ö ö — е
 U u — у
 Ü ü — ү
 E e — е

С О Г Л А С Н Ы Е

B b — б	N n — н
ż ż — ч, дж (چ)	P p — п
Сс — ц	ng — Н ^г (ڭ)
Сс ^v — ч (چ)	ŋ — н ₁
D d — д	R r — р
F f — ф	S s — с
G g — г	Ss ^v — ш
G' g' — к (گ)	T t — т
γ γ — ғ (غ)	V v — в
H h — h, х ₁ (ح, ه)	Z z — з
J j — j	Zz ^v — ж
K k — ка (ق)	θ ð — ç (ث)
K' k' — ке (ك)	Δδ — з̇ (ذ)
L l — л	X x — х (خ)
M m — м	

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ НАД БУКВАМИ

- долгота
- ∪ краткость
- ~ носовой
- ' мягкость

1 руб.

Индекс
70927